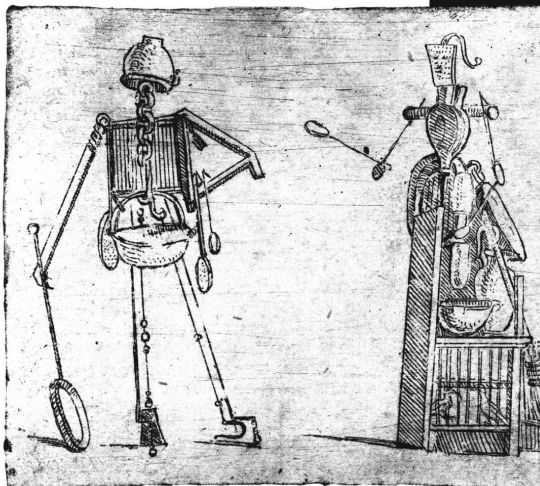

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Нормы и практики Нового времени

УКРОЩЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Коллектив авторов
Мария Сергеевна Неклюдова
Укрощение повседневности:
нормы и практики
Нового времени
Серия «Научная библиотека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63080532

*Укрощение повседневности Нормы и практики Нового времени: Новое
литературное обозрение; Москва; 2020
ISBN 9785444814314*

Аннотация

Одну из самых ярких метафор формирования современного западного общества предложил классик социологии Норберт Элиас: он писал об «укрощении» дворянства королевским двором – институцией, сформировавшей сложную систему социальной кодификации, включая определенную манеру поведения. Благодаря дрессуре, которой подвергался европейский человек Нового времени, хорошие манеры впоследствии стали восприниматься как нечто естественное. Метафора Элиаса всплывает всякий раз, когда речь заходит о текстах, в которых фиксируются нормативные модели поведения, будь то учебники хороших манер или книги

о домоводстве: все они представляют собой попытку укротить обыденную жизнь, унифицировать и систематизировать часто не связанные друг с другом практики. В книгу вошли работы, посвященные различным способам словесного и визуального укрощения реальности, зазору между правилами хорошего тона и их практическим применением, проблемам перевода и адаптации чужих кодексов, жанровым особенностям нормативной литературы и т. д. Авторы сборника – ведущие российские исследователи истории и культуры: О. Вайнштейн, М. Велижев, М. Майофис, В. Мильчина, М. Неклюдова и другие.

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
I. Вокруг Элиаса	12
«ЦИВИЛИЗАЦИЯ» НОРБЕРТА ЭЛИАСА:	12
ЗА И ПРОТИВ ⁴	
ОБ ОДНОМ ПРИМЕЧАНИИ	44
НОРБЕРТА ЭЛИАСА ⁶⁷	
СОЗДАВАЯ ОБЩЕСТВА КОНТРОЛЯ	79
II. Укрощение тела	112
ОТ ЖЕНСКОЙ ЗАБАВЫ К ЗАНЯТИЮ	112
НАСТОЯЩЕГО ДВОРЯНИНА	
ФРАНЦУЗСКИЕ АНА XVII–XIX ВЕКОВ	155
КАК (ПСЕВДО)ДИДАКТИЧЕСКИЕ	
ТЕКСТЫ: СЛУЧАЙ PETERIANA	
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Укрощение повседневности

Нормы и практики

Нового времени

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

КАКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

ТРЕБУЕТ УКРОЩЕНИЯ

В книге «Полезные советы», вышедшей в 1959 году, мы читаем следующие рекомендации:

Но вот вечер окончен. Пора расходиться. (Можно с вечера уйти и раньше, незамеченным, обязательно только простившись с хозяйкой.) Желательно, чтобы молодые люди изъявили желание проводить стариков, инвалидов или педагога, если он был на вечере. Юноши могут провожать девушек¹.

Императивное требование, отчасти замаскированное безличной структурой («пора расходиться»), сочетается в приведенном фрагменте с рекомендацией («желательно»)

¹ Полезные советы. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1959. С. 214.

и с выбором опций («можно уйти», «могут провожать»), тем самым обозначая границы дозволенного. Несмотря на то что этот текст опубликован в советскую эпоху, он выглядит как «вневременной» – что является характерной чертой этого жанра, хотя упоминание в одном ряду стариков и инвалидов можно считать косвенным указанием на послевоенный период. Тем не менее здесь подразумевается определенный тип и состояние общества, где поведенческие конвенции не являются само собой разумеющимися. Уважение к старшим, галантное поведение по отношению к женщинам, соблюдение правил вежливости – все это воспитуемые навыки, а отнюдь не врожденные инстинкты.

Этой оптикой – умением разглядеть за банальными рекомендациями общие социальные установки – мы безусловно обязаны Норберту Элиасу и его магистральному труду «О процессе цивилизации» (1939). Элиас открыл для историков целый пласт литературы, ранее не привлекавший их внимания. Анализируя учебники хороших манер, от средневековых текстов вплоть до середины XIX века, он показал, как в ситуации конкуренции элит и усиления государства изменялась чувствительность европейского человека, подвергавшегося все более суровой «дрессуре» для полноценного вхождения в общество. Элиас рассматривал прежде всего телесные и физиологические привычки, связанные со сном, едой, отправлением естественных потребностей, сосуществованием в едином пространстве с други-

ми и т. д. Выстроенная им генеалогия во многом опиралась на трактат Эразма Роттердамского «О приличии детских нравов» (*De civilitate morum puerilium*), который сыграл огромную роль в формировании общеевропейских поведенческих конвенций, о чем свидетельствует его усиленная циркуляция вплоть до середины XIX века. С точки зрения Элиаса, проповедуемая Эразмом доктрина «золотой середины», то есть подавления «животных» импульсов при сохранении «естественности» человеческих реакций, представляет раннюю стадию внедрения (само)контроля, затем постоянно усиливавшегося.

В другой известной работе, посвященной придворному обществу – особому типу социальной организации, сложившемуся в европейских странах в XVI–XVIII веках, – Элиас анализировал его функцию в рамках политической структуры абсолютизма. Как суммировал его точку зрения Роже Шартье², формирование придворного общества неотделимо от абсолютистского государства, где правитель обладает двойной монополией – фискальной и монополией на законное насилие. Обе отняты у аристократии, которая теперь может частично ими пользоваться лишь в непосредственной близости к власти. Специфика французского общества раннего Нового времени состоит в том, что там существовали две правящие группы (дворянство шпаги и дворянство

² См.: *Chartier R. Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation // Norbert Elias. La société de cour. Paris: Flammarion, 1985.*

мантии), чьи интересы были достаточно близки, но которые находились в отношениях конкуренции, что делало возможным абсолютную власть короля. Механизмом регуляции их взаимодействия и был двор. Королевский двор – это строго ограниченное пространство, внутри которого существует практически весь социальный спектр: от королевского семейства, принцев крови, герцогов и пэров к министрам (часто более низкого, то есть буржуазного, происхождения), нетитулованным дворянам, магистратам (опять-таки, как правило, буржуа), представителям разных профессий (врачи, учителя, музыканты, архитекторы и пр.) и слугам разных уровней. Отсюда необходимость постоянного утверждения и поддержания символических различий между соприкасающимися группами, которая острее всего ощущается при дворе, но распространяется и за его пределы. Двор определяет престижные культурные модели, которые становятся предметом для подражания: вспомним мольеровского мещанина во дворянстве, который хотел двигаться и говорить так, как это делают люди благородного происхождения. Однако циркуляция культурных моделей не является односторонней; они не просто спускаются сверху вниз, но находятся в состоянии конкурентной борьбы. Буржуазия стремится имитировать поведение дворянства, поэтому дворянство вынуждено все время умножать требования к манерам, чтобы сохранить отличие.

В «Придворном обществе» Элиас говорит о политиче-

ском «укротении» дворянства посредством двора, отчасти за счет этой системы символических отличий, включавших и манеру поведения. Ее внедрение непосредственно связано с той более общей «дрессурой», о которой идет речь в труде «О процессе цивилизации», когда по мере изменения правил общежития европейский человек начинает усваивать «хорошие манеры» и воспринимать их как естественные, а не навязанные извне. Обе метафоры дают удобную точку отсчета, когда мы работаем с текстами, в которых фиксируются правильные (нормативные) модели поведения. Не существенно, берем ли мы учебники хороших манер, придворные трактаты, кодексы поведения, книги о домоводстве, и т. д. и т. п., все они представляют попытку «укротить» обыденную жизнь, систематизировать различные, часто не связанные друг с другом практики. Эта риторическая «дрессура» безусловно имеет отношение к действительности, хотя не является ни ее прямым отражением, ни полностью реализуемой программой.

Однако повседневность, «укротению» которой посвящена эта книга, отнюдь не ограничивается непосредственными стратегиями контроля обыденного существования. Не будем забывать, что формирование повседневности как самостоятельного исследовательского поля стало одной из поворотных точек в развитии историко-культурного знания второй половины XX века. При всех национальных вариациях изучение повседневности внутренне противостоит «боль-

шой истории», демократизируя ее, сосредоточиваясь на том, что раньше относилось к области антропологического знания или анекдотических источников – бытовом поведении, частной жизни, приватных отношениях, массовых представлениях и репрезентациях. Такой подход чреват рядом проблем: это отсутствие и четко обозначенных границ предмета, и устоявшихся методов и техник работы с ним. Как в свое время говорил Борис Дубин, трудность изучения повседневности состоит в том, что за этим обозначением стоит не столько открытие новых источников информации, сколько изменение исследовательской оптики. Иными словами, повседневность является аналитической категорией, а не объективной реальностью, хотя порой это не принимается в расчет. Когда Фернан Бродель писал о «структурах повседневности», то, заметим, речь шла о возможном и невозможном, то есть о двух системах выстраивания культурных ожиданий, обе из которых не обязательно соответствуют тому, «как это было на самом деле»³.

Итак, для нас «укрощение» повседневности происходит сразу на двух уровнях, один из которых связан с регуляцией обыденных практик, а другой – с осмыслением научных процедур по их изучению. Именно поэтому мы начинаем с обсуждения наследия Элиаса, его рецепции в современной нау-

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986.

ке и существовавших параллельно с ним концепций культурного развития. Следующей важной темой, непосредственно восходящей к работе «О процессе цивилизации», становится рассмотрение способов контроля тела, от движения (танца) к физиологическим функциям и способам презентации (как посредством одежды, так и при помощи фотографии). Далее мы переходим к проблеме кодификации, то есть осмысления меняющихся правил поведения, будь то внутри одной группы или в обществе в целом, и к транслированию этих кодов как во времени, так и в пространстве. Не случайно тут возникает вопрос о разграничении публичных и частных практик, в высшей степени релевантный и для раннего Нового времени, и для нашей эпохи. Наконец, последним этапом исследования становится изучение медиа, которые одновременно фиксируют и формируют обыденное – и нередко научное – представление о повседневности.

В основу книги положены материалы конференции «Укрощение повседневности: нормативная литература и поведенческие стратегии Нового времени», которая была организована Школой актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС 29–30 ноября 2018 года.

I. Вокруг Элиаса

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ» НОРБЕРТА ЭЛИАСА: ЗА И ПРОТИВ⁴

Михаил Велижес

Историческая социология Норберта Элиаса: историография и полемика

Научные труды Норберта Элиаса, одного из классиков европейской социологии XX века, были «открыты» западным академическим сообществом с большим опозданием. Нельзя сказать, что первая публикация «Процесса цивилизации» (1939) прошла незамеченной: несколько авторитетных социологических и психологических журналов напечатали рецензии на монографию Элиаса. Однако перевод «Процес-

⁴ Мы благодарны участникам организованной ШАГИ РАНХиГС конференции «Укрощение повседневности: нормативная литература и поведенческие стратегии Нового времени», участвовавшим в обсуждении нашего доклада. Мы также признательны М. С. Неклюдовой и В. Л. Каплуну за помощь при подготовке статьи. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

са...» на английский язык сорвался из-за событий Второй мировой войны, и знакомство с идеями Элиаса оказалось отложено почти на три десятилетия⁵. Впрочем, и в самой Германии написанная в 1930-е годы монография Элиаса по истории и теории придворного общества была издана лишь в 1969 году.

С середины 1970-х годов работы Элиаса становились все более и более популярными, став частью научного мейн-стрима. Как следствие, современная историография, посвященная отдельным аспектам научного наследия немецкого социолога, изобилует самыми разнообразными материалами⁶. Существуют обзорные труды, посвященные социологии Элиаса⁷, исследования о его вкладе в социологию спорта⁸,

⁵ Подробнее см.: *Joly M.* Dynamique de champ et «événements». Le projet intellectuel de Norbert Elias (1930–1945) // *Norbert Elias et le XXe siècle. Le processus de civilisation à l'épreuve / Sous la direction de Quentin Deluermoz.* Paris, 2012. P. 163–200.

⁶ Аннотированную библиографию работ об Элиасе см., например: *Norbert Elias et le XXe siècle.* P. 43–53.

⁷ См.: *Delmotte F.* Norbert Elias: la civilisation et l'État. Bruxelles, 1997; Id. Termes clés de la sociologie de Norbert Elias // *Norbert Elias et le XXe siècle.* P. 55–70; *Heinich N.* La sociologie de Norbert Elias. Paris, 1997; *Treibel A.* Die Soziologie von Norbert Elias. Eine Einführung in ihre Geschichte, Systematik und Perspektiven. Wiesbaden, 2008; *Fletcher J.* Violence and Civilization: An Introduction to the Work of Norbert Elias. Cambridge, 1997; *Mennell S.* Norbert Elias: Civilization and the Human Self-Image. Oxford, 1989; Id. *Norbert Elias: An Introduction.* Oxford, 1992; *Kilminster R.* Norbert Elias: Post-Philosophical Sociology. London, 2007; *Spierenburg P.* Violence and Civilizing Process: Does it Work? // *Crime, histoire & sociétés.* 2001. Vol. 5. P. 87–105; *Chartier R.* Avant-propos // *Elias N.* La société des

в развитие историко-социологического метода⁹ или в историческую науку о «процессе цивилизации»¹⁰. Кроме того, в последние десятилетия создано достаточное количество исследований, в которых социология Элиаса сопоставляется с другими значимыми научными парадигмами. В нашем распоряжении имеются многочисленные работы об Элиасе, а также о М. Вебере¹¹, М. Фуко¹², Т. Парсонсе¹³, Х. Арендт¹⁴,

individus. Paris, 1991. P. 7–29; и др.

⁸ См.: *Chartier R., Vigarello G.* Les trajectoires du sport: pratiques et spectacles // *Le Débat*. 1982. Vol. 19. P. 35–47; *Sport and Leisure in the Civilizing Process. Critique and Counter-Critique* / Ed. by E. Dunning and C. Rojek. London, 1992; *Dunning E.* Approche figurationnelle du sport moderne: réflexions sur le sport, la violence et la civilisation // *Norbert Elias et le XXe siècle*. P. 361–388.

⁹ См.: *Kumar K.* Historical Sociology // *The New Blackwell Companion to Social Theory* / Ed. by B. S. Turner. Oxford, 2009. P. 391–408.

¹⁰ См.: *Kocka J.* «Über den Prozess der Zivilisation». Norbert Elias als Historiker // *Konflikt und Reform. Festschrift für Helmut Berding*. Winfried Speitkamp und Hans-Peter Ulimann (Hrsg.). Göttingen, 1995. S. 329–337; *Schwerhoff G.* Zivilisationsprozeß und Geschichtswissenschaft: Norbert Elias' Forschungsparadigma in historischer Sicht // *Historische Zeitschrift*. 1998. Bd. 266. S. 561–605 (здесь же см. библиографию); *Chartier R.* Pour un usage libre et respectueux de Norbert Elias // *Norbert Elias et le XXe siècle*. P. 71–104 (впервые в 2010 г.); и др.

¹¹ См.: *Breuer S.* Gesellschaft der Individuen, Gesellschaft der Organisationen. Norbert Elias und Max Weber im Vergleich // *Norbert Elias und die Menschenwissenschaften. Studien zur Entstehung und Wirkungsgeschichte seines Werkes* / K.-S. Rehberg (Hrsg.). Frankfurt am Main, 1996. S. 303–330; *Turner B. S.* Weber and Elias on religion and violence // *The Sociology of Norbert Elias* / Ed. by S. Loyal and S. Quilley. Cambridge, 2004. P. 245–264; и др.

¹² См.: *Burke P.* Civilisation, Discipline, Disorder: Three Case-Studies in History and Social Theory // *The Postmodern Challenge: Perspectives East and West* / Ed. by B. Strath and N. Witoszek. Amsterdam, 1999. P. 97–115; *Smith D.* The Civilising

П. Бурдьё¹⁵, К. Манхейме¹⁶, М. Моссе и Л. Февре¹⁷, З. Баумане¹⁸, Л. Витгенштейне¹⁹, З. Фрейде и И. Гоффмане²⁰, В. Беньямине²¹ и др. В последнее время активно изучается био-

Process and the History of Sexuality: Comparing Norbert Elias and Michel Foucault // Theory and Society. Renewal and critique in social theory. 1999. Vol. 28. P. 79–100; Id. The Prisoner and the Fisherman: A Comparison between Michel Foucault and Norbert Elias // Zivilisationstheorie in der Bilanz. Beiträge zum 100. Geburtstag von Norbert Elias / A. Treibel, R. Blomert, H. Kuzmics (Hrsg.). Wiesbaden, 2000. S. 143–163; *Spierenburg P.* Punishment, Power and History: Foucault and Elias // Social Science History. 2004. Vol. 28. P. 607–636; *Memmi D.* Civilizing «Life Itself»: Elias and Foucault // Norbert Elias and Empirical Research / Ed. by T. Savoia Landini and F. Dépelteau. New York, 2014. P. 111–123; *Chartier R.* Au bord de la falaise. L'histoire entre certitudes et inquiétudes. Nouv. éd. Paris, 2009. P. 290–292; и др.

¹³ См.: *Smith D.* Norbert Elias and Modern Social Theory. London, 2001. P. 71–92.

¹⁴ См.: Ibid. P. 43–70.

¹⁵ См., например: *Déchaux J.-H.* N. Elias et P. Bourdieu: analyse conceptuelle comparée // European Journal of Sociology. 1993. Vol. 34. P. 364–385. См. также замечания о связи между идеями Элиаса и Бурдьё в статье: *Chartier R.* Pour un usage libre et respectueux de Norbert Elias.

¹⁶ *Kilminster R.* Norbert Elias and Karl Mannheim: Closeness and Distance // Theory, Culture & Society. 1993. Vol. 10. P. 81–114.

¹⁷ См.: *Bert J.-F.* Éléments pour une histoire de la notion de la civilisation. La contribution de Norbert Elias // Norbert Elias et le XXe siècle. P. 141–162.

¹⁸ *Smith D.* Norbert Elias and Modern Social Theory. P. 114–133.

¹⁹ См.: *Blok A.* Wittgenstein en Elias: Een methodische richtlijn voor de anthropologie. Assen, 1975.

²⁰ См.: *Scheff T. J.* Elias, Freud and Goffman: Shame as the Master Emotion // The Sociology of Norbert Elias. P. 229–242.

²¹ См.: *Schöttker D.* Norbert Elias und Walter Benjamin. Ein Briefwechsel und sein Zusammenhang // Norbert Elias und die Menschenwissenschaften. Studien zur Entstehung und Wirkungsgeschichte seines Werkes / K.-S. Rehberg (Hrsg.). Frankfurt

графия Элиаса, в том числе с опорой на архивные, не публиковавшиеся прежде источники²². Кроме того, методология Элиаса активно и успешно применяется в эмпирических историко-социологических исследованиях²³. В целом нельзя сказать, что мы испытываем острый дефицит в трудах по социологии Элиаса и по рецепции его идей в западной науке.

Как и всякий «классик», Элиас оказался в центре напряженных дискуссий о достоинствах и недостатках созданной им теории. С изрядной частотой отдельные ученые предпринимают попытки масштабной ревизии различных аспектов историко-социологической концепции Элиаса. В отдельных областях знания (скажем, в интерпретации придворного общества) распространено мнение, что «цивилизационная» теория немецкого социолога давно потеряла свою актуальность²⁴. Ниже мы постараемся разобраться, во-первых, в ка-

am Main, 1996. S. 40–58.

²² См., например: *Joly M. Devenir Norbert Elias. Histoire croisée d' un processus de reconnaissance scientifique: la réception française*. Paris, 2012; Id. *Dynamique de champ et «événements». Le projet intellectuel de Norbert Elias (1930–1945) // Norbert Elias et le XXe siècle*. P. 163–200.

²³ См., например, материалы сборников статей: *Norbert Elias and Empirical Research; Norbert Elias et le XXe siècle*; и др.

²⁴ См., например, суммирующее суждение П. Бёрка о значении работ Элиаса в контексте современной культурной истории: «Можно обобщить реакцию культуральных историков на идеи Элиаса, сказав, что она зачастую была критической по отношению к его интерпретации истории, но его социальную и культуральную теорию находят вполне достойной того, чтобы ее использовать» (*Бёрк П. Что такое культуральная история? М.*, 2015. С. 88).

кой мере сформулированную в адрес Элиаса критику следует считать обоснованной и, во-вторых, можно ли говорить о том, что ревизия его цивилизационной модели заставляет нас отказаться от рефлексии над методологическими принципами, легшими в основу рассуждений Элиаса. В дальнейшем мы сосредоточимся на одной из линий в разысканиях немецкого социолога – его исследованиях о природе и эволюции придворного общества.

Как считает французский историк Р. Шартье, один из главных и наиболее проницательных, на наш взгляд, современных интерпретаторов и апологетов идей Элиаса, критика его концепции придворной культуры прежде всего идет по трем направлениям. Во-первых, историки (главным образом голландец Й. Дойндам, об аргументах которого, изложенных в монографии «Миф о власти»²⁵, мы подробно расскажем ниже) оспаривают тезис об одной-единственной модели придворного поведения и утверждают, что на самом де-

²⁵ *Duindam J. Myths of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1995. См. также: Royal Courts in Dynastic States and Empires. A Global Perspective / Ed. by J. Duindam, T. Artan and M. Kunt. Vol. I. Leiden; Boston, 2011; Duindam J. The Court as a Meeting Point: Cohesion, Competition, Control // Prince, Pen, and Sword. Eurasian Perspectives / Ed. by M. van Berkel and J. Duindam. Leiden; Boston, 2018. P. 32–128 (о концепции Элиаса см.: P. 32–35); Bertelli C. La corte come problema storiografico. A proposito di alcuni libri (più o meno) recenti // Archivio storico italiano. 2006. Vol. 164. P. 129–163 (о теории Элиаса см.: P. 131–134); Adamson J. Introduction. The Making of the Ancien Régime Court 1500–1700 // The Princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500–1750 / Ed. by J. Adamson. London, 1999. P. 7–42 (об Элиасе см.: P. 9–10).*

ле их было несколько, чего Элиас явно не учитывал. Во-вторых, Элиас заслужил упреки в некорректном и нерепрезентативном использовании исторических источников (например, об этом пишет немецкий антрополог Х. П. Дюрр в книге «Миф о процессе цивилизации»²⁶). В-третьих, определенные сомнения возникают и в отношении той части концепции Элиаса, которая касается тесных связей между изменениями в психологии индивида и трансформациями большого социального организма, в данном случае двора (см. об этом работу американского историка Д. Гордона «Граждане без суверенитета»²⁷).

В целом можно констатировать, что критические рассуждения о «процессе цивилизации» зачастую страдают двумя фундаментальными недостатками. Во-первых, трудам Элиаса предъявляют требования, соответствующие состоянию дел в современной науке²⁸. Оппоненты немецкого социолога забывают, что он работал над своими исследованиями

²⁶ Duerr H. P. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. T. 1. Nacktheit und Scham. Frankfurt am Main, 1988; см. также: Goudsblom J., Mennell S. Civilizing Processes: Myth or Reality? A Comment on Duerr's Critique of Elias // Comparative Studies in Society and History. 1997. Vol. 39. P. 729–733.

²⁷ Gordon D. Citizens without Sovereignty. Equality and Sociability in French Thought, 1670–1789. Princeton, 1994; см. также: Gordon D. The Canonization of Norbert Elias in France: A Critical Perspective // French Politics, Culture and Society. 2002. Vol. 20. P. 68–94.

²⁸ См., например, об этом замечания в работе: Bert J.-F. Éléments pour une histoire de la notion de la civilisation. La contribution de Norbert Elias // Norbert Elias et le XXe siècle.

в 1930-е годы, когда и уровень разработки источниковой базы, и методологическое оснащение исторической психологии не вполне соответствовали сегодняшним стандартам научного качества (кроме того, существенно, что Элиас, вероятно, не был знаком с трудами французских историков первого поколения школы «Анналов»). Мы имеем дело с анахронистическим прочтением, при котором текст прошлого оценивается исходя из нынешней научной перспективы.

Во-вторых, Элиасу очень часто приписываются политические намерения, которых у него явно не было. Его труды подвергаются мифологизации во многом из-за избранного им термина «цивилизация», который нередко интерпретируется как символ превосходства Запада над всем остальным миром. Классический пример обвинений Элиаса в политической недалёковидности и даже неблагонадежности – это упреки, сформулированные Д. Гордоном в уже упомянутой выше книге «Граждане без суверенитета».

Гордон отмечает, что Элиасу было свойственно весьма высокомерное отношение к французской цивилизации и, напротив, глубокое уважение и симпатия к немецкой культуре. Так, по мнению Гордона, воззрения немецкого социолога на упомянутую понятийную пару сформировались под влиянием публицистических сочинений Томаса Манна, пропитанных откровенно шовинистическим духом. Историк считает, что цивилизационная концепция Элиаса начала складываться в тот момент, когда он учился в Гейдельбергском

университете и, следуя совету К. Ясперса, изучал сочинения Манна. Гордон оговаривает, что Элиас отдавал себе отчет в сугубо политической подоплеке концептуального отделения культуры от цивилизации, однако не избежал некритического использования терминов и вообще негативного воздействия немецкой национальной мифологии²⁹. Отсюда откровенная ирония Гордона, направленная в адрес французских последователей Элиаса, которые не сумели разглядеть в его труде осуждение сервильности французских придворных и ошибочно (если не сказать наивно) сочли его анализ позитивным свидетельством об особом пути исторического развития собственной страны. В числе столь недальновидных ученых Гордон называет Шартье, Бурдьё, Ж. Ревеля и примкнувшего к ним американского историка французской культуры Р. Дарнтон³⁰.

Главное заблуждение исследователей, поддавшихся пагубному влиянию Элиаса, согласно Гордону, состояло в следующем: они приравнивали иерархию к социальному престижу (*distinction*)³¹. Этим объясняется ложная, по мнению ученого, мысль о том, что вежливость прежде всего служила в качестве инструмента, позволявшего цивилизованному человеку встроиться в социальную, строго иерархизированную систему. Ошибочным, с точки зрения Гордона,

²⁹ Ibid. P. 88–90.

³⁰ Bert J.-F. *Éléments pour une histoire de la notion de la civilisation*. P. 4, 91–92.

³¹ Ibid. P. 93.

также является убеждение, согласно которому дворянство, впитавшее придворную культуру, заимствовало представление о жестком социальном порядке, транслировало его в низовую культуру и распространило затем по всей Франции. Трудам Шартье и других историков Гордон противопоставил работы Э. Р. Курциуса, считавшего французскую культуру скорее демократичной, нежели полностью абсолютистской, и И. Гоффмана, утверждавшего, что хорошие манеры могли способствовать не встраиванию в иерархию, но, напротив, освобождению от воздействия внешних социальных структур³².

Упреки, сформулированные Гордоном в адрес Элиаса и его последователей, неоднократно отводились исследователями³³. В частности, отмечалось, что труд Элиаса носил подчеркнуто академический характер, а сам социолог не имел никаких серьезных политических или историософских амбиций. В этом смысле влияние сочинений Томаса Манна на идеи Элиаса – это историографический фантом, поскольку источниками его концепции служили совершенно другие тексты³⁴. Вместе с тем в гуманитарной теории укре-

³² Ibid. P. 92–95.

³³ См., например: *Heinich N. Five Misunderstandings of Elias's Thought* // Norbert Elias and Social Theory / Ed. by F. Dépelteau and T. Savoia Landini. New York, 2013. P. 32.

³⁴ См.: *Chartier R. Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation* // Norbert Elias. *La société de cour*. Paris: Flammarion, 1985. P. II–VII.

пилось представление о том, что Элиас стал одним из создателей чрезвычайно вредного мифа о нравственном прогрессе Запада в Новое время. Сторонниками такой интерпретации выступали весьма уважаемые ученые – например, З. Буман («Современность и холокост», 1989) и Дж. Гуди («Похищение истории», 2006)³⁵.

Дискуссии об Элиасе отличаются известной долей бескомпромиссности³⁶. Мы уже упоминали о едких комментариях Гордона, приведем еще одно суждение, принадлежащее Гуди. Антрополог с явным огорчением отмечает, что научная позиция немецкого ученого «все еще пользуется значительной популярностью во Франции, что, например, проявляется в работах известного историка Роже Шартье»³⁷. Не претендуя на оригинальность и полноту изложения, ниже мы попробуем внести в полемику еще несколько аргументов.

«Цивилизация» Элиаса и история придворного общества: достоинства и недостатки метода

В данном случае нет нужды в очередной раз пересказыв-

³⁵ Апологию Элиаса (на наш взгляд, весьма убедительную) и историю вопроса см., например: *Dépelteau F., Passiani E., Mariano R. Ariel of Caliban? The Civilizing Process and Its Critiques* // Norbert Elias and Social Theory. P. 41–59.

³⁶ Подробнее см., например: *Linhardt D. Le procès de civilisation: à propos d'une récente controverse allemande autour de la théorie du processus de civilisation de Norbert Elias* // *Politix*. 2001. Vol. 55. P. 151–181.

³⁷ Гуди Дж. Похищение истории. М., 2015. С. 214.

вать суть историко-социологической модели, предложенной Элиасом³⁸. Мы хотели бы отметить два аспекта его теории, наиболее важные, с нашей точки зрения, в том числе в контексте современной науки. Во-первых, Элиас совершил продуктивный методологический трансфер, связав воедино историю, социологию и психологию, внутренний мир человека и специфику его социального поведения. Историки науки отмечают, что междисциплинарным характером своего исследования Элиас во многом был обязан особой атмосфере, сложившейся в 1920–1930-е годы в университете Франкфурта-на-Майне, в котором он работал помощником К. Манхейма³⁹. Особенность франкфуртского академического пространства состояла в относительной свободе от традиционных методологических рамок и теоретических предпочтений, свойственных немецкому ученому сообществу в то время. Во Франкфурте сосуществовали и взаимодействовали представители самых разных дисциплин – прежде всего марксистской социологии и философии (М. Хоркхаймер и Т. Адорно) и психоанализа (Э. Фромм). В этой перспективе концептуальные новации Элиаса не кажутся случайными.

³⁸ См.: Руткевич А. М. Историческая социология Норберта Элиаса // Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. 2. М., 2001. С. 347–374; Волков В. В. Норберт Элиас: история практик // Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008. С. 113–131; Велижев М. Цивилизация, или Война миров. СПб., 2019. С. 115–121.

³⁹ Подробнее см.: Joly M. Dynamique de champ et «événements». Le projet intellectuel de Norbert Elias (1930–1945).

Во-вторых, Элиас соотнес цивилизацию *longue durée* с микроконтекстом социальных практик европейской придворной аристократии. Более того, он попытался связать микро- и макроуровни анализа, повседневную жизнь европейских дворян Нового времени, их функции в придворном обществе, с одной стороны, и формирование централизованных монархий, с другой. Тем самым Элиас фактически поставил проблему масштаба исследования и характера обобщения в гуманитарных науках, которая станет предметом интенсивной полемики на рубеже 1970-х и 1980-х годов между сторонниками микро- и макроисторических подходов. В этом смысле монография «Процесс цивилизации», написанная в 1930-е, оказалась актуальной в совершенно ином научном контексте, о чем мы подробнее поговорим ниже.

Как уже было отмечено, критическая ревизия основных аргументов Элиаса о специфике придворного общества наиболее репрезентативно суммирована в работах современного голландского историка Й. Дойндама. В 1995 году он выпустил книгу «Мифы власти», посвященную анализу теории Элиаса, в одной из глав которой («Двор и цивилизация») он попытался радикально оспорить цивилизационную концепцию немецкого социолога⁴⁰.

Прежде всего, по Дойндаму, нельзя согласиться с Элиасом в том, что двор безоговорочно способствовал разви-

⁴⁰ Duindam J. Myths of Power. P. 159–180.

тию самодисциплины в душах прежних воинственных феодалов. Напротив, придворное пространство ассоциировалось не только с умеренностью и самоконтролем, но и с целым набором пороков – роскошью, алчностью, склонностью к излишним интригам, наконец, нравственной и физической распущенностью. Монарх не мог полностью контролировать поведение дворян, которые могли искать увеселений в крупных городах. Таким образом, речь шла скорее о способности умело камуфлировать порочные пристрастия, а не о подлинной самодисциплине.

Кроме того, стандарты аристократического поведения задавались не только придворными кругами. Во Франции XVII столетия альтернативным центром служила городская культура, другим значимым институтом, регулировавшим публичное и частное поведение индивида Нового времени, была церковь, также проповедовавшая идею ограничения человеческих страстей. И католики, и протестанты разработали особую этику публичности и активно занимались религиозной пропедевтикой – причем на самом разном уровне: от поучений государям до воспитания простых прихожан⁴¹. Умение смирять себя и следить за своими аффектами было свойственно далеко не только придворной сфере, но распространялось везде, где присутствовала жестко выстроен-

⁴¹ См. также: *Chaline O.* Chapter two. The Kingdom of France and Navarre. The Valois and Bourbon Courts c. 1515–1750 // *The Princely Courts of Europe. Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500–1750* / Ed. by J. Adamson. London, 1999. P. 89.

ная иерархичная система социальных отношений.

Дойндам оспаривает и выбор источников Элиаса: по его мнению, учебники дворянского поведения не столько свидетельствовали о действительных сдвигах в культуре, сколько имели прескриптивный характер. Судить на их основе о подлинных изменениях невозможно. В другой своей работе Дойндам указывает, что использование в качестве основного источника сведений о французских придворных нравах знаменитых мемуаров Сен-Симона также ошибочно: Сен-Симон, «несостоявшийся придворный», мог значительно исказить картину обыкновений, царивших во французском высшем свете⁴².

Историк критикует Элиаса за европоцентричность разработанной им модели. Если считать контроль за страстями основным признаком цивилизации, то западная политическая культура станет всего лишь одним из возможных примеров такого рода явлений. Восток также добился впечатляющих результатов в деле ограничения человеческих инстинктов и разработал систему поведения, по тонкости и условности ни в чем не уступающую нравам придворной Европы.

Дойндам приводит пример, заимствованный из исследования известного голландского антрополога Х. Тодена ван Вельцена о политической культуре суринамских маронов, или «лесных негров». При отсутствии центральной власти

⁴² *Duindam J. Vienna and Versaille. The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003. P. 8.*

и цивилизующего колонизаторского влияния одно из маронских племен – аукано – разработало и соблюдало правила предельно вежливого социального поведения. Дойндам отмечает, что «самоконтроль служит главной добродетелью в эмоциональной жизни представителей аукано»⁴³.

Тоден ван Вельцен выдвинул свое объяснение развитой системе условностей в обществе аукано, связав ее со специфической матримониальной культурой племени. Мужчина аукано, женившись, постоянно перемещается между местом своего рождения и деревней, откуда происходит его супруга, оказывая новым родственникам разнообразные услуги, объем которых является предметом особых переговоров. В этой ситуации смирение и способность совладать с собой становятся определяющим социальный успех качеством. Приведенные случаи подсказывают, что выбор агрессивного или неконфликтного поведения может определяться не оппозицией между природой и культурой, то есть силами, действующими внутри индивида (как считал З. Фрейд), но исключительно внешними, социальными причинами.

Исследователь оспаривает и интерпретацию Элиасом перехода от внешнего принуждения к внутреннему самоконтролю. По мнению историка, речь идет о неоправданном обобщении. С широким распространением куртуазности престиж чисто воинских, «мужских» добродетелей не снижался, а идея «мужественности» сосуществовала с представ-

⁴³ Duindam J. Myths of Power. P. 172.

лением об изящном поведении как норме. Военная (а также придворная – «пажеская») карьера во Франции в Новое время по-прежнему привлекала молодых дворян, а дуэли еще долго служили важным, насильственным и кровавым способом разрешать конфликты, связанные с честью.

Историк предполагает, что следование двум поведенческим паттернам – военному и придворному – это результат не целенаправленного воздействия централизованного монархического государства, но выбор самого дворянства. И суверен, и аристократия являлись частями единого и сложно устроенного политического организма, описать который в терминах одностороннего воздействия едва ли возможно. Дойндам заключает: «...аристократизация и „абсолютизм“ – пересекающиеся явления (labels). Не двор как административный центр, но двор как место встречи высшей аристократии служил образцом хороших манер»⁴⁴. Даже в сильном централизованном государстве, где двор регулировал бюрократическую иерархию (например, во Франции времен Людовика XIV), дворянство умело постоять за себя и защитить собственные интересы.

Суммируем аргументы Дойндама. Концепция Элиаса не работает по следующим причинам: 1) социолог неправильно описал повседневность придворной жизни; 2) дворяне испытывали воздействие не только двора, но и других авторитетных инстанций, регулировавших бытовое поведение; 3) дво-

⁴⁴ Ibid. P. 176.

рянство не было пассивным реципиентом спущенной сверху этики и морали, прежние феодальные типы повседневного поведения долго соседствовали с новыми практиками; 4) модель цивилизации Элиаса подчеркнуто европоцентрична, она не выдерживает критики при сравнении с аналогичными явлениями в обществах другого типа. Кроме того, придворные общества внутри самой Европы не были столь едиными и похожими друг на друга. Следовательно, эта слабость концепции Элиаса касается и самого европейского мира.

Аргументы 1 и 4 представляются нам во многом обоснованными, но лишь в том смысле, что описание Элиасом придворной жизни скорее требует коррекции, нежели радикального опровержения. Речь идет не столько о критике идей немецкого социолога, сколько об их уточнении и развитии. При всех возражениях сам Дойндам признает, что двор, безусловно, служил образцом, задававшим нормы дворянского поведения. Другие центры политической и культурной власти (город, церковь) зачастую сами зависели от государства и черпали в нем свою легитимность, в том числе и на символическом уровне.

Что касается «европоцентричности» и множественности моделей придворного общества внутри Европы, то довод «на самом деле было и по-другому» кажется основательным, но не решающим. Историки справедливо усложняют картину придворной жизни. В своих реконструкциях они часто полемически отталкиваются от аргументов Элиаса. Даже оспа-

ривая отдельные положения его теории, они отчасти укрепляют его позиции. Социологу удалось определить важные точки сборки придворной модели, хотя он, разумеется, мог ошибаться в интерпретации составлявших ее частей.

Между тем пункты 2 и 3 критики Дойндама ставят концепцию Элиаса под серьезное сомнение – голландский историк отвергает тезис о решающей роли государства в цивилизации дворян и об успешности насильственного воспитания аристократов. Как следствие, терпит крах и общая концептуальная схема Элиаса: фрейдистская модель цивилизации оказывается вымышленной, сопряжения микро- и макроуровней не происходит. Далее мы попробуем переформулировать основные аргументы полемики в других терминах, что позволит, как кажется, отчасти разрешить возникшее затруднение.

Апология Элиаса: придворное общество и два взгляда на государство

Помочь в решении проблемы, на наш взгляд, может французский историк, о котором мы уже упоминали прежде, – Роже Шартье. В 1988 году он записал серию радиобесед со знаменитым социологом Бурдьё, которые затем вышли отдельной книгой⁴⁵. В частности, в разговоре Шартье и Бурдьё об-

⁴⁵ Мы пользовались изданием: Bourdieu P., Chartier R. Le sociologue et l'historien. Paris, 2010; об Элиасе см.: P. 80–88.

суждали концепцию Элиаса. Описывая поле художественной продукции, Шартье задался вопросом о легитимности авторитетного высказывания в самых разных областях социальной и культурной жизни. В этот момент он вновь вернулся к Элиасу и заметил, что современная социология и история недооценивают роль государства в постепенном развитии автономных полей. Причина состоит в следующем: различные сферы деятельности человека получали свою значимость прежде всего в тот момент, когда они вступали в многообразные отношения с властными институтами. Бурдьё не согласился со своим собеседником. По его мнению, автономные поля нередко складывались помимо воли государства или вообще в оппозиции к нему. Далее он указал на генезис подобных идей, которые Элиас заимствовал у другого великого социолога XX века – М. Вебера.

Так мы можем лишний раз идентифицировать важный источник социологической теории Элиаса, способный прояснить его концепцию всецельной или якобы всецельной абсолютистской власти. Вебер сформулировал реалистическую концепцию государства⁴⁶: теория перестала ориентироваться на то, каким должно быть государство, а начала изучать его подлинные функции. Как хорошо известно, Вебер был убежден, что базовым принципом для существования государства служит монополия власти на легитимное физиче-

⁴⁶ См. подробнее: *Волков В.* Государство, или Цена порядка. СПб., 2018. С. 50–57.

ское насилие.

Основное ядро веберовской модели государства можно свести к трем пунктам⁴⁷. Во-первых, это исторически конкретное сообщество «государственников», властвующих на определенной территории. Во-вторых, это набор структур, позволяющих поддержать монополию насилия средствами насилия. В-третьих, это представление о законности упомянутого насилия – в том смысле, что оно воспринимается большинством населения в качестве такового и репрезентируется таким образом самой властью. Собственно, Элиас показал, как складывалось абсолютистское государство – аппарат по производству легитимного насилия. Кроме того, он описал, как процесс строительства сильного монархического государства оказался связан с развитием придворного общества, хорошими манерами, дисциплиной аффектов и самоконтролем.

Соответственно, Бурдьё критиковал веберовскую концепцию именно за излишний акцент на физическом принуждении. В обществе не менее существенны и формы символического господства: государственная власть не только консолидирует себя через прямое насилие, но воздействует с помощью умелого распределения символического капитала. Насилие все равно имеет место (и в этом смысле Бурдьё определенно следует за Вебером), но принимает разные формы. Принципиально, что перенос принуждения из области фи-

⁴⁷ Волков В. Государство, или Цена порядка. С. 56.

зического в область символического не отменяет аргумента о силе как решающем доводе в политическом споре, но несколько расширяет возможность сопротивления этой силе.

Именно этой логике и следует Дойндам, когда критикует Элиаса за недооценку способностей аристократии, а равно и других центров социальной активности, противопоставить двору собственную систему ценностей. Строго говоря, речь здесь идет о формах символического сопротивления абсолютистской власти, которое при этом не ставит под сомнение саму природу легитимного этатистского насилия. Если мы переведем спор Дойндама с Элиасом в более общую концептуальную плоскость, то обнаружим, что за ним скрывается старая дискуссия о природе государства.

Помещение критики Элиаса в контекст дискуссий о государстве способно подсказать и ответ на вопрос, окончательно ли рушится под критическим натиском Дойндама предложенная немецким социологом теория. Из приведенных доводов со всей очевидностью следует, что Дойндам развивает концепцию Элиаса таким же образом, как Бурдьё корректировал теорию государства Вебера. И Дойндам, и Бурдьё на прямой вопрос о содержательных достоинствах построений своих великих предшественников отвечали с известным скепсисом. Однако, как мы попытались показать, в сущности они следовали по намеченному ими фарватеру (что, разумеется, никак не умаляет их собственных заслуг). Крити-

ка Дойндама побуждает нас не отметить доводы Элиаса как устаревшие и несущественные, но лишь более внимательно вглядываться в основные пункты его аргументации. Повторим, что самыми важными из них мы считаем изучение практик повседневного поведения и постановку, задолго до появления работ Фуко, исследовательского вопроса о горизонтальном, а не вертикальном распределении власти.

Далее, мы бы хотели напомнить о соображениях, высказанных по схожему поводу в одной из работ Шартье⁴⁸. Французский историк, отдав должное справедливости критических отзывов о концепции придворного общества Элиаса, отмечает те ее черты, которые до сих пор сохраняют свою актуальность и релевантность. Прежде всего Шартье позитивно оценивает ее междисциплинарность и теоретическую ценность. При всех возможных промахах по источниковедческой части Элиас сумел поставить правильные исследовательские вопросы. В конце концов, немецкий социолог не был профессиональным историком, что, разумеется, не столько извиняет, сколько объясняет специфику его обращения с текстами, использованными при интерпретации «процесса цивилизации». По мнению Шартье, несомненное достоинство работ Элиаса заключается в его попытке проанализировать взаимосвязи между культурным, политическим и социальным порядками, стремлении увязать повседневность с большими трансформациями общественных

⁴⁸ *Chartier R. Pour un usage libre et respectueux de Norbert Elias. P. 82–86.*

структур, незаметными для непосредственного, близкого наблюдения. Как мы увидим ниже, эта особенность историко-социологического подхода Элиаса окажется востребованной в конкретном историографическом контексте – полемике сторонников и противников цивилизационного метода Ф. Броделя.

Элиас как «классик» макро- и микроистории

К середине 1970-х годов одновременно с растущей популярностью трудов Элиаса, ставших доступными во французском переводе, в историографии Франции окончательно утвердилась другая цивилизационная модель, ставшая парадигматической, – макроисторический метод Броделя. Мы не будем подробно останавливаться на его сути, в целом хорошо известной заинтересованному отечественному читателю⁴⁹, отметим лишь те черты подхода, которые важны в контексте нашего рассуждения. Одним из значимых итогов академической деятельности французского ученого стало стремительное развитие квантитативной экономической и социальной истории (в трудах Э. Лабрусса, П. Шоню и др.)⁵⁰. Новая наука оперировала большими временными проме-

⁴⁹ Мы пишем об этом в работе: *Велижнев М.* Цивилизация, или Война миров. С. 126–133.

⁵⁰ Подробнее см., например: *Burke P.* The French Historical Revolution. The *Annales* School, 1929–1989. Cambridge, 1990. P. 53–56.

жутками и активно пользовалась статистическими данными, позволявшими дать математически корректную оценку длительным процессам социальной и экономической эволюции.

Особенно актуальным стал броделевский анализ медленного развития капитализма и его базовых характеристик в Новое время. Именно он вдохновил целый ряд исследований, ставших классическими и сохраняющих свое значение вплоть до нашего времени. Возможно, наиболее яркий пример академического влияния Броделя мы обнаруживаем в исторической компаративистике – например, в мир-системной теории американского экономиста И. Валлерстайна⁵¹. Валлерстайн был обязан Броделю представлением о цивилизациях большого масштаба, *long term* традициях в мировой экономике, не укладывавшихся в прокрустово ложе национальной истории⁵². В центре внимания Валлерстайна и его последователей находится всемирная история европейского капитализма – и здесь преемственность с Броделем, историком «материальной цивилизации» Запада, очевидна.

Броделевская парадигма впервые стала объектом интенсивной критики во второй половине 1970-х годов. Броделя и его последователей осуждали за абстрактность и статичность их концепции, за исключение человеческого фак-

⁵¹ О непосредственной связи между Броделем и Валлерстайном см.: Ibid. Р. 50. Броделю посвящен второй том «Современной мир-системы» Валлерстайна (1980).

⁵² См. об этом: Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2019. С. 72–73.

тора из исторического анализа, невнимание к культурным и ментальным процессам и символам, явное предпочтение, отдаваемое экономике и географии. Так, Валлерстайна часто упрекали в глобализирующей, не учитывающей исторической динамики тенденции его подхода, в том, что системность мирового порядка понимается им как априорная данность, что экономические факторы зачастую доминируют в его трудах над политическими, социальными или культурными⁵³. В целом сильные стороны теории можно всегда интерпретировать как ее недостатки: способность ухватить тенденции большого цивилизационного развития нередко приводят к отказу от рассмотрения череды локальных, более мелких по масштабу сюжетов, небрежению исключениями из правил. От возражений такого рода отталкивалась одна из самых влиятельных современных традиций в интеллектуальной истории – микроистория.

Один из основателей микроисторического метода итальянский историк К. Гинзбург отмечает, что появление нового подхода в 1970-е годы было отчасти связано с рефлексией над повсеместным торжеством броделевской макроистории, которую ее собственные адепты считали «наивысшей историографической парадигмой, третьей в ряду парадигм исторического знания, возникших за две тысячи лет развития историографии начиная с Геродота»⁵⁴. Ее суть Гинзбург

⁵³ Там же. С. 73–75.

⁵⁴ Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Гин-

сформулировал так: Бродель считал «невозможным научное познание единичных, уникальных явлений: в его глазах „факт из хроники происшествий“, „fait divers“, мог искупить себя только в том случае, если мог быть сочтен повторяющимся»⁵⁵, то есть стать объектом статистического анализа. Парадоксальным образом обновление пришло во французскую историографию не только извне, но и изнутри – в 1980-е годы последователи Броделя – Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гофф и Ф. Фюре – начинали все чаще и чаще (кстати, подчас не без влияния Элиаса⁵⁶) обращаться к культурной истории, истории идей и ментальностей, которые находились на периферии разысканий самого основателя парадигмы.

Микроистория в интерпретации Гинзбурга на самом деле решала задачи, схожие с цивилизационной историей Броделя: установить на основе четкого различия временных пластов связь между повседневной жизнью человека и глобальными макропроцессами – экономическими и социальными. Однако путь Гинзбурга к означенной цели оказался радикально иным: если Бродель и его сторонники считали необходимым изучать серийную историю, повторяющиеся события, то микроисторики предпочитали работать с уникальными историческими сюжетами – историей одного мельника, монахини, художника или ученого мужа в эпоху

збург К. Мифы – эмблемы – приметы. М., 2004. С. 295.

⁵⁵ Там же. С. 291.

⁵⁶ *Chartier R. Pour un usage libre et respectueux de Norbert Elias. P. 76.*

Нового времени.

Поворот к микроконтексту совсем не означал ухода от больших историографических вопросов. Напротив, Гинзбург убежден, что адекватный ответ на них возможен лишь при анализе гапаксов, исключений из правила, говорящих о норме больше, нежели любые удостоверяющие ее факты. Гинзбург цитирует по этому поводу одну из работ Шартье: «именно в... уменьшенном масштабе, бесспорно, только в нем одном, и могут быть поняты, без детерминистских редукций, отношения между системами верований, ценностей и представлений, с одной стороны, и социальной принадлежностью, с другой»⁵⁷.

Подход Гинзбурга к истории культуры (а он занимается преимущественно ею) также подразумевает анализ цивилизационных сдвигов на временных отрезках длиной в несколько столетий. Тем не менее он основан не на интерпретации медленных, едва заметных изменений в эволюции различных структур, а на работе с текстами или изображениями, скачкообразным временем, которое переносит нас от одного события к другому, как бы проникая сквозь толщу мировой истории⁵⁸.

Рецепция исторической социологии Элиаса во Франции и Италии проходила в контексте полемики между сторон-

⁵⁷ Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю. С. 300.

⁵⁸ Пример такого рода исследований – монография Гинзбурга «Деревянные глаза» (*Ginzburg C. Occhiacci di legno. Nove riflessioni sulla distanza. Milano, 1998*).

никами и критиками Броделя. Актуальность теоретических построений немецкого ученого для дискуссии неоднократно отмечалась⁵⁹. Приведем два полярных суждения. В 1985 году во французском переводе вышло первое полное издание «Придворного общества» (первое сокращенное издание появилось в 1974 году). Предисловие к тексту Элиаса написал Шартье. В финале вступительной статьи французский историк привел два аргумента в защиту тезиса о релевантности идей Элиаса для французского читателя⁶⁰.

Один из доводов Шартье основывался на критике современной ему историографической тенденции – «фрагментации подходов» и «изоляции объектов исследования»⁶¹. В этой ситуации широта научного взгляда Элиаса, его стремление выявить связи между «социальными формами, психическими габитусами и эстетическими творениями», сила и убедительность его анализа, по мнению Шартье, наводили на мысль об опасностях, которые могут возникнуть из-за отказа от макроперспективы в историографии⁶². Другой тезис уже прямо – весьма скептически – указывал на микроисто-

⁵⁹ См., например: *Peltonen M. What is Micro in Microhistory? // Theoretical Discussions of Biography. Approaches from History, Microhistory, and Life Writing / Ed. by H. Renders and B. de Haan. Leiden; Boston, 2014. P. 110.*

⁶⁰ *Chartier R. Préface. Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation // Elias N. La société de cour. Paris, 1985. P. XXVII–XXVIII.*

⁶¹ *Ibid. P. XXVIII.*

⁶² *Chartier R. Préface. Formation sociale et économie psychique. P. XXVIII.*

рию. Шартье пишет: «В то время, когда история ограничивает площадь своего исследовательского поля, отдавая предпочтение тематическим трудам, изучению отдельного случая или „микроистории“, [работы Элиаса] вместе с рядом других произведений напоминают о том, что многие фундаментальные эволюционные процессы можно понять, лишь рассматривая их в большом масштабе, в рамках длительной (*longue durée*) смены социальных форм и трансформации психологических структур»⁶³.

Таким образом, Шартье (заметим, сам он – историк культуры и историк чтения, но не социальный историк) в 1985 году рассматривал исследования Элиаса по истории придворного общества как своеобразный антидот против микроистории. В его интерпретации Элиас оказывался куда ближе к Броделю, чем к Гинзбургу – именно в силу предпочтения процессов «*longue durée*» отдельным случаям, исключениям из правила. Любопытно, что сами итальянские микроисторики, безусловно, не согласились бы с выводами Шартье. Они считали Элиаса своим союзником, а не оппонентом.

Так, один из отцов-основателей микроисторического метода Э. Гренди отмечал в посвященной Элиасу комплиментарной статье⁶⁴, что «любопытное очарование»⁶⁵ его иссле-

⁶³ Ibid. P. XXVII.

⁶⁴ *Grendi E.* Norbert Elias: storiografia e teoria sociale // *Quaderni storici*. 1982. Vol. 17. P. 728–739.

⁶⁵ Ibid. P. 729.

дований связано с выходом Элиаса за пределы привычных дисциплинарных рамок, умением сопрягать уровни анализа, которые часто мыслятся раздельно друг от друга, – уровни повседневного человеческого поведения и социальных структур в процессе длительных общественных трансформаций. То, как Гренди суммировал суть теории Элиаса, живо напоминает позицию микроисториков в их методологическом конфликте со сторонниками броделевской парадигмы: «Пока историки продолжают мыслить прошлое в терминах существующих самих по себе индивидов или в категориях посчитанных *статистически* человеческих действий, они никогда не приблизятся, по мнению Элиаса, к изображению или реалистичной теории социальных процессов»⁶⁶. Гренди замечает, что отдельные выводы Элиаса могут показаться некорректными, а смелые утверждения (например, о роли ножа и вилки в европейской истории) – несколько преувеличенными, однако все это не отменяет концептуальной силы его работ. Последнее суждение Гренди отчетливо корреспондирует с одобрительными замечаниями Шартье, однако общий вывод иной – микроистория и историческая социология Элиаса на самом деле близки друг другу.

Кто здесь прав, а кто заблуждается, однозначно сказать сложно. Представляется, впрочем, что описанная выше полемика позволяет разглядеть еще одно значимое достоинство работ Элиаса 1930-х годов. То обстоятельство, что

⁶⁶ Ibid. P. 730; курсив наш. – М. В.

сторонники разных взглядов на методы гуманитарных исследований видели в Элиасе своего союзника, свидетельствует о поливалентности историко-социологической модели, предложенной немецким ученым. Мы убеждены, что, несмотря на очевидные недостатки, исследования Элиаса до сих пор остаются образцом научных разысканий, способных поставить концептуальные теоретические вопросы и дать на них ответ с помощью плодотворной интерпретации эмпирического материала.

ОБ ОДНОМ ПРИМЕЧАНИИ НОРБЕРТА ЭЛИАСА⁶⁷

Мария Неклюдова

Несостоявшееся знакомство Норберта Элиаса и первого поколения школы «Анналов» остается не только поводом для сопоставлений разных научных подходов⁶⁸, но и неожиданно острым переживанием интеллектуального разрыва, которого могло бы не быть. Не случайно, что в 1979 году, когда к Элиасу пришла заслуженная известность, между ним и французскими историками была специально организована встреча. Как вспоминает Роже Шартье:

Во время первого же ланча я случайно оказался рядом с ним. Незадолго до того я побывал в Бреслау (или Вроцлаве), его родном городе, где он изучал философию, и это стало начальным поводом для беседы. Не помню, почему потом разговор повернул в эту сторону, но он всегда интересовался Ватто, которого я, как и он, любил... Я ощутил некоторое сродство с этим по-своему удивительным

⁶⁷ Статья подготовлена в рамках НИР 2018 года «Категория повседневности в историческом сознании в Новое время» (Школа актуальных гуманитарных исследований ИОН РАНХиГС).

⁶⁸ Подробнее об этом см. выше в статье Михаила Велижева «„Цивилизация“ Норберта Элиаса: за и против».

человеком. Этот обмен мнениями оставил свой след и в дальнейшем повлиял на мое прочтение работ Элиаса⁶⁹.

Символический потенциал этой сцены чрезвычайно высок: представитель четвертого поколения «Анналов» – журнала, в названии которого всегда фигурировала социальная история или цивилизация – и автор магистрального труда «О процессе цивилизации» (1939) наконец вступают в разговор, и это кладет начало коммуникации между двумя научными направлениями, существовавшими в параллельных интеллектуальных пространствах. Несмотря на то что диссертация Элиаса о придворном обществе (написана в 1933 году, опубликована в 1969 году) во многом опиралась на французские источники, ее теоретическую основу составляли работы Макса Вебера, Вернера Зомбарта и Торстейна Веблена; новейшие исследования историков школы «Анналов» ему, по-видимому, оставались неизвестны⁷⁰. Аналогичным образом, хотя Марк Блок и Люсьен Февр были в большей степени осведомлены о том, что происходило в немецкой науке (не в последнюю очередь благодаря годам, проведенным в Страсбургском университете), чем многие из их

⁶⁹ *Chartier R.* Pour un usage libre et respectueux de Norbert Elias // Norbert Elias et le XXe siècle. Le processus de civilisation à l'épreuve / Sous la direction de Quentin Deluermoz. Paris, 2012. P. 72.

⁷⁰ См.: *Chartier R.* Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation // Norbert Elias. La société de cour. Paris: Flammarion, 1985. P. ii–vii.

французских коллег, с Элиасом их пути не пересеклись.

Описанная Шартье сцена символична еще и тем, что запоздалая коммуникация устанавливается не во время рабочего обсуждения, а за обедом, то есть в ситуации, регулируемой теми самыми правилами общежительности, которым немецкий социолог посвятил свой главный труд. Это не только «хорошие манеры» в точном понимании слова – умение обращаться со столовыми приборами, опрятность, скорость поглощения пищи и пр., – но способность вести разговор с теми, кто сидит рядом, и находить общие темы. Отсюда, очевидно, упоминание Вроцлава как возможной точки соприкосновения, возникшей на пересечении очень разных биографических траекторий.

Отсутствие прямых контактов со школой «Анналов» не означает, что Элиас не был знаком с работами других современных ему французских исследователей. Так, в «О процессе цивилизации» в примечании к главе об Эразме Роттердамском он упоминает статью Доминика Пароди о нравственном значении идеала «*honnête homme*»⁷¹, которая вышла в 1921 году, а также объемный труд Мориса Мажанди

⁷¹ Представления о том, кто такой «*honnête homme*», заметно эволюционировали на протяжении XVII–XVIII веков, а потому это выражение не может иметь единого перевода. Когда речь идет о социокультурном идеале XVII века, то его уместнее передать как «достойный человек». В XVIII–XIX веках им скорее обозначается грань между приемлемым и неприемлемым, и тогда можно говорить о «честном человеке». В рамках этой статьи «*honnête homme*» будет именоваться «воспитанным человеком» для сохранения лексической связи с понятием «*honnêteté*».

«Светская учтивость и теории воспитанности во Франции XVII века (1600–1660)», опубликованный в 1925 году⁷². Выбор сам по себе примечательный, демонстрирующий специфику формирования нового поля: Пароди – философ, чьи интересы были сосредоточены в области моральной и политической проблематики, а Мажанди – филолог, хотя и склонный к тому, что теперь называется «культурной историей». Трудно сказать, в какой степени Элиас были важны эти исследования. В первом томе «О процессе цивилизации» есть прямая ссылка на статью Пароди, однако за ней стоит всего лишь цитата из «Принцессы Клевской» госпожи де Лафайет⁷³, иллюстрирующая тезис о принуждении европейского человека к самодисциплине. Непосредственных следов использования книги Мажанди нет, несмотря на то что она посвящена близкой теме и представляет обширный круг источников, включая тексты, на которые опирается Элиас. Вероятно, это молчание можно расценивать как обозначение дистанции: происходившее в других дисциплинах, включая ис-

⁷² См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. I. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Пер. А. М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 119 (примеч. 4). Имеются в виду соответственно: *Parodi D. L' Honnête homme et l'idéal moral du XVIIe et du XVIIIe siècles // Revue Pédagogique. 1921. LXXVIII. January – June. P. 79–99, 178–193, 265–282; Magendie M. La politesse mondaine et les théories de l'honnêteté, en France au XVIIe siècle, de 1600 à 1660. 2 vols. Paris: F. Alcan, 1925.*

⁷³ Элиас Н. О процессе цивилизации. Т. I. С. 259, 269 (примеч. 17).

торические, не касалось социологии.

Вне зависимости от того, чем Элиас мог быть обязан «Светской учтивости и теории воспитанности во Франции XVII века (1600–1660)», она безусловно подготовила почву для позднейшей рецепции его теорий во франкоязычном мире. Благодаря издательству Slatkine книга Мажанди несколько раз перепечатывалась, причем впервые в 1970 году, то есть до выхода французского перевода первого тома «О процессе цивилизации», переименованного в «Цивилизацию нравов» (1973), и последующей волны интереса к учебникам «хороших манер». До сих пор она остается точкой отсчета для всех, кто занимается изучением моделей поведения, характерных для Франции XVII века, хотя в основном ее используют скорее как компендиум полезных материалов, чем как самостоятельное исследование. Между тем значение «Светской учтивости и теории воспитанности» состоит в том, что она устанавливает определенный порядок чтения, как бы естественную иерархию малоизвестных текстов, ранее не имевших четко обозначенного места внутри (исследовательской) традиции. Если проследить дальнейший ход их изучения, то мы увидим, что проложенные Мажанди маршруты сохранили свою актуальность до нынешнего времени.

Генеалогия исследования

По своему происхождению «Светская учтивость и теории воспитанности во Франции XVII века (1600–1660)» – диссертация, обладающая всеми родовыми чертами этого жанра. Почти тысяча страниц посвящена разбору и систематизации различных источников, от учебников хороших манер до прециозных романов и философских трактатов. Мажанди тут выступает достойным наследником антиквариев XIX века, проявляя недюжинную эрудицию: значительную часть анализируемых им текстов до этого мало кто знал и почти никто не читал. Последнее отчасти объясняет скудость ссылок на исследовательскую литературу. Мажанди охотно цитирует «Историю французского языка» Фердинанда Брюно, но упоминания исторических работ можно пересчитать по пальцам – «История кардинала де Ришелье» (1893–1903) Габриэля Аното, «Кабала святош» (1902) Рауля Альера, «Французское общество в XVII веке в зеркале „Великого Кира“» (1858) Виктора Кузена и несколько других. Дело, по-видимому, не столько в отсутствии научной традиции, сколько в принципиальном выстраивании новой интеллектуальной конфигурации. Это не создание «теории» в точном смысле слова, поскольку Мажанди мало эксплицирует свои методы и установки, но имплицитное высказывание о роли и назначении словесности.

Как уже было сказано, Морис Мажанди (1884–1944) по навыкам и образованию был филологом. Свои исследования он начал проводить в Сорбонне, под руководством Гюстава Ренье, в разное время занимавшегося изучением творчества Тома Корнеля и французских романов XVI века, автора латинской диссертации о Пьере-Анджело Мандзолли (Палингении) и книги об университетской жизни в средневековой Испании. Этот вкус к забытым текстам, оставшимся за пределами классического канона, можно видеть и в работах его ученика. Академическая карьера Мажанди складывалась неплохо, хотя и не всегда гладко. Выпускник лицея Генриха IV и Сорбонны, он сперва работал школьным учителем в Кагоре; во время Первой мировой был мобилизован и определен на нестроевую службу, что позволило не прерывать преподавания. После войны вернулся к диссертации, которую защитил в 1925 году, и на несколько лет остался в Париже в надежде получить место в университете. В 1935 году стал профессором Страсбургского университета, где запомнился своим ученикам тем, что предпочитал Монтеня Паскалю, а Вольтера – Жан-Жаку Руссо, что с точки зрения его коллег было своего рода интеллектуальным кокетством. После оккупации Франции и аннексии Германией Эльзаса и Лотарингии вышел на пенсию и перебрался в Ардеш⁷⁴.

⁷⁴ Все биографические сведения взяты из некролога: *Fabre J. Maurice Magendie (1844–1944) // Mémorial des années 1939–1945, publié par la Faculté des Lettres de*

Упоминание Страсбургского университета не может не вызывать в памяти имя Марка Блока, который проработал в его стенах большую часть жизни. Однако к соблазну связать Мажанди с основоположником школы «Анналов» следует относиться с осторожностью. В 1936 году Блок стал профессором экономической истории в Сорбонне, то есть шансов столкнуться с ним в Страсбурге у Мажанди было меньше, чем встретить Люсьена Февра в Париже. Не говоря о том, что «Светская учтивость и теории воспитанности» написана практически одновременно с «Королями-чудотворцами» (1924) Блока, когда Февр занимался историей Франш-Конте, а журнал «Анналы» еще не был создан. Учитывая, что Мажанди в основном использовал исторические труды примерно так же, как Элиас – статью Пароди, то есть как собрание цитат из нужных ему источников, выявить возможные интеллектуальные пересечения между ним и будущей школой «Анналов» довольно сложно.

Тем не менее такие пересечения существовали, хотя трудно сказать, были ли они обусловлены общим развитием гуманитарных дисциплин или непосредственным влиянием. Исследование Мажанди построено на изучении источников, которые можно назвать серийными: это учебники, трактаты и романы, которые с точки зрения канона находятся за пределами «настоящей» литературы. Его мало волновали проблемы формы и стиля – упрек в этом проник

даже в его некролог⁷⁵, – но он был чувствителен к сдвигам в словоупотреблении и скрывавшимся за ними историко-культурным изменениям. «Светская учтивость и теории воспитанности» открывается сопоставлением/противопоставлением двух терминов, вынесенных в название книги, «учтивость» (*politesse*) и «воспитанность» (*honnêteté*). По утверждению Мажанди, для светских людей XVII века (в первую очередь аристократии) они были более или менее синонимичны, в то время как в буржуазной среде предпочтение отдавалось «воспитанности», а «учтивость» далеко не всегда воспринималась как положительное качество⁷⁶. Этот контраст не был сконструирован исследователем; он восходит по крайней мере к «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, которая, в свой черед, воспроизводит комплекс представлений, сформировавшийся на протяжении XVII – первой половины XVIII века⁷⁷. Мажанди использует его как ана-

⁷⁵ *Fabre J.* Maurice Magendie (1884–1944). P. 222.

⁷⁶ *Magendie M.* La politesse mondaine et les théories de l'honnêteté, en France au XVIIe siècle, de 1600 à 1660. Genève: Slatkine Reprints, 1993. P. xii. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁷⁷ См.: *Pons A.* Civilité – Urbanité // Dictionnaire raisonné de la politesse et du savoir-vivre, du Moyen Âge à nos jours. Ss la dir. de Alain Montandon. Paris: Seuil, 1995. P. 101–104. См. там же статью «Учтивость» (*politesse*) Алена Монтандона (P. 711–728). Она открывается сопоставлением терминов «учтивость» и «вежество» (*civilité*). С одной стороны, эти слова часто употребляются как синонимы; с другой, в XVII и XVIII веках многие теоретики проводят между ними различие. Вслед за Жаном Старобинским Монтандон подчеркивает, что вежество больше ассоциируется с внешними качествами, тогда как учтивость – с внутрен-

литический инструмент. Несколькими годами позже Люсьен Февр, Марсель Мосс, Эмиль Тоннела, Альфредо Ничефоро и Луи Вебер предпримут коллективное исследование понятия «цивилизация», которое современные им критики будут расценивать в первую очередь как социологическое⁷⁸. Аналогичным образом противопоставление двух концептов позволяет Мажанди наметить потенциальную конкуренцию между великосветской (аристократической) и условно буржуазными системами нормативного поведения, хотя в исследовании эта линия проходит скорее пунктиром. Другая выстраиваемая им оппозиция более очевидна и играет важную композиционную роль. Это противопоставление «грубости нравов», свойственных придворной среде начала XVII века, и «цивилизации», источником которой являются салоны и женское общество (естественно, в первую очередь речь идет о салоне маркизы де Рамбуйе). Как мы видим, Мажанди чрезвычайно близко подходит к той проблематике, которая позднее прочно свяжется с названием труда Элиаса⁷⁹.

ними. Иначе говоря, вежество воспринимается как некая социальная маска, облегчающая взаимодействие людей, то есть как нечто менее ценное и подлинное, чем учтивость. Однако следует иметь в виду, что привилегированная позиция учтивости сохраняется не так долго и уже в следующем столетии это качество начинает считаться искусственным и противопоставляться естественной воспитанности.

⁷⁸ *Richard G.* Centre international de synthèse: Civilisation; le mot et l'idée, par L. Febvre, É. Tonnellat, M. Mauss, A. Niceforo, L. Weber, 1930 // *Revue des Études Anciennes*. 1934. Tome 34. № 3. P. 314–315.

⁷⁹ О точках соприкосновения идей Февра, Мосса и пр. с концепцией Элиаса

Цивилизационная динамика по Мажанди

Антидотом против «грубости нравов», описанию которых посвящены первые страницы книги, служат «различные сочинения, романы, теоретические трактаты и т. д., которые с 1600 по 1643 год распространяли во Франции учтивость и вежливость» (Р. 145). В качестве точки отсчета Мажанди берет концепцию приличия, или вежества (*civilité*), предполагающую свод правил, являющийся «первым уровнем ограничений, налагаемых (людьми. – М. Н.) на себя из уважения к окружающим» (Р. 150). Основателем этой традиции ему видится Эразм Роттердамский, чей трактат «О приличии детских нравов» (1530) он подробно разбирает. В качестве второго по значимости сочинения Мажанди называет «Галатео, или О нравах» (1558) Джованни Делла Каза, обращаясь и к итальянскому оригиналу, и к той череде французских трактатов, которую он породил (заметим, что большая их часть до сих пор игнорируется исследователями). Однако, по мнению автора, «в том, что касается светской учтивости, обучение аристократии приняли на себя романы» (Р. 165). Такая ситуация сложилась в силу культурной неразвитости французского благородного сословия той эпохи. На позицию Мажанди тут явно повлияли источники определенного типа,

в первую очередь анекдоты Таллемана де Рео о презрительном отношении маркизы де Рамбуйе – итальянки по рождению – к нравам французского двора; впрочем, о грубости и невежестве французов писали многие итальянские авторы конца XVI – начала XVII века. Отсюда вывод: «значительная часть великих романов эпохи в целом являются учебниками поведения, приспособленными к нуждам поколения, которое испытывало желание самосовершенствоваться, но интеллектуальное скудоумие которого требовало уступок и поблажек» (Р. 165).

Главным агентом воспитательной миссии Мажанди считает «Астрею» Оноре д'Юрфе, знаменитый пасторальный роман начала XVII столетия, которому он вскоре посвятит отдельный труд⁸⁰, что, в свой черед, станет поводом к существенному росту исследовательского интереса к этому сочинению. Вместе с «Полександром» (1619–1638) Гомбервиля «Астрея» способствует новой кодификации отношений между полами и если не улучшает положение женщины напрямую, то начинает изменять ее восприятие. В романах отрабатываются новые формулы вежливости, поскольку формирование новых манер и новых оборотов речи, их шлифовка («*politesse*» в этимологическом смысле слова) всегда идут рука об руку.

О дальнейшем продвижении общества по пути избавле-

⁸⁰ Magendie M. *L'Astrée* d'Honoré d'Urfé. Paris: Société française d'Éditions littéraires et techniques, 1929.

ния от изначальной грубости свидетельствуют трактаты, регулирующие придворные нравы. Их источники многообразны: в первую очередь античная традиция, представленная как историками (Плутарх и Саллюстий), так и ораторами (Цицерон и Квинтилиан). Затем Мажанди обращается к итальянским авторам, которые были непосредственными учителями французского светского общества. Согласно современному исследовательскому канону, их перечень надо начинать с Бальдассаре Кастильоне (которого французы той эпохи зачастую именовали просто Бальтазаром) и его трактата «О придворном» (1529). Однако, как показывает Мажанди, для Франции начала XVII века был актуален не столько утонченный «Придворный», сколько трактат Стефано Гуаццо «Вежливая беседа» (1574), дававший практические советы, как следует держать себя на людях⁸¹. Наконец, важную роль в формировании экзистенциального понимания того, что представляет собой светская учтивость, сыграла испанская традиция с характерной для нее смесью мрачного пессимизма по отношению к мирскому существованию и страстной верой в жизнь духовную. Ее проводниками были трактаты епископа Антонио де Гевары, прежде всего «Совет придворным» (1539), и труды Бальтасара Грасиа-

⁸¹ Как позднее продемонстрировал Питер Берк, восприятие трактата Кастильоне было во многом окрашено антиитальянскими настроениями, свойственными Франции (и значительной части Европы) того времени. См.: *Burk P. The Fortunes of the Courtier. The European Reception of Castiglione's Cortegiano*. London: Polity Press, 1995.

на, среди которых центральное место занимает «Благоразумный» (1646)⁸².

В завершение первой части Мажанди рассматривает ряд собственно французских трактатов, которые появляются в начале XVII столетия. Важнейшим из них объявляется «Воспитанный человек, или Искусство нравиться при дворе» (1630) Никола Фаре, сейчас считающийся классикой жанра. Судя по всему, именно Мажанди привлекает внимание исследователей к этому тексту, посвящая ему отдельную главу. Параллельно со «Светской учтивостью и теориями воспитанности» он выпускает откомментированное издание «Воспитанного человека». Нет сомнений, что сочинение Фаре было бестселлером, об этом свидетельствует большое количество переизданий на протяжении XVII века. Но едва ли не сравнимое число перепечаток было у «Трактата о дворе» (1616) Эсташа де Рефюжа, который Мажанди разбирает менее пристально. Не исключено, что решающую роль в выборе «главного» автора сыграла степень близости к литературному канону. Фаре был дружен с таким ревнителем французского языка, как Вожла, и вместе с ним вошел в первый состав Французской академии; упоминание его имени можно найти у Буало и пр. Все это делало его фигурой более заметной и важной в глазах филолога, чем Эсташ де Рефюж,

⁸² Подробнее о значении Грасиана для французской и европейской традиции см.: *Fumaroli M. Le sablier renversé. Des Modernes aux Anciens*. Paris: Gallimard, 2013.

который был парламентским советником и дипломатом.

Помимо «Воспитанного человека» и «Трактата о дворе», Мажанди обращается к сочинениям, о которых современные исследователи вспоминают намного реже: «Совершенный дворянин» Суэ, «Придворный поводырь» Нервеза, «Дворянин» Паскье, анонимный «Французский придворный» и несколько опусов весьма плодовитого съёра де Гренайя – «Воспитанная девушка», «Воспитанный юноша», «Дамское удовольствие». Этот корпус текстов служит фоном для тех представлений о манерах и способах совместного существования, которые представлены в классических сочинениях, прежде всего в «Опытах» Монтеня и в «Рассуждении о методе» Декарта. Последним пунктом прочерченного Мажанди маршрута становится литература несколько иного рода, также находившаяся под влиянием «Придворного» Бальдассаре Кастильоне: это описание различных игр, которые допустимы и даже желательны в светском обществе. Первое место среди них безусловно занимает «Дом игр» (1642) Шарля Сореля.

Как можно видеть, Мажанди выстраивает своеобразную цивилизационную последовательность, отчасти напоминающую культурно-языковую градацию, позже предложенную Пьером Шоню. Последний, говоря об уровнях письменного языка XVIII столетия, на первое место ставит научные и философские трактаты, где продолжала использоваться латынь, на второе – театр и литературу; третий уровень составляют

дружеская переписка и другие типы (относительно) свободного письменного общения, а четвертый – тексты, фиксирующие устную речь (в основном судебные документы: жалобы, составленные малограмотными писарями, и т. д.)⁸³. Эта последовательность – от преимущественно письменной латыни к языку улиц – напоминает не только о неоднородности культуры, но и о тех границах, в которых приходится работать историку. Большая часть жизни населения Европы раннего Нового времени располагается ниже четвертого уровня, то есть практически за пределами прямых письменных источников, что является одной из главных методологических и моральных проблем исторического знания. Иерархическая конструкция Мажанди, напротив, идет снизу вверх, от элементарных правил приличия к романам, переводным и оригинальным трактатам и, наконец, к философии. Приращение «цивилизованности» ассоциируется не только с усложнением правил, но и с языковой изощренностью, где высшим достижением оказывается ясность и (условная) простота Монтеня и Декарта.

На сломе эпох

Композиционно «Светская учтивость и теории воспитанности» разбита на два тома, каждый из которых име-

⁸³ Chaunu P. La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris: Arthaud, 1971. P. 20.

ет одинаковую структуру. Это представляет определенную сложность для читателя, о чем опять-таки напоминает Жан Фабр⁸⁴. Первый том охватывает период с 1600 по 1643 год; второй – с 1643 по 1660 год, на новом материале воспроизводя уже известный исследовательский маршрут, от описания «грубости нравов» к художественной литературе, затем к трактатам и философским произведениям. Наперекор мнению Фабра, который считает 1643 год условной датой, выбор Мажанди понятен и обусловлен источниками: границей эпох для него становится смерть Людовика XIII, когда на смену «тирании» кардинала де Ришелье приходит краткий период аристократической вольницы, отчасти совпадающий с эпохой Фронды. Об ощущении свободы и радостной атмосфере 1643 года писали многие мемуаристы, включая герцога де Ларошфуко и кардинала де Реца. Тем не менее структура исследования действительно затрудняет его восприятие, создавая впечатление цикличности и отсутствия прогресса. Возможно, что это вполне намеренный эффект. Как констатирует Мажанди, интеллектуальная жизнь после 1643 года по-прежнему отличалась посредственностью, а нравы оставались грубыми и жестокими, несмотря на постепенное увеличение количества светских салонов и возникновение такого феномена, как прециозность.

Я не буду подробно останавливаться на главе, посвященной романам Ла Кальпренед и Мадлен де Скюдери. Учи-

⁸⁴ *Fabre J. Maurice Magendie (1844–1944). P. 216–217.*

тывая безусловный интерес Мажанди к салонной культуре, неудивительно, что львиная доля внимания уделяется «Великому Киру» и «Клелии», тем более что оба этих романа госпожи де Скюдери считались тесно связанными со светской реальностью. Об этом говорит количество портретов современников, слегка стилизованных под античных персонажей, переход салонных игр в текст романа и обратно, как это произошло со знаменитой «Картой страны Нежности» и пр. Кроме того, Мажанди обращается к лирической трагедии, прежде всего к сочинениям Филиппа Кино и Тома Корнеля, в которых он видит еще одно воплощение духа галантности. Последним обусловлен и расцвет такого специфического явления, как речи во славу женских добродетелей, весьма популярные в первой половине XVII века⁸⁵.

А вот сочинений пропедевтического характера, по наблюдению Мажанди, становится меньше. Он выделяет трех авторов, связывая их тексты с дальнейшим развитием концепции воспитанности (*honnêteté*). Первый из них – Жак де Кальер, чье имя мало знакомо специалистам по XVII веку, тем более что его нередко путают с Франсуа де Кальером, автором трактата о дипломатии, который в действительности приходился ему сыном. «Трактат о фортунах людей благородных и дворян» (1658) Жака де Кальера пользовался большой популярностью у современников, что Мажанди объясняет,

⁸⁵ Подробнее об этом типе текстов см.: *Maclean I. Woman triumphant: feminism in French literature, 1610–1652. Oxford: Clarendon Press, 1977.*

в частности, религиозной индифферентностью автора:

Придворному Кальера безусловно не свойственен порок, но добродетель заботит его меньше, чем персонажей Фаре, Бардена и де Гренайя. В особенности это касается религии, которая перестает быть первой необходимостью: Кальер не требует веры и не делает ее основанием для прочих добродетелей. Он ограничивается заявлением, что она «не противоречит учтивости придворного» и что «предаваться ей, как и чему-либо другому, следует рассудительно». Это сведение религии до уровня прочих светских и обыденных занятий весьма любопытно. Стоит ли за этим философская холодность или же тот дух осторожности и умеренности, которого требует светская жизнь и тем более жизнь при дворе? (Р. 729).

Ответ на этот вопрос сегодня можно дать без особых раздумий: Кальер безусловно протестует не против веры и религии как таковой, а против того, что ему кажется неуместным смешением образа жизни двух сословий, первого и второго. Для него, как и для многих людей его поколения, вера дворянина, тем более военного, по своим установкам и привычкам радикально отличается от веры монаха.

Еще раз подчеркну, что обращение Мажанди к «Трактату о фортуне людей благородных и дворян» с точки зрения современного исследовательского канона выглядит неожиданным и отчасти парадоксальным. Два других автора, чьи сочинения он связывает с концепцией «*honnêteté*», более пред-

сказуемы, но не менее субливерсивны. Имя первого было знакомо достаточно широкому кругу специалистов уже в начале XX века, это шевалье де Мере (Антуан Гомбо), корреспондент Паскаля, математик-любитель и теоретик учтивости. Своей посмертной репутацией идеального воплощения «воспитанного человека» он во многом обязан Сент-Бёву, и его биографии было посвящено отдельное исследование, которое вышло незадолго до «Светской учтивости и теорий воспитанности»⁸⁶. По мнению Мажанди, письма Мере – не просто размышления о том, как надо себя вести в той или иной ситуации, но жизненная философия, опирающаяся на учение Эпикура и через упорядочивание поведения стремящаяся к абсолюту: «Воспитанные люди – члены одной всемирной общности, для которой не существует разделения на классы, профессии и страны» (Р. 755).

Последователем Эпикура (в интерпретации Гассенди) был и третий автор, чьи сочинения разбирает Мажанди. В последние десятилетия Сент-Эвремон прочно вошел в пятерку важнейших писателей-моралистов XVII века, однако с точки зрения классического литературного канона он долгое время считался фигурой маргинальной⁸⁷. Тем более

⁸⁶ Viguié P. L'honnête homme au XVIIe siècle: le chevalier de Méré. Paris: R. Chiberre, 1922.

⁸⁷ О рецепции Сент-Эвремона в XVIII–XIX веках см.: Неклюдова М. Изгнанник из XVII века: Шарль де Сент-Эвремон и его «Беседа г-на маршала д'Окенкура с отцом Кане» // Одиссей: человек в истории 2010/2011: Школа и образование в Средние века и Новое время. М.: Наука, 2012. С. 504–525.

примечательно, что в «Светской учтивости и теориях воспитанности» он стоит практически наравне с Декартом как представитель своего рода рационализма. Мажанди отмечает, что его взгляд на устройство общества отличался последовательностью и прагматизмом; поведение людей он объяснял при помощи теории страстей, то есть с максимально научной (для своего времени) точки зрения. Не менее существенно, что Сент-Эвремон – один из безусловных сторонников религиозной толерантности, считавший, что вера должна быть личным делом каждого человека. Хотя Мажанди отдает должное усилиям «благочестивых» (или, если угодно, кабалы святош) по смягчению нравов, его в большей степени интересует разрыв между двумя сторонами жизни, социальной и духовной. Поэтому центральной характеристикой эпохи для него становится не знаменитое «пари» Паскаля, а разочарование, связанное с невозможностью преодолеть ту пропасть, которая разделяет два этоса и пронизывает такие сочинения, как «Разочарованный придворный» Бурдонне и отчасти «Завещание» де Ла Огетта.

В конечном счете идеал воспитанности (*honnêteté*), который реконструирует Мажанди, оказывается подчеркнуто светским, рассудочным, хотя и не лишенным некоторого прекраснодушия. Не случайно, что в самом конце исследователь соотносит его с другими ключевыми понятиями эпохи, благопристойностью и галантностью, которые имели сугубо социальный характер. Благопристойность

(bienséance) – один из центральных этических и эстетических императивов того времени, был связан с идеей меры (поэтому в театре отмечается все чрезмерное, включая поздние пьесы Пьера Корнеля). Но соблюдение меры оборачивается диктатом вкусов хорошего общества, которому свойственны конвенциональные представления о прекрасном, и в этом Мажанди видит причину «холодной торжественности нашей классики» (Р. 850). Ситуация с галантностью еще менее определенная. Как известно, само понятие было двусмысленным, поскольку равно подразумевало ухаживание за дамой или за высшим по званию (что тоже допустимо) и в целом куртуазный тип светского обхождения. Мажанди отмечает желание «некоторых дворян того времени» «казаться учтивыми и любезными» (С. 852), но его выбор слов свидетельствует о глубинном недоверии к таким попыткам. Помимо скептического отношения к аристократии в целом, в этом, скорее всего, следует видеть скрытую полемику со стереотипным представлением о «галантной Франции». По мнению исследователя, отличительным признаком французской культуры является именно сочетание воспитанности и учтивости, что не только позволяет ее носителям противопоставлять себя иностранцам, но и порождает внутренние дифференциации (между дворянством и буржуазией, между столичными жителями и провинциалами, и т. д.).

Порядок чтения: Эмманюэль Бюри vs Роже Шартье

По точному, хотя и не вполне уместному замечанию Фабра, в «Светской учтивости и теориях воспитанности» Мажанди «требуется от текстов слишком много и одновременно недостаточно»⁸⁸. Для коллеги исследователя это означало чрезмерное внимание к незначительным сочинениям и игнорирование их литературных качеств, то есть превалирование методической добросовестности над вкусом. Современные специалисты, напротив, склонны пенять на неполноту информации. Так, в статье о концепции воспитанности (*honnêteté*) и ее источниках, написанной для коллективного проекта «К истории европейских учебников поведения»⁸⁹ (1994), Эмманюэль Бюри указывает на два существенных пробела в монографии Мажанди. Во-первых, в своих изысканиях тот больше опирался на художественную литературу и документальные свидетельства, чем на собственно трактаты о воспитании. Отчасти это было оправданно, поскольку речь шла о эпохе, зачитывавшейся «Астреей», но все равно

⁸⁸ *Fabre J. Maurice Magendie (1844–1944). P. 216.*

⁸⁹ Pour une histoire des traités de savoir-vivre en Europe. Ss la dir. de Alain Montandon. Clermont-Ferrand: Association des Publications de la Faculté des Lettres et Sciences humaines de Clermont-Ferrand, 1994. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

перекос показательный. Во-вторых, Мажанди не уделил достаточно внимания античным источникам, которые он перечисляет, но не анализирует (Р. 179–180).

Бюри предлагает рассмотреть идею воспитанности как производную от античных идеалов, пропущенных через ренессансную призму. Модель «*honnêteté*» многим обязана тем книгам, которые читали гуманисты, и тому, как они интерпретировали античное наследие. Поэтому Бюри в первую очередь обращается к тем фигурам, которые могут служить проводниками по миру чтения человека XVI–XVII веков. Это, безусловно, Мишель де Монтень, чьи «Опыты», по сути, являются читательским дневником; Пьер Шаррон, автор трактата «О мудрости» (1601), и хорошо нам знакомый Оноре д'Юрфе. Все они были властителями дум нескольких поколений и напрямую высказывались о возможности (и желательности) внедрения различных воспитательных принципов. Скажем, Монтень критиковал искусственность светских манер или противопоставлял ей естественное поведение, ограниченное только требованиями разума. Шаррон, во многом являвшийся его учеником, пытался исследовать пределы естественности, то есть человеческой природы, используя при этом труды как античных авторов, так и христианских моралистов. В итоге он пришел к выводу о самодостаточности человека, который вполне способен себя контролировать и достигать поставленных целей без вмешательства высших сил. Этот чрезвычайно оптимистический

взгляд на человека, характерный скорее для раннего гуманизма, станет источником больших неприятностей для автора. Наконец, роман Оноре д'Юрфе является истинной энциклопедией неоплатонизма и одновременно важным политическим трактатом, поскольку рядом с античной традицией он начинает выстраивать традицию национальную, связанную с древней Галлией, а потому вполне мифическую (что не уменьшает ее значения). Как напоминает Бюри, изучение греческого языка открыло гуманистам доступ к античной философии, в частности к Платону.

Но кого, помимо Платона и неизбежного Аристотеля, все-таки читали гуманисты и, главное, воспринимали как наставников в науке жизни? Конечно, Цицерона, хотя (подчеркивает Бюри) отношение к нему было неоднозначным. С одной стороны, в нем были соединены две дорогие для гуманистов идеи, воспитанности (поскольку идеал «*honnête homme*» напрямую связан с античной концепцией «*paideia*» (Р. 190)) и способности к цивилизованной речи. С другой, его красноречие воспринималось как чрезмерно утонченное и «изнеженное», то есть морально подозрительное. Следующим по значимости был Сенека, который на протяжении XVI–XVII веков остается безусловным нравственным авторитетом. О популярности обоих этих авторов говорит количество их переводов на французский язык, причем многие произведения переводились не один, а два-три раза. Третьим в этом списке был Плутарх, который воспринимался практически

как французский автор. Некоторое влияние на воспитательные теории оказали и сатирики, в особенности Гораций или Ювенал, безусловно важные для таких французских моралистов, как Лабрюйер и его последователи.

Наконец, Бюри обращается к собственно воспитательным трактатам. В случае «Воспитанного человека» Фаре он анализирует парадоксальную позицию «ученого невежества», в высшей степени свойственную французской традиции. Для того чтобы текст не только предписывал правила поведения, но и сам был «цивилизован», он вынужденно подвергается добровольной амнезии, стиранию следов учености, и маскирует свои источники (Р. 200). Как в случае манер, так и в случае предписаний нормативные модели должны быть полностью усвоены и стать второй натурой. Отчасти эти усилия были связаны с тем, что хорошее общество включало в себя женщин, которые не имели классического образования. Таким образом, критика педантизма была обусловлена не отвлечением к науке, а определенными идеологическими установками. В заключение Бюри рассматривает случаи прямого цитирования античных авторов, которые, как он показывает, более свойственны текстам, обращенным к детям. Заметное исключение составляет шевалье де Мере, который не боялся демонстрировать свою эрудицию, но делал это в рамках определенного литературного жанра.

Анализ Бюри примечателен не только содержанием, но методом и предлагаемой филиацией. Хотя в списке научных

трудов, посвященных идеалу воспитанности, он указывает «О процессе цивилизации», в тексте статьи нет ссылок на Элиаса, и вся аргументация выстроена вокруг тезисов, сформулированных Мажанди. В том, что это принципиальная позиция, убеждает и отсутствие упоминания важной статьи Роже Шартье об особенностях публикации и аудитории учебников хороших манер, которая вышла в 1986 году, а затем была включена в его книгу «Чтение и читатели во Франции при Старом порядке» (1987)⁹⁰. Это упущение тем более заметно, что в качестве основного методического инструмента Бюри берет именно идею чтения. Однако Шартье в своей работе ориентируется прежде всего на Элиаса, уточняя и корректируя те связи, которые социолог видел между первоисточниками.

Вполне предсказуемо Шартье начинает свой анализ с разбора термина «вежество» (*civilité*). Он выделяет три уровня значения: во-первых, вежество противопоставляется варварству. Во-вторых, включает в себя воспитанность (*honnêteté*), учтивость (*politesse*), обходительность, приятное обращение, хорошее воспитание. В-третьих, это понятие выступает то в качестве синонима, то в качестве антонима ко всем перечисленным терминам. Как пишет Шартье:

Всякий раз, когда употребляется это слово или когда ему дается определение, мы имеем

⁹⁰ *Chartier R. Lectures et lecteurs dans la France d'Ancien Régime. Paris: Seuil, 1987.* Далее ссылки на это издание даются в тексте.

дело с особой стратегией высказывания, которая в свой черед представляет определенные социальные отношения. Трудность состоит в том, чтобы всякий раз реконструировать ту практическую связь, которая существует между тем, кто пишет, воображаемыми читателями, для которых он пишет, и реальными читателями текста, занимающимися собственно смыслопроизводством (Р. 47).

Еще одна сложность связана с тем, что понятие вежества включает в себя набор правил, воплощавшихся только в телесных жестах. Иными словами, это система императивных высказываний, которые были призваны изменить телесные привычки, часто бессознательные, не сформулированные и ранее не попадавшие в одну категорию. Не случайно, что словари XVII века определяют вежество по-разному: как науку, как манеру общественного поведения, как вежливость, причем это относится и к действиям, и к речи.

Конечно, подтверждает Шартье, все начинается с трактата Эразма «О приличии детских нравов», который на протяжении XVI столетия выдержал более восьмидесяти переизданий, а в XVII столетии – не меньше тринадцати. Его успех был столь велик, что уже через год после первой публикации появляется адаптированный вариант текста с комментариями, а в 1539 году он реорганизован по модели катехизиса, то есть разбит на вопросы и ответы. И то и другое позволяло использовать его как азбуку, по которой детей учили читать. Переводы следуют один за другим: в 1531 году – верх-

ненемецкий, в 1532 году – английский, в 1537 году – чешский и французский, в 1546-м – голландский. Как показывает Шартье, последовательность эта отнюдь не случайна, влияние Эразма было особенно сильно на севере Европы, в странах, затронутых протестантизмом. Так, в 1538 году парижский адвокат Жан Луво, не удовлетворяясь только что вышедшим переводом, заново перелагает книгу Эразма на французский язык, исключив из текста все упоминания католических обрядов (Луво, естественно, был протестантом). Это издание примечательно еще и тем, что было набрано шрифтом, имитировавшим рукописный, то есть помимо прямого назначения оно могло служить образчиком для уроков письма, а в некоторых случаях и прописями. Как заключает исследователь: «Эразмовские правила вежества универсальны, поскольку основаны на нравственном принципе: внешность любого человека является знаком его сути, а потому поведение – надежный показатель душевных и умственных качеств» (Р. 53).

Вторая группа текстов, к которой обращается Шартье, также связана с понятием «*civilité*». Это трактаты о правильном поведении при дворе, которые в основном ориентированы на итальянские и испанские модели. В качестве примера Шартье выбирает известный труд Антуана де Куртена «Новый трактат о вежестве, принятом во Франции среди воспитанных людей» (1671)⁹¹. О его популярности и по-

⁹¹ [Courtin A. de]. Nouveau Traité de la civilité qui se pratique en France parmi les

тенциальном влиянии на европейское общество говорит тот факт, что между 1671 и 1730 годами он выдерживает около пятнадцати переизданий. Для Куртена понятие вежества (*civilité*) прочно связано с христианской моралью, а именно с готовностью вершить добрые дела. При этом вежество регулирует светское общение во всех его тонкостях и оттенках. Это сугубо иерархическая воспитанность, где ранг определяет поведение: так, согласно Куртену, хорошо знакомые люди одного ранга могут вести себя друг с другом запросто, то есть фамиллярно. Однако почти во всех других ситуациях это невозможно, поскольку при неблизком знакомстве фамиллярность свидетельствует о легкомысленности или даже безумии, а фамиллярное обращение с высшим по званию – наглость. И только фамиллярность высшего к низшему считается допустимой и даже в некоторых случаях желательной в качестве знака благорасположения (Р. 56). По словам Шартье, если вежество эразмовского образца построено на соответствии внешнего и внутреннего, то новая «концепция воспитанности находится в самом центре того напряжения между сущностным и поверхностным, которым определяется барочная чувствительность или этикет. В отличие от концепции, согласно которой внешнее поведение безусловно и точно соответствует внутренней предрасположенности, воспитанность XVII столетия прежде всего воспринимается как внешняя социабельность» (Р. 60).

Следующий тип вежества, согласно таксономии Шартье, представлен Жаном-Батистом де Ласалем, автором «Правил христианского вежества и благопристойности», вышедших в свет 1703 году и предназначенных для религиозных школ. Уход за собой приобретает тут совершенно иное звучание. По мнению Ласалья, коль скоро человеческое тело является живым храмом, который должен служить местом поклонения божеству, с ним необходимо обходиться с достаточным уважением и заботой. Именно поэтому к нему не следует прикасаться без особой нужды и даже на него смотреть (что важно для Шартье как свидетельство дальнейшего переосмысления эразмовской традиции, где эти запреты не имеют прямого обоснования). Одновременно с этим внешний облик человека должен указывать не только на его божественное происхождение, но и на положение в социуме, отсюда дифференциация необходимых жестов и навыков общественного «я».

Книга Ласалья – важный этап «цивилизации», поскольку она непосредственно адресована школьникам и тем самым становится частью образования для весьма широкого социального круга. Кроме того, Ласаль христианизует понятие вежества, требуя жесткого контроля над «чувственностью». Таким образом, констатирует Шартье, воспитание отходит от аристократического идеала, связанного с внешними социальными нормами, и превращается в общий постоянный контроль над поведением человека, даже тогда, когда на него

не обращены взгляды окружающих (Р. 64).

В XVIII столетии, согласно Шартье, понятие «вежества» становится все более дифференцированным. Поскольку связанный с ним комплекс представлений и навыков получает широкое распространение, его отвергает та аристократическая среда, где оно первоначально было выработано. Трактаты вроде «Детского вежества и воспитанности, для наставления детей» попадают в каталоги издательств, рассчитанные на массового читателя, и выпускаются создателями «синей библиотеки» тысячными тиражами. По мере того как вежество и его учебники вульгаризируются, оно утрачивает свою ценность в глазах элиты. Представление о цивилизованности уже не связывается с внутренними душевными качествами, но предстает как общественная добродетель, как необходимое условие комфортного сосуществования. Еще один шаг, и оно начинает восприниматься как притворство, ханжество и маскировка корыстных устремлений, то есть происходит полное разделение сущности и видимости.

В статье «*Civilité, politesse, affabilité*» из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, принадлежавшей перу шевалье де Жоккура, вежество предстает как жестко формализованная система ограничений, необходимых для низших сословий, но отвергаемых высшим сословием ради более свободного кода поведения (*politesse*). Но Жокур предлагает и идеальные модели вежества, которое должно: 1) подчиняться внутренним чувствам; 2) быть видимым воплощением взаимной зависи-

мости людей друг от друга, что позволяет регулировать его законодательным образом (как поясняет Шартье, это явная отсылка к трудам Монтескье). Финалом этой традиции становится появление так называемого «республиканского вежества», которое основано на свободе – то есть подразумевает добровольное ограничение – и равенстве, признающем только различие между возрастами и полами.

Как легко заметить, Шартье идет по стопам Элиаса и в описании динамики цивилизационного процесса, и в выборе источников: Эразм, Куртен, Ласаль. Однако он уделяет больше внимания непосредственной прагматике текстов, их потенциальной и реальной аудитории и способам использования (чтение, заучивание, переписывание). Это позволяет увидеть не только распространение и постепенное «нисхождение» воспитательных установок от высших кругов к буржуазии и к демократическому читателю, но и их переход из одной идеологической системы в другую (светскость/христианское воспитание/гражданская добродетель). При этом историк признает наличие другой пропедевтической традиции, которую он связывает с понятиями благопристойности (*bienséance*) и воспитанности (*honnêteté*), напрямую отсылая к труду Мажанди (Р. 54). Таким образом, изучение поведенческих моделей раннего Нового времени как бы распадается на два направления, причем одно, связанное с более универсальной и демократической традицией, восходит к Элиасу, а второе, более узконациональное и элитарное, ассоциирует-

ся с работой Мажанди.

Пантеон

Работы Шартье и Бюри показывают устойчивость того, что можно назвать «порядком чтения», который обуславливается выбором той или иной традиции. Даже если брать только издания XVI–XVIII веков, количество сочинений о хороших манерах, правилах поведения при дворе и пр. остается практически неохватным. Достаточно вспомнить героическую попытку систематического описания текстов, связанных с нормативными повседневными практиками, которая была предпринята коллективом Центра исследования литературы Нового и Новейшего времени университета Блеза Паскаля в Клермон-Ферране, многие годы возглавляемого Аленом Монтандоном. За двадцать лет работы ими было выпущено более десятка коллективных трудов и справочных изданий, которые прямо и косвенно свидетельствуют о невозможности совладать с этим объемом (повторяющейся, неоригинальной) информации без наличия четкой навигации. А исследовательских маршрутов, в сущности, есть только два: от Эразма к Куртену и учебникам нормативного поведения или от Кастильоне к Фаре и другим трактатам о придворном. Выбор между ними подразумевает определенную интеллектуальную филиацию. Мы видели, что Бюри и Шартье в равной мере знают работы Элиаса и Мажанди.

Но в каждом случае один автор остается не востребуемым и оказывается как бы в слепой зоне (что Шартье признает): перед нами две близкие, но не совпадающие исследовательские конфигурации, каждая из которых обладает собственным пантеоном, в котором не место чуждым богам.

В Пантеоне – на сей раз парижском – и заканчивается эта история почти не состоявшихся или запоздалых встреч. Там, в списке почти двух сотен французских литераторов, погибших в период между 1939 и 1945 годами, можно найти имя Мориса Мажанди, убитого оккупационными войсками в 1944 году. В отличие от Марка Блока, чье имя находится там же, он не был участником Сопротивления, но в качестве добровольного парламентаря попытался заступиться за свою деревню и спасти ее от уничтожения, за что поплатился жизнью. В этом факте нет символического смысла, одна голая историческая реальность. Но его занятия «теориями воспитанности» еще раз указывают на то, что книга Элиаса была частью общей интеллектуальной тенденции периода между двумя мировыми войнами, для которой правила человеческой общежительности становятся одной из главных научных и практических проблем.

СОЗДАВАЯ ОБЩЕСТВА КОНТРОЛЯ НОРБЕРТ ЭЛИАС И АНТОН МАКАРЕНКО В 1930-Е ГОДЫ

Мария Майофис

Антон Макаренко давно стал привычной и конвенциональной фигурой в работах по истории советской литературы и советской педагогики, в современной науке – истории идеологии (Ушакин 2005; Добренко 2007: 183–196). Однако не менее важно было бы рассмотреть его работы в рамках истории интеллектуалов и истории идей, причем не только в рамках советской традиции и не только в перспективе генетических связей и влияний. Это позволило бы увидеть особенности его, пользуясь выражением Ч. Райта Миллса, «социологического воображения». Предметом внимания в этой статье будет сопоставление работ Макаренко и Норберта Элиаса 1930-х годов.

1

Та система педагогических принципов и приемов, которая вошла в науку, практику и общественную мысль под

названием «система Макаренко», представляет собой краткое изложение основных идей, высказанных им в трех больших его педагогических сочинениях: незаконченной книге «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (предположительно – 1932–1933⁹²), брошюре – «Методика организации воспитательного процесса» (1935–1936), которую Макаренко писал в пору работы заместителем начальника Отдела трудовых воспитательных колоний НКВД УССР в Киеве⁹³, а также из серии статей и выступлений 1936–1939 годов, некоторые из которых выходили уже после смерти Макаренко в центральных газетах, а некоторые были подготовлены к печати только к концу 1940-х годов⁹⁴.

Уже в первом тексте, «Опыте методики...», Макаренко

⁹² Именно так датирована эта рукопись комментаторами собрания сочинений Макаренко в восьми томах. Однако они же указывают на то, что в рукописи есть более поздние фрагменты, написанные уже после 1936 года (Макаренко 1983: 354).

⁹³ Эта брошюра была издана в 1936 году под названием «Временные методические указания по организации воспитательного процесса в трудовых колониях для несовершеннолетних» и разослана в качестве рабочего материала, на который предлагалось писать отзывы и соображения. Но 23 августа 1936 года в связи с арестом начальника отдела Л. С. Ахматова все экземпляры были отозваны обратно. Фактически книга пришла к читателю только в 1947 году, когда вышло ее первое отдельное издание (Абаиринов, Хиллиг 2000: 70–72, 131, 134).

⁹⁴ Так, например, в январе 1938 года Макаренко выступил с серией лекций для сотрудников Наркомпроса РСФСР (косвенное подтверждение его амбиций предложить универсальную воспитательную систему для всех советских школ), их стенограммы были впервые опубликованы в «Учительской газете» и журнале «Советская педагогика» в 1941–1943 годах.

пытается создать всеобъемлющую систему советского коллективного воспитания, которую можно было бы использовать не только в трудовых колониях. Во второй половине 1930-х годов его решимость создать такую систему только укрепляется.

Макаренко переезжает в Москву из Киева в ноябре 1936 года, но еще раньше, 20 июля, в «Правде» выходит его статья под названием «Прекрасный памятник». Она рассказывала о харьковской колонии им. Ф. Э. Дзержинского как лучшем памятнике руководителю ВЧК. Формально выход этой статьи был приурочен к десятилетию смерти главного организатора борьбы с детской беспризорностью, но, по сути, этот текст был ответом на гораздо более злободневные события. За шестнадцать дней до публикации статьи, 4 июля, ЦК ВКП(б) издал знаменитое постановление «О педологических извращениях в системах Наркомпросов» (Постановление 1936), навсегда положившее конец советской педологии как науке и педагогическим и психологическим экспериментам, которые велись под эгидой педологии. В статье для «Правды» Макаренко ни разу не упоминает опальных педологов, однако его основные тезисы не просто полемически заострены против педологических принципов и практик, но призваны продемонстрировать, что его педагогическая система прямо противоположна по своим установкам педологической и представляет собой многообещающую альтернативу, которая, в отличие от педологии, не предполагала ни-

каких специальных методов для работы с делинквентными и отстающими: «Не презрение, не высокомерную подачку, не ханжеское умиление перед человеческим несчастьем подарили чекисты этим искалеченным детям. <...> Главное – новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуны, переставали нести на себе проклятие людей „третьего сорта“» (Макаренко 1984: 123). Далее Макаренко рассказывает, что после постановления 1935 года о полной ликвидации беспризорности пятьсот старых воспитанников колонии вынуждены были принять в свой коллектив пятьсот новых – «с улицы, из зала суда, из неудачных, деморализованных семей». И теперь «только очень опытный глаз способен отличить, где старые, испытанные дзержинцы, а где новые, только что налаженные воспитанники» (Там же). Чудесное превращение начинает выглядеть еще более чудесным, когда Макаренко поясняет, что «совершенно невероятной трудности операция» была произведена в отсутствие института воспитателей, только силами самих воспитанников (Там же). В условиях постоянной ресурсной недостаточности (и финансовой, и кадровой) в глазах руководителей советских органов образования такой результат должен был выглядеть очень многообещающим.

Можно предположить – и опубликованные документы это косвенно подтверждают, – что к моменту переезда в Москву

Макаренко сумел переформулировать, буквально – «транспонировать» – свою систему воспитательных принципов и организации детской колонии для использования ее в рамках средней школы, как некоторое универсальное лекарство и универсальную меру, которая могла бы заменить запрещенную и изгнанную педологию (а за ней, как показывала практика, и детскую психологию). Иначе говоря, правила и принципы, выработанные для особых закрытых воспитательных учреждений, должны были, с некоторыми сокращениями и изменениями, стать в рамках советской образовательной системы если не всеобщими, то официально поощряемыми и рекомендованными к внедрению. Макаренко не успел свести свои работы последних лет в одно обобщающее сочинение – этим занялись уже в конце 1940-х годов его последователи, издававшие одну за другой книги о «педагогической системе Макаренко».

2

Один из главных своих воспитательных принципов Макаренко называет «принципом параллельного действия». Фактически этот принцип означает отказ от индивидуальной работы педагога с ребенком – идеи, столь настойчиво пропагандировавшейся педологами, особенно на ранней стадии развития этого движения. Макаренко же говорит: «Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела.

Такова официальная формулировка. В сущности, это форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности» (Макаренко 1984: 165).

Смещение фокуса с отдельного ученика (воспитанника) на коллектив (отряд/класс, колонию/школу) и установленные в нем правила поведения и коммуникации в описании Макаренко последовательно создают взаимный контроль членов первичного (пятнадцать–двадцать человек), а потом и «большого» коллектива (до нескольких сот человек), а на следующем этапе приводят к тому, что нужные паттерны поведения ребенок способен уже воспроизводить сам, то есть владеет навыками самоконтроля. Если коллектив детского учреждения уже сложился и рутинно функционирует, то новых воспитанников нужно распределять по разным отрядам, так они «сразу попадают в сильные первичные коллективы, под перекрестное влияние и наблюдение дисциплинированных и воспитанных ребят» (Макаренко 1983: 305). Иными словами, те, кто уже усвоил и интериоризировал правила поведения и общежития, способны осуществлять внешний контроль за новичками – возможно, даже лучше, чем это делали бы воспитатели, поскольку зоркость и бдительность контролирующих обеспечена их собственным недавним трудным путем к самодисциплинированию.

Любой нарушитель установленных правил должен отвечать за свою провинность не перед воспитателем или пед-

советом, а перед отрядом/классом или даже всей колонией/школой, и главным механизмом наказания становится временное или частичное лишение его права считаться полноценным членом этого коллектива: «...в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального» (Макаренко 1984: 158).

Выполнение правил общежития, самодисциплинирование и преданность коллективу имеют и обратную, позитивную сторону – гарантию личной безопасности и защиты от внешней угрозы: «В коллективе должно быть крепким законом, что никто не только не имеет права, но не имеет и возможности безнаказанно издеваться, куражиться или насильничать над самым слабым членом коллектива. Прежде всего он должен находить обязательную защиту в своем отряде, классе. Поэтому и важно иметь длительно сохраняющиеся отряды» (Макаренко 1983: 318).

Для того чтобы эта система функционировала и самоподдерживалась, необходимо усиливать социальные связи внутри детского учреждения: для этого Макаренко придумывает систему шефства старших воспитанников над младшими, а также выборного самоуправления с частой сменяемостью выбранных детских руководителей, так что на должности «командиров» и «дежурных командиров» последовательно оказываются буквально все старшие и зарекомендовавшие себя воспитанники. Именно орган самоуправления

(более узкий – совет командиров или самый представительный – общее собрание) рассматривает все случаи проступков и нарушений распорядка, именно он налагает наказание и следит за его исполнением. По Макаренко, нужно всеми силами сохранять авторитет детского самоуправления – даже в ущерб авторитету педагогов. При этом руководствоваться эти органы должны принципом – «ни один проступок воспитанников не должен быть незамеченным» (Там же: 294).

На вопрос о том, зачем нужны эти взаимосвязанные системы воспитания детей и организации детского коллектива, Макаренко попытался ответить в преамбуле к «Опыту...». По его мнению, советское общество будет интенсивно развиваться и на каждом этапе развития формулировать новые требования к тому, какие люди нужны будут в будущем. Но одно останется неизменным – это общество по определению будет коллективистским, то есть всегда будет состоять из больших и маленьких коллективов, жить и действовать в которых и придется гражданам будущего. Коллектив Макаренко понимает не просто как устойчивую группу взаимодействующих между собой людей, но как группу, обладающую суверенитетом, то есть ставящую общие интересы выше личных и требующую от каждого члена безусловного подчинения. Не менее важно и то, что коллектив у Макаренко – это группа, постоянно выполняющая деятельность, полезную для советского общества (Там же: 176). Воспита-

ние детей внутри структурированного и детально регламентированного детского коллектива, во-первых, позволяет само это воспитание осуществлять максимально быстро и эффективно, а во-вторых, готовит детей к будущей коллективистской жизни, которая, по мнению Макаренко, так же как и жизнь буржуазного общества, определяется системой зависимостей – только зависимостей другого рода и иной природы.

Особую роль в этом коллективистском воспитании играют нормы, требования и упражнения, направленные на выработку дисциплины тела, культуры одежды и разговора, гигиенических практик. Макаренко настаивает на том, что этот тип дисциплинирования необходим не только для тех, кто недавно был беспризорным, ходил в лохмотьях и зарос коростой и вшами: все эти предписания – это *sine qua non* для *каждого советского человека*, так как привычка к их исполнению коренным образом воздействует на личность.

Поэтому такие большие, почти безграничные полномочия отданы у Макаренко в организационной структуре колонии Санкомиссии. Ее решения «обязательны не только для воспитанников, но и для всех сотрудников учреждения» (Там же: 280). Фактически она является проводником биополитики, определенной руководством колонии, и осуществляет контроль над телом и одеждой воспитанников, помещениями, где они живут, учатся и работают. В полномочия Санкомиссии входит проверка «состояния костюмов», включая

«пуговицы, пояса, чулки, шнурки на обуви и пр.», уборка станков и рабочих мест, контроль чистоты рук и надлежащего внешнего вида при входе в столовую, наблюдение за аккуратностью в еде, качеством уборки классов, регулярно проветривания и гигиеническими процедурами перед сном, состоянием причесок, кожи и ногтей, одежды и постели, а также оснащение умывальных (мыло, полотенце, зубной порошок и щетка) и гардеробных (обувные щетки и мазь, иголки и нитки) (Там же: 281).

Усиленное внимание уделяется содержанию уборных (Там же: 301), культуре принятия пищи⁹⁵, телесным практикам и отправлениям, например таким, как бросание мусора, плевание и сморкание:

Воспитанники должны приучаться бросать бумажки, окурки и так далее только в сорный ящик. Плевательницы нужны в спальнях и в больничке, в других помещениях они нежелательны. <...>

Ребят нужно приучать к тому, что для человека здорового плевать вовсе не обязательно, что привычка плевать — просто плохая привычка, либо признак

⁹⁵ «Воспитательная часть должна приучать воспитанников входить в столовую без шума, без опозданий, знать свое место и точно его занимать. Не надо требовать в столовой абсолютной тишины, но нужно всегда бороться с шумом и с отдельными выкриками. Необходимо приучать воспитанников есть аккуратно и красиво, без громкого проглатывания и жевания, без жадности, пользоваться правильно ложкой, ножом, вилкой. <...> Культура еды — это очень важная область общей культуры человека — ее надо настойчиво воспитывать» (Макаренко 1983: 302).

больного человека. А очищать нос нужно обязательно при помощи носовых платков. Платок должен быть чистый, за этим необходимо следить (Там же: 303).

Ключевыми понятиями в этом поведенческом кодексе становятся слова «сдержанность» и «торможение»⁹⁶. Генеzis второго термина неслучаен: он был ключевым в словаре исследователей физиологии поведения, и прежде всего Ивана Павлова. Тщательно прописаны и рекомендации по тому, как и сколько нужно говорить, как ходить и сидеть, как должны выглядеть одежда, прическа, аксессуары:

...важным признаком тона, признаком чрезвычайно важным, должна быть привычка торможения; руководство детского учреждения постоянно должно развивать у воспитанников умение быть сдержанными в движении, в слове, в крике. Надо требовать соблюдения тишины там, где она нужна, нужно отучать воспитанников от ненужного крика, от неумеренно-развязного смеха и движения. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского коллектив запрещает воспитанникам прислоняться к стене, держаться за перила лестниц, валиться на стол, разваливаться на диване. Это торможение не должно иметь характера муштры; оно должно быть логически оправдано прямой пользой для организма самого воспитанника,

⁹⁶ «Тормозить себя – это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано» (Макаренко 1984: 198).

эстетическими представлениями и удобствами для всего коллектива.

Особую форму торможения представляет вежливость, которую нужно настойчиво рекомендовать воспитанникам при каждом удобном случае и требовать ее соблюдения (Там же: 318).

Эти требования Макаренко считает нужным распространять «как на воспитанников, так и на педагогов». От педагогов требуется даже большее – не просто сдержанность в собственном поведении, но тщательное наблюдение над характерами и поступками детей, которое должно сперва фиксироваться, а потом анализироваться в специальном педагогическом дневнике. Макаренко специально поясняет, что «дневник ни в каком случае не должен иметь характера официального журнала» (Макаренко 1983: 320–321), а значит, он нужен не как отчетный документ и даже не как руководство для коллег, которые будут потом иметь дело с теми же детьми, но как инструмент совершенствования педагогической и психологической техники.

Наивысшей точкой развития этих сдерживающих механизмов психики, умения владеть собой становится квалификация рабочего высочайшего класса, который может быть воспитан и выращен уже в стенах детского учреждения. Известно, что колония им. Дзержинского сама построила и эксплуатировала завод, на котором выпускались первые советские любительские фотоаппараты ФЭД, требовавшие

на всех этапах изготовления большой аккуратности, точности и слаженности работ в разных цехах. В своих лекциях 1938 года Макаренко вспоминает одного из воспитанников, позже ставшего врачом: «...глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал, не проверяя», «в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности» (Макаренко 1984: 188).

3

Макаренко в рамках своей методики создания коллектива колонии предлагает искусственно сконструировать такую систему социальных взаимосвязей, которая в ускоренных темпах привела бы к совершению того, что Норберт Элиас в своих работах называл «процессом цивилизации». Сам Макаренко никогда не использует слова «цивилизация» и однокоренные с ним, апеллируя скорее к привычному словарю 1920–1930-х годов, в котором расхожим выражением было «привитие навыков культурности».

Характерно, что процитированные выше работы Макаренко создавались хронологически параллельно с тем, как Норберт Элиас описывал в двух своих книгах – диссертации «Придворное общество» (1933) и монографии «О процессе цивилизации» (1939) – аналогичные процессы, происходившие с европейцами на переломе Средневековья и Нового времени. Характерно, что Макаренко уделяет внимание

точно тем же приметам «цивилизованности», что и Элиас: гигиена тела, одежда и обувь, плевание и сморкание, положение тела и ходьба, естественные отправления и уборные, культура речи и снижение аффектации. Даже требование ведения педагогического дневника находит удивительную параллель с теми фрагментами «Придворного общества», где Элиас объясняет, что пребывание при дворе требовало от дворян XVII века развивать в себе искусство «наблюдения за другими», причем за другими «в общественной связи», в «отношении к другим», а затем уже – и наблюдения за самим собой. В культивировании искусства наблюдения Элиас видит генезис таких литературных произведений, как «Характеры» Лабрюйера и «Максимы» Ларошфуко (Элиас 2002: 130–131).

Это сходство представляется мне не случайным, требующим объяснений, а также поиска и восстановления общих для двух этих авторов контекстов.

В качестве первого общего контекста я предложила бы выделить социальные и антропологические изменения периода Первой мировой войны и последующих нескольких лет, пришедшихся в России на войну Гражданскую. Резкий слом быта, массовые миграции, нехватка продовольствия, пауперизация, сдвиг гигиенических норм, повальные эпидемии – все эти процессы могли засвидетельствовать и Элиас, успевший послужить и на Западном, и на Восточном фронте, и Макаренко, который сам из-за плохого зрения пой-

ти на войну не мог, но много успел узнать о ней от своего младшего брата Виталия, участника Брусиловского прорыва. Во время Гражданской войны Макаренко жил в Крюкове (ныне – район Кременчуга) и стал там свидетелем многократной смены власти, потоков беженцев, ужасающей нищеты – приметы первых послереволюционных лет он описывает в письмах к эмигрировавшему сперва в Турцию, а затем во Францию брату Виталию. Собственно, и наплыв беспризорных детей, и рост подростковой преступности, с последствиями которых пришлось бороться Макаренко, были результатами этих социально-экономических, антропологических и демографических изменений, затронувших и его собственные бытовые привычки и стилистические предпочтения. Виталий Макаренко вспоминал уже в начале 1970-х:

Во всех книгах, посвященных А[нтону], среди иллюстраций бросается в глаза бедность и неэлегантность его одежды: какие-то демократические картузы, рубахи-косоворотки, дешевые шубы и пр. Но все это фотографии послереволюционного периода. До революции я всегда помню А., одетого безукоризненно: всегда у него имелось несколько приличных костюмов, такие же были галстуки, рубашки, воротнички и ботинки. В этом отношении он был большим „франтом“ и одевался в Кременчуге у лучшего портного – Казачка. Я никогда, даже летом, не видел Антона в косоворотке (до 1917 года) (В. С. Макаренко 1991).

Второй контекст, близко связанный с первым, – интенсивное восстановление быта, городской культуры и индустрии в 1920-е годы, в Советской России связанное с политикой нэпа и одновременно с декларативным сдвигом моральных норм в новом обществе, а во всей Европе, включая и Россию, – с ростом сферы массовой культуры и развлечений и массовизацией общества в целом. На рубеже 1920–1930-х эти процессы вызывают уже сильное беспокойство у самых чутких интеллектуалов (см. «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета, 1930, «В тени завтрашнего дня» Й. Хейзинги, 1935). Восстановление быта не могло не привести к восстановлению – но лишь частичному! – утерянных за время Первой мировой войны цивилизационных стандартов.

Третий контекст, общий для Макаренко и Элиаса, – это внимательное чтение, а затем и переосмысление работ Зигмунда Фрейда. Михаил Велижев указывает на то, что Элиас использовал и реконцептуализировал одну конкретную работу Фрейда 1930 года – «*Das Unbehagen in der Kultur*»⁹⁷, в которой содержались три принципиальных положения, общие для концепций обоих авторов: «1) цивилизация понимается... в терминах психологической работы человека; 2) цивилизация выступает в роли ограничителя инстинктов и... инструмента самоконтроля; 3) ...процесс цивилизации имеет двуступенчатый характер: сначала человек дисципли-

⁹⁷ В русском переводе эта работа иногда называется «Недовольство культурой», а иногда – «Цивилизация и ее тяготы».

нирует себя под давлением власти, но затем воздействие становится элементом внутренней жизни индивида» (Велижев 2019: 125–126)⁹⁸. Те же закономерности можно вывести и из более ранних работ Фрейда, в том числе и тех, которые активно публиковались в переводе на русский язык в 1910-е – начале 1920-х годов⁹⁹, а значит, установленное сходство можно *mutatis mutandis* перенести и на пару «Фрейд – Макаренко».

Для нас важно, что фрейдовская концепция Супер-Эго как мощного внутреннего начала, подавляющего инстинкты, могла быть после некоторых модификаций развернута на большом хронологическом отрезке в рамках исторической социологии, как это произошло у Элиаса, а могла быть – в рамках теории воспитания и педагогики, как это мы видим у Макаренко. Однако между Фрейдом и двумя его интерпретаторами были и существенные различия: сам Фрейд считал, что вмешательство Супер-Эго в жизнь человека делает его в конце концов несчастным, Элиас пытался описывать этот процесс как амбивалентный – чреватый и потеря-

⁹⁸ Об Элиасе и Фрейде см. также: (Lahire 2013; Nagbol 2013; Korte 2017: 166–171). Хорошо известно, что один из первых полученных из типографии экземпляров книги «О процессе цивилизации» Элиас послал Фрейду, сопроводив подарком дарственной надписью.

⁹⁹ Об увлечении Фрейдом и психоанализом в России начала 1920-х см.: (Эткинд 1993). «Недовольство культурой» не могло появиться в СССР и потому, что к 1930 году психоанализ не просто сдал свои позиции на общественной арене, но и фактически попал под запрет, и потому, что в этой работе содержалась критика коммунистической идеологии и практик большевизма.

ми, и достижениями, а Макаренко, как и многие марксистские толкователи Фрейда, предполагал, что чем больше контроля и «торможения» будет в жизни человека, тем лучше.

В этом отношении у Макаренко был один авторитетный предшественник, настойчивые попытки которого соединить психоанализ с марксизмом и рефлексологией он никак не мог обойти вниманием в начале 1920-х годов. Речь идет о Льве Давидовиче Троцком¹⁰⁰.

Один из изобретателей и пропагандистов концепции «культурности», Троцкий определяет ее именно через переход внешней дисциплинированности в дисциплинированность внутреннюю, объясняя его последующим отмиранием государства. Но понятно, что этот переход можно было осуществить, и не имея в виду столь утопической цели:

Культурность есть в то же время внутренняя дисциплина. Если мы говорим, что по пути к полному социализму и коммунизму государство, как аппарат принуждения, постепенно отомрет, то этим самым мы говорим, что необходимая для нового общежития дисциплина из внешней целиком станет внутренней, перейдет в общественную культурность каждого отдельного гражданина (Троцкий 1924).

Троцкий считает необходимой такую трансформацию сознания советских людей, которая позволила бы изжить из него все устарелые, «домостроевские» идеи (Троцкий

¹⁰⁰ О Троцком и Фрейде см.: (Эткинд 1993: 269–310).

1923а), но путь освоения культурности, по его мнению, лежит не через простое переубеждение или просвещение, а через дисциплинирование в сфере самых мельчайших бытовых навыков и привычек. Без него – создание нового советского человека будет невозможным:

Требование, чтобы на лестницах и в коридорах не плевали и не бросали окурков, есть «мелочь», мелкое требование, а между тем, оно имеет огромное воспитательно-хозяйственное значение. Человек, который походя плюет на лестнице или на пол в комнате, – неряха и распустеха. От него нельзя ждать возрождения хозяйства. Он и сапог не смажет, и стекло вышибет по невниманию, и тифозную вошь занесет... <...> Неопрятное бросание окурков есть неуважение к чужому труду. А кто не уважает чужого труда, тот и к своему собственному относится недобросовестно. <...> Тот, кто молча, сторонкой проходит мимо таких фактов, как проплеванная лестница или загаженный двор, тот плохой гражданин, тот негодный строитель» (Троцкий 1921).

От Троцкого, по-видимому, идет у Макаренко и ориентация на образ «делового» человека и деловой стиль общения (Макаренко 1984: 199).

Опубликованные документы из архива Макаренко не содержат никаких свидетельств чтения работ Троцкого в первой половине 1920-х годов (если бы такие свидетельства и были, логично предположить, что уже во второй полови-

не 1920-х, с началом репрессий в отношении троцкистов, он постарался бы их уничтожить).

Однако мы знаем, что осенью 1922 года Макаренко проводит несколько месяцев в Москве на курсах Центрального института организаторов народного просвещения им. Е. А. Литкенса. Он собирается обобщить там результаты своей двухлетней деятельности в колонии для несовершеннолетних и, ходатайствуя об этой командировке перед Наркомпросом Украины, следующим образом объясняет текущие задачи, стоящие перед советскими социальными науками: «...пока под социологию не подведен крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм» (Хиллиг: Л. 69)¹⁰¹.

Этот интерес Макаренко к связи психологии и социологии (идуший, скорее всего, от Льва Петражицкого, чьей концепцией тогда увлекался молодой педагог) заставляет обратить внимание на важное совпадение. В те же месяцы осени 1922 года, в которые Макаренко был в Москве, Троцкий начал публиковать в «Правде» цикл статей, из которого позже выросла книга «Литература и революция» (1923); статьи вызвали большой резонанс и не могли не привлечь внимание

¹⁰¹ Этот фрагмент, по словам Г. Хиллига, был выпущен при всех публикациях письма Макаренко в советских изданиях; Хиллиг восстанавливает его по рукописи и приводит в русском варианте своей монографии.

Макаренко. В книге Троцкий предсказывал будущее человека как биологического вида, предполагая, что главная задача человека при коммунизме – овладеть своим бессознательным и подчинить его контролю разума:

Человек примется, наконец, всерьез гармонизировать самого себя. Он поставит себе задачей вести в движения своих собственных органов – при труде, при ходьбе, при игре – высшую отчетливость, целесообразность, экономию и тем самым красоту. <... > В наиболее глубоком и темном углу бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека. Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследующей мысли и творческой инициативы? (Троцкий 1923б: 197).

Эта смысловая связка – «высшая отчетливость... и тем самым красота» – довольно близка к тезисам теоретических работ Макаренко 1930-х годов.

4

Какие новые, не замеченные ранее характеристики доктрины Макаренко открывает нам сопоставление ее с концепцией «процесса цивилизации» у Элиаса, на какие компоненты мы начинаем обращать все более пристальное внимание?

Во-первых, на то, что можно было бы назвать «менеджментом эмоций». В заключительной главе «Процесса цивили-

лизации» он настаивает на том, что постепенное внедрение «рацио» и самоконтроля стали возможными потому, что люди захотели минимизировать уровень насилия в обществе, дабы гарантировать себе и другим безопасность. Однако страх – ключевая эмоция, порожденная циркуляцией насилия – не пропал вовсе. Он оказался заменен и перекодирован сложной системой запретов и предписаний, нарушение которых прямо или косвенно открывало бы дорогу к возвращению насилия, и особенно плотно эта система запретов реализуется при воспитании детей. Ребенок в наибольшей степени подвержен разного рода страхам, поскольку его постоянно ставят лицом к лицу с разного рода запретами и предписаниями. «Страхи так трансформируют пластичную душу ребенка, что, подрастая, он начинает вести себя в соответствии с имеющимися стандартами, независимо от того, вызываются ли его страхи прямой угрозой физического насилия, лишениями, ограничениями в питании или в удовольствиях» (Элиас 2001: 2, 322). Следовательно, историку или социологу принципиально важно разглядеть страх, стоящий за разного рода дисциплинарными практиками, гарантирующими субъекту безопасность в случае выполнения предписаний и запретов.

И здесь целесообразно было бы задать вопрос о том, как эмоция страха оказывается вплетена в педагогическую систему Макаренко, как перекодирована – и чем скомпенси-

рована или закамouflирована¹⁰². Если основываться на теоретических положениях, выдвинутых в работах 1930-х годов, а также на примерах из жизни двух колоний, которые Макаренко последовательно возглавлял, то можно увидеть, что главная гарантия – свобода от физического насилия со стороны сверстников – прописана в этой системе очень четко. Однако этот принцип выполняется только в случае, когда воспитанник находится внутри колонии, не исключен из нее (а мы знаем, что в практике обеих колоний бывали случаи исключений и изгнаний). Помимо этого, основного рычага, были и несколько дополнительных «бонусов», которые воспитанники могли получать исключительно или почти исключительно в макаренковских колониях, особенно в материально благополучной колонии им. Дзержинского, и едва ли получили бы в других заведениях для беспризорных: высокий уровень бытового обеспечения (коммунальные удобства, одежда, питание), возможность получать карманные деньги во время увольнительных и отпусков, возможность

¹⁰² Сам Макаренко публично отрицал страх как неэффективный элемент воспитания, который никогда не порождает авторитета того субъекта, который становится источником этой эмоции (см.: Макаренко 1985: 243). Однако его воспитанник и последователь Семен Калабалин говорит о том, что провоцирование страха (через искусственно вызванные «взрывы гнева») могло быть у Макаренко одним из способов воспитательного воздействия, пока у подростка не пробуждалось «сознание» (Калабалин 1960: 70). Сам Макаренко неоднократно говорил о том, что педагог, пользуясь актерской техникой, должен уметь «разыгрывать» гнев, чтобы указать воспитуемому на недопустимость определенных поступков, – но понятие «страх» он в этих случаях намеренно не использовал.

закончить среднюю школу полного цикла, стипендиальные выплаты для выпускников, поступавших по окончании колонии в вузы... Но особое внимание стоит обратить именно на эмоциональную компенсацию, то есть на те пассажи, в которых Макаренко настаивает на акцентировании эстетической составляющей коллектива, его стиля: красоте строя марширующих колонистов, чистоте и единообразии их костюмов, воодушевляющей музыке, которую исполняет духовой оркестр. Не случайно массовый прием новых воспитанников – из числа отловленных беспризорников – всегда осуществлялся, по сценарию Макаренко, встречей их на вокзале – всем составом колонии, военным строем, при «полном параде» и с оркестром, уничтожением всех внешних примет прежней беспризорной жизни – грязи на теле, старой прически и, конечно, одежды, а затем и облачением в чистый и аккуратный коммунарский костюм.

Макаренко многократно произносит слова «бодрость» и «мажор», характеризуя общее настроение, которое должно поддерживаться у воспитанников. Если внести в общую схему организации межличностных связей не только элиминирование насилия, о котором пишут и Элиас, и Макаренко, но и перекодированный страх, присутствие которого подтверждает Элиас, а Макаренко упорно отрицает, то можно увидеть следующую причинно-следственную цепочку: насилие в детских исправительных учреждениях и среди беспризорников, находящихся «на улицах», → гарантии безопасности

в колонии при условии соблюдения правил жизни коллектива и под угрозой изгнания из него в среду, пораженную насилием, → эстетизация коллективной жизни и эмоциональная возгонка как одновременно результат дисциплинирования и компенсация того внутреннего напряжения, которое порождается дисциплинированием и страхом изгнания.

Второе свойство педагогической доктрины Макаренко, которое становится особенно заметным при сопоставлении ее с концепцией Элиаса, – ее радикальный конструктивизм и связанный с конструктивизмом редукционизм. Там, где Элиас демонстрирует масштабные исторические процессы, разворачивавшиеся в течение столетий и постепенно создававшие разнородные фигуры, ставшие основой внешнего самодисциплинирования, Макаренко говорит об обозримом периоде длиной в несколько лет. Там, где Элиас настаивает на том, что переплетение множества планов, проектов, сознательных и неосознанных действий создали «специфический порядок, наделенный большей принудительной силой и более могущественный, чем воля и разум отдельных людей, его создающих» (Элиас 2001: 2, 238), Макаренко уверен в том, что правила взаимодействий внутри детского коллектива можно, продумав, раз и навсегда зафиксировать, – и тогда, если система межперсональных зависимостей была правильно рассчитана и регулярно приводится в действие, можно будет вскоре пожинать добрые плоды этих нововведений.

Ответ на вопрос, почему редукционистская схема обра-

зования социальных фигураций оказывается пригодной для относительно быстрого дисциплинирования сотен детей, достаточно прост: эта система закрытая, практически не допускающая внешних влияний и оттого легко менеджерируемая. Поэтому во всей хронологически протяженной исторической схеме Элиаса практикам Макаренко лучше всего соответствует, пожалуй, один конкретный фрагмент: описание жизни французского придворного общества XVII – начала XVIII века. Здесь мы тоже имеем дело с относительно закрытым кругом допущенных лиц и с замкнутым пространством, функционирование которого задано ежедневными ритуалами и определяется центростремительным движением. Характерно, что оба автора осознают принципиальную роль центра, регулирующего поощрения и наказания, и подробно ее расписывают. Для Макаренко важно, что это одновременно и место в пространстве, и набор полномочий, которыми наделяется одно ответственное лицо: «Каждый коммунары знал, что в мое отсутствие на моем месте сидит лицо, которое отвечает за учреждение... есть центр, который не прекращает работу, и что всегда есть кого позвать, к кому обратиться. А от того центра идут уполномоченные лица...» (Макаренко 1984: 236). Он настаивал на том, что в школах таким «воспитательным центром» должен был становиться директор (Там же: 206).

Сравнение с «Придворным обществом» позволяет нам увидеть, что сочетание закрытости и эстетизации дисципли-

ны и порядка, придававшие макаренковским коллективам известную степень аристократичности, было неслучайным: колонисты чувствовали себя «наособицу» и в пространстве города, где участвовали в празднествах и парадах, и при заочном сравнении с другими воспитательными учреждениями. Когда Макаренко увлеченно описывал принятые в обеих его колониях организационные и воспитательные методы и гордо рапортовал о результатах их применения, – а они выглядели для многих внешних наблюдателей не просто поразительными, но ошеломляющими, – он ждал, что созданная им система будет регулярно воспроизводиться, а дисциплинарные нормы – передаваться из одного детского учреждения в другое. Коллективы колоний им. Горького и им. Дзержинского выступали в этом случае в качестве трендсеттеров, своеобразной «аристократии» системы народного просвещения.

Общая для Макаренко и Элиаса идея трансляции «аристократических» поведенческих норм позволяет объяснить и странную на первый взгляд привязанность Макаренко к слову «джентльмен» и к кодексу «джентльменского поведения», который он внушал своим воспитанникам в 1930-е годы. В СССР слово «джентльмен» тогда использовалось как экзотизм, отсылающий к сюжетам из жизни США или Великобритании, применительно к современности оно было, как правило, окрашено иронически¹⁰³. Однако, по воспоминани-

¹⁰³ Характерный пример: «Тема западных скетчей – это почти всегда поведе-

ям бывшего воспитанника Макаренко Ефима Ройтенберга,

...Антон Семенович говорил: «Мы, советские люди, должны блистать изысканной воспитанностью и джентльменством. <...> Нашей воспитанности должен завидовать весь мир». Однажды на совете командиров Антон Семенович внес предложение, чтобы все коммунары уступали место женщинам в трамвае, но через несколько дней один из коммунаров сказал, что вот наши ребята уступят место, а потом поглядывают, замечена ли эта наша «добродетель» или нет. Антон Семенович только сказал: «Вы не джентльмены, а хвастунишки. Когда уступаете место в трамвае – не оглядывайтесь» (Ройтенберг 1960: 256)¹⁰⁴.

Именно закрытость, а не фокусировка на бывших уголовниках и беспризорниках была самым уязвимым свойством системы Макаренко. Поэтому, когда он решился предложить ее в качестве универсальной воспитательной методики для всех учреждений Наркомпроса, он столкнулся с неразрешим-

ние пьяного посетителя бара. Пьяный джентльмен начинает паясничать и проделывает всевозможные эксцентрические трюки, так начинается номер акробатов, жонглеров или велосипедистов» (Дмитриев Ю. Новый цирк // Советское искусство. 1938. № 12 (418)).

¹⁰⁴ Ср. положительную окраску слова «джентльмен» в текстах самого Макаренко: «На профсоюзном учительском огороде за городом обнаружил я в образе сторожа Павла Ивановича Журбина. Человек это был образованный, добрый, вымуштрованный, настоящий стойкий и джентльмен» (Педагогическая поэма. Ч. 2 (Макаренко 1935: 318)).

мой трудностью: что делать в этом случае с внешними влияниями, как их нейтрализовать или – еще лучше – согласовать со школьным распорядком? Одним из путей стала интервенция в сферу семьи: в попытке согласования влияний и была написана «Книга для родителей». Другим – предложение о запрете любой другой формы коллективности, кроме школьной.

«Вчера я был в одном парке культуры и отдыха, где есть районный пионерский городок. В этом же районе есть дом, отдельный дом им. Павлика Морозова. И в этом же районе есть 13 школ. И я вчера видел, как эти три учреждения – школа, пионерский дворец и специальный дом им. Павлика Морозова – растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет коллектива. В школе он в одном коллективе, в семье – в другом, в пионергородке – в третьем, в доме Павлика Морозова – в четвертом», – возмущался Макаренко в своей лекции перед сотрудниками Наркомпроса, – и предлагал фактически передать в ведение школ и кружковую, и клубную, и летнюю лагерную работу:

Правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и *отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него* – от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь

дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива, – такое положение я считаю неправильным (Макаренко 1984: 131, 132; курсив мой. – М. М.).

Этот «эффект закрытости», право монопольного влияния и, наоборот, исключение любого другого вида социальности, определил и то направление, в котором пришлось работать даже самым гуманистически и персоналистски настроенным последователям Макаренко, практиковавшим и развивавшим его методы коллективного воспитания в послевоенное время: им приходилось или искусственно обособлять детские группы или учреждения, которыми они руководили, или наделять их – в глазах детей, родителей и внешних наблюдателей – признаками элитарности, разделяя «своих» и «чужих». Альтернативную – и полемическую по отношению к макаренковской – концепцию детского коллектива создаст на рубеже 1960–1970-х годов психолог Людмила Новикова, которая будет настаивать на том, что для удачного развития и социализации ребенок должен быть включен в разветвленную сетку коллективов, чтобы хотя бы в одном из них реализовать свои индивидуальные склонности (Новикова 1970: 70–73). Тем самым замкнутый Макаренко круг влияний и взаимозависимостей окажется разомкнут, а крайний редукционизм его педагогической концепции поколеб-

лен. Но это уже тема для другой статьи.

Литература

Абаринов, Хиллиг 2000 — *Абаринов А., Хиллиг Г.* Opuscula Makarenkiana. 2000. № 22.

Велижев 2019 — *Велижев М. Б.* Цивилизация, или Война миров. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019.

Добренко 2007 — *Добренко Е.* Политэкономика соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Калабалин 1960 — *Калабалин С.* Комсомольцы // Воспоминания о Макаренко / Сост. Н. А. Лялин и Н. А. Морозова; коммент. Н. А. Морозовой. Л., 1960. С. 59–79.

Постановление 1936 — Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» // Правда. 1936. 5 июля.

Макаренко 1935 — *Макаренко А. С.* Педагогическая поэма. М.: Гослитиздат, 1935.

Макаренко 1983 — *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983.

Макаренко 1984 — *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.

Макаренко 1985 — *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения: В 8 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1985.

Макаренко В. С. 1991 — *Макаренко В. С.* Мой брат Антон

Семенович // Советская педагогика. 1991. № 6.

Новикова 1970 – *Куракин А., Левин А. Л., Новикова Л. И.* Коллектив и личность ребенка. М.: Институт повышения квалификации преподавателей педагогических дисциплин университетов и педвузов, 1970.

Ройтенберг 1960 – *Ройтенберг Е. О.* Воспоминания об А. С. Макаренко // Воспоминания о Макаренко: сб. материалов / Сост. Н. А. Лялин и Н. А. Морозова; коммент. Н. А. Морозовой. Л.: Лениздат, 1960. С. 252–260.

Троцкий 1921 – *Троцкий Л.* Внимание к мелочам // Правда. 1921. 1 октября.

Троцкий 1923а — *Троцкий Л.* Борьба за культурность речи // Правда. 1923. 16 мая.

Троцкий 1923б – *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923.

Троцкий 1924 – *Троцкий Л.* Рабкор и его культурная роль // Правда. 1924. 14 августа.

Ушакин 2005 — *Ушакин С.* Поля боя на лоне природы: от какого наследства мы отказывались // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 263–298.

Хиллиг – *Хиллиг Гётц. А. С. Макаренко. Даты жизни и творчества (рукопись)* // Archiv der Forschungsstelle Osteuropa (Bremen). F. 240 (Бейлинсон). Коробка: Макаренко (лекции, копии). Л. 67–69.

Элиас 2001 — *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / Пер.

А. М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Элиас 2002 — *Элиас Н.* Придворное общество / Пер. с нем. под ред. К. Левинсон. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Эткинд 1993 — *Эткинд А.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.

Korte 2017 – *Korte Herman.* On Norbert Elias – Becoming a Human Scientist. Springer, 2017.

Lahire 2013 — *Lahire Bernard.* Elias, Freud and the Human Science // Norbert Elias and Social Theory / Ed. François Dépelteau and Tatiana Savoia Landini. L.; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 75–90.

Nagbol 2013 – *Nabgol Soren.* Elias and Freud on Childhood Socialisation // *Cambio.* 2013. № 5. P. 129–137.

II. Укрощение тела

ОТ ЖЕНСКОЙ ЗАБАВЫ К ЗАНЯТИЮ НАСТОЯЩЕГО ДВОРЯНИНА СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ГЕНДЕРНЫЕ МОДЕЛИ В ПЕРВЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ УЧЕБНИКАХ ТАНЦА XVI ВЕКА

Екатерина Михайлова-Смольнякова

Прямая осанка, утонченная пластика, изысканность в каждом жесте – навыки, которые и в наше время ассоциируются с безупречным воспитанием, с образованием, полученным в самых дорогих университетах. До сих пор занятия танцами остаются одним из самых распространенных и традиционных инструментов развития непринужденной грации у юных дам и кавалеров. Танцы помогают привыкнуть к определенной физической дисциплине. Танцевальные вечера и балы легитимируют общение между юноша-

ми и девушками, а занятия танцами приучают к соблюдению соответствующих правил поведения. Танцы дают повод для налаживания связей в неформальной обстановке. В конце концов, они просто развлекают и помогают придать особую атмосферу любому мероприятию – ведь каждый из гостей, принадлежащих к одному и тому же кругу, прошел аристократическую школу воспитания и знает несколько самых распространенных танцев.

Однако уроки хореографии вошли в учебный график юных дворян лишь к концу XVI века¹⁰⁵. Вплоть до начала эпохи Возрождения не существовало традиции светского социального танца, а когда первые танцмейстеры всерьез взялись за развитие этой дисциплины, им пришлось бороться с серьезными предубеждениями. С одной стороны, их подстерегало унаследованное от Средневековья представление о танце как о греховном развлечении, толкающем к пороку и праздности. С другой – нежелание многих кавалеров впустую тратить время на освоение бессмысленных, с их точки зрения, па, уподобляясь актерам и другим бездельникам, и то лишь для того, чтобы угодить дамам.

¹⁰⁵ Одним из первых включил танцы в образовательную программу своей феррарской школы гуманист, поэт и переводчик Гуарино Гуарини. Впрочем, в первой половине XV века даже такой «прогрессивный» педагог, как Гуарини, рассматривал танец не как искусство, а как разновидность физических упражнений (наряду с игрой в мяч, охотой и верховой ездой): *Neville J. The Eloquent Body. Dance and Humanist Culture in Fifteenth-Century Italy*. Bloomington: Indiana University Press, 2004. P. 20.

Борьба за достойный хореографии статус настоящего искусства заняла почти столетие. Эта борьба разворачивалась не только в дворцовых залах, но и на страницах специальных сочинений. Может показаться, что первые учебники танца, как и любые учебники, создавались, только чтобы представить заинтересованной аудитории для самостоятельного изучения основной теоретический материал, то есть описания движений и хореографических композиций. Однако их авторы решали и другую актуальную для них задачу – демонстрировали читателям свою востребованность, свой профессиональный уровень и знакомство с обстоятельствами светской жизни в самых высокопоставленных домах. Так они могли закрепить и собственный статус, и статус своей дисциплины.

Первые хореографы-теоретики не могли заимствовать ни терминологию, ни способы описания танцев, ни структуру сочинения у предшественников: у них не было предшественников. Устоявшейся модели танцевального учебника также не существовало. Благодаря этому авторы текстов, созданных во второй половине XVI века, были свободны добавлять в свои сочинения самые разные аргументы и комментарии, доказывающие востребованность танцевальных умений и решающую роль танца в жизни каждого аристократа. Эти ремарки, разраставшиеся иногда до целых разделов, позволяют оживить культурный пейзаж раннего Нового времени и проследить первые этапы становления хореографии в качестве нормативной дисциплины светского воспитания.

Первые десятилетия развития светского танца почти не поддаются реконструкции. Судя по упоминаниям в куртуазных романах, в кодифицированном поле рыцарской культуры XIII–XIV веков это занятие противопоставлялось обстоятельствам повседневной жизни. Подходящим контекстом для описания танца были романтические сцены встречи влюбленных, очарованных друг другом и своими чувствами. Другой функцией танца в тексте долгое время оставалась демонстрация воздействия магических сил, повелевавших кавалерам и дамам кружиться в бесконечном хороводе, пока чары не будут разрушены. Если же рыцари и маги в сочинении временно не встречались, танцы украшали досуг юных девиц и прекрасных дам, свободных от забот и тревог опасного мира вооруженных мужчин.

Преобладающей хореографической формой в европейской культуре долгое время оставался круговой или линейный танец, исполняемый смешанной группой из кавалеров и дам на простых бытовых шагах под пение танцующих или простой музыкальный аккомпанемент. Парные танцы редко упоминались и почти никогда не изображались вплоть до XV века. В ранней светской хореографии ценились синхронность движений, гармония пластики и музыкального сопровождения, уместность и соответствие обстоятельствам. Про-

стота и необязательность этой «декоративной» формы досуга не требовали ни особенного к ней отношения, ни специального образования, ни развитой теоретико-методологической базы.

Основные источники информации о ранних танцах относятся к регионам, располагающимся на территории современной Франции. Отсутствие итальянских записей не позволяет судить о том, чем отличались – и отличались ли – итальянские танцы от тех, что упоминаются в «Романе о Розе», «Романе об Александре», «Ланселоте в прозе» и других сочинениях. Начиная же с XV века различия становятся очевидными¹⁰⁶.

Во Франции (точнее, в Бургундии) закрепились традиции бассдансов. Бассдансы продолжали и развивали средневековый принцип «модульных» танцев, состоящих из одних и тех же движений, повторяемых в разной последовательности. Основные па бассдансов были сходны с бытовыми движениями – шагами и поклонами – и не требовали длительной тренировки. Главным инструментом французского танцора была хорошая память: множество бассдансов отличались друг от друга лишь небольшими фрагментами движений и мелодий¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Хронологические границы, отделяющие культурные традиции одного столетия от традиций столетия предыдущего, условны и даются здесь лишь в качестве самого общего указания на тенденции развития светской хореографии.

¹⁰⁷ Специалистам по истории танца до сих пор не ясно, как в начале танца, при первых звуках музыки, несколько пар, участвующих в одном бассдансе, понима-

Итальянская школа также заимствовала элементы более ранней традиции, но в целом она представляла собой абсолютно новый феномен, появление и развитие которого было связано с расцветом гуманизма. «Оплодотворенная» философией и эстетикой Возрождения, танцевальная культура итальянского кватроченто оказалась настолько плодотворна, что в течение нескольких столетий вплоть до первой половины XVII века именно итальянцы задавали тон на европейской хореографической сцене.

Главное отличие новых итальянских танцев состояло в их авторстве. Куртуазные кароли и незатейливые бранли предыдущего столетия имели импровизационный характер, по своему происхождению принадлежали народной культуре и, в отличие от песенного аккомпанемента, который часто восходил к творчеству знаменитых трубадуров, труверов и миннезингеров, оставались анонимными. Конечно, в Италии не разлюбили простые и веселые танцы народного происхождения, которые можно было танцевать всем вместе, импровизируя и придумывая фигуры на ходу. Доля таких танцев в программе придворных праздников оставалась значительной на протяжении всего Возрождения, но все же большинство итальянских балло¹⁰⁸ кватроченто были специ-

ли, что именно они танцуют, если первые части многих бассдансов музыкально друг от друга почти не отличались, а названия десятков однотипных композиций не могут запомнить и соотнести со схемой танца даже современные исполнители.

¹⁰⁸ Балло (*ит.* танец) – один из двух основных типов светских авторских танцев эпохи кватроченто. В отличие от степенных итальянских бассдансов, чем-то

ально сочинены конкретными танцмейстерами. Имена этих сочинителей были известны, их рекомендовали (а иногда и одалживали) друг другу правители многочисленных итальянских земель, а авторы подробных отчетов о приемах и балах нередко упоминали, что тот или иной танец был сочинен тем или иным мастером.

В подражание музыкальным и литературным произведениям авторские хореографические композиции имели определенную структуру и состояли из регламентированного, но гораздо более разнообразного, чем во Франции, набора движений. Разрабатывая теоретическую базу новой «науки танца», первые хореографы-теоретики опирались на хорошо известные со Средневековья постулаты музыкальной науки. Намеренно или нет, они создали настолько замысловатые правила следования аккомпанементу, что освоить эту науку по наитию, практикуясь лишь время от времени, стало невозможно. Итальянские танцы кватроченто требовали регулярных занятий под руководством профессионалов.

Первые сохранившиеся рукописи, посвященные танцам, были созданы в первой половине XV века самими танцмейстерами и адресованы аудитории фактических или будущих

похожих на французские, балло состояли из нескольких частей, различающихся по ритму и темпу исполнения, и включали в себя энергичные прыжковые движения. Ко второй половине XVI века на смену балло в репертуаре придворной хореографии пришли баллетто – еще более сложные танцы, также состоящие из нескольких различающихся по характеру исполнения частей.

учеников¹⁰⁹. Главным мотивом сочинителей было желание поднять статус своего ремесла – а соответственно и свой собственный – до уровня «настоящего» искусства, продемонстрировав, что танец наравне с музыкой и риторикой имеет благородное античное происхождение, подкрепляется развитой в русле гуманизма профессиональной теорией и позволяет усовершенствовать навыки изысканного и уравновешенного поведения, свидетельствующего о благородстве души. Этой цели отвечали первые части большинства рукописей. Вторая часть содержала описания танцев и иногда музыкальную нотацию, что позволяло сохранить в памяти учеников сложные замысловатые композиции, закрепить автор-

¹⁰⁹ Самый ранний из сохранившихся документов – копия сочинения Доменико да Пьяченца, одного из самых знаменитых и уважаемых танцмейстеров кватроченто (Domenico da Piacenza, *De la arte di ballare et danzare*. Paris, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Italien 972). Исследователи датируют этот источник первыми десятилетиями XV века. Принадлежащая перу придворного, гуманиста Антонио Корнацано частично дополненная копия сочинения Доменико, по словам автора, была создана в 1444 году в качестве подарка Ипполите Сфорца; сохранившаяся копия датируется 1455 годом (Cornazano, Antonio. *Comica libro dell'arte del danzare intitolato e oposto par Antonio Cornazano alla illusta madama Hippolyta duchessa di Calabria*. Vatican, Biblioteca Apostolica Vaticana. Carpon. 203). Сочинение последователя и вероятного ученика Доменико Гульельмо Эбрео известно в нескольких копиях, самая ранняя из которых датируется 1463 годом (Guglielmo Ebreo. *De pratica seu arte tripudii*. Paris, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Italien 973). В начале 1470-х годов Гульельмо, принявший в крещении имя Джованни Амброзио, переписал свой трактат и добавил к нему подробную автобиографическую часть (Ambrosio, Giovanni. *De pratica seu arte tripudii*. Paris, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Italien 476).

ские права на тот или иной танец, доказать знакомство сочинителя с творческим наследием коллег и подтвердить его принадлежность к кругу профессионалов.

В представлении первых придворных хореографов танец заслуживал пристального внимания и включения в число обязательных регулярных занятий. Каждый благородный дворянин эпохи Возрождения, в соответствии с заветами античных педагогов, должен был демонстрировать в своем поведении гармоничное развитие умственного и телесного интеллекта и совершенное владение собой. Безупречное исполнение специально сочиненных, сложных и продуманных хореографических композиций позволяло проявить эти достоинства, развить их, если они были недостаточно развиты, или – в крайнем случае – маскировать их отсутствие. Кроме того, танец считался самым уместным (а иногда и единственно допустимым) видом физических упражнений для девочек и взрослых женщин.

И все же в течение всего XV века уважительное отношение к невиданной ранее придворной дисциплине и признание ее достоинств характеризовали скорее устремления хореографов, чем реальные обстоятельства их деятельности. Статус учителя танцев, даже такого именитого, как Гульельмо Эбрео, соответствовал последним строкам инвентарной переписи придворной службы¹¹⁰, а право кавалера избегать

¹¹⁰ В списке домашних работников графа урбинского Федерико да Монтефельтро, состоящем из 203 человек, Гульельмо Эбрео (под именем Джованни Амбро-

столь бессмысленного занятия, как танцы, оставалось предметом для дискуссий и в начале следующего столетия¹¹¹.

Ко второй половине XVI века отношение к танцам постепенно изменилось. Они не только закрепили свою репутацию благородного аристократического досуга, но и вошли в обиход среди зажиточных горожан, и в импровизационно-народной, и в сложной «авторской» форме. Эти процессы были тесно связаны между собой, причем стремление хореографически маркировать культурную границу между сословиями, как и стремление ее нивелировать, способствовало развитию танцевальной науки по обе стороны воображаемого рубежа.

В этот период на смену традиции кватроченто пришли танцы *nuovo stile italiano* (ит. «нового итальянского стиля»). Они сохранили лишь слабый отголосок своих народных источников и окончательно сформировались в виде самостоятельной дисциплины, требующей специального образова-

зие) и его сын перечислены под номерами 183 и 184: *Sparti B. Guglielmo Ebreo of Pesaro. De Pratica Seu Arte Tripudii. On the Practice or Art of Dancing. Oxford: Clarendon Press, 2003. P. 39, ссылка 48.*

¹¹¹ Отголосок этих споров – анекдот, вложенный Кастильоне в уста одного из персонажей первой книги «Придворного», графа Лодовико да Каносса. Рассказывая о некоем сеньоре, который до того презирал танцы, что отказал пригласившей его даме, граф процитировал ответ последней, посовествовавшей суровому вояке ввиду того обстоятельства, что тот не на войне и никакого сражения в ближайшее время не ожидается, «повелеть тщательно себя смазать и вместе со всеми своими военными приспособлениями спрятать в шкаф до тех пор, пока все это не понадобится» (Castiglione 1552: 17).

ния. Помимо танцмейстеров, которые, как и их предшественники, состояли на содержании у того или иного дворянина, в каждом городе работали многочисленные приходящие учителя, а тех, кто не мог или не хотел нанимать частного преподавателя, обучали в городских школах танцев.

Самая ранняя из сохранившихся хореографических публикаций – сборник гальярдных вариаций¹¹² «Ballo della Gagliarda» (ит. «Танец гальярда») Луцио Компассо¹¹³. Компассо руководил собственной школой танца в Риме и имел репутацию высокопрофессионального хореографа¹¹⁴. Книга

¹¹² Гальярда – самый популярный и хорошо известный в Европе итальянский танец второй половины XVI – XVII века. Основное движение гальярды – серия прыжков с ноги на ногу, во время которых вторая нога выносилась вперед или назад. Прыжки совершались на месте, с продвижением или с поворотом в воздухе. Гальярда считалась преимущественно мужским танцем, поскольку позволяла кавалерам продемонстрировать качества, ассоциировавшиеся с маскулинностью. Главная характеристика гальярды – ее импровизационный характер. Выбирая тот или иной вариант усложнения основных движений, танцор показывал силу, ловкость, навык следования музыкальному аккомпанементу и собственную изобретательность. Гальярдные вариации, рекомендованные для исполнения дамам, отличались сравнительной простотой, прыжки во многих из них заменялись на простые шаги. В помощь непрофессиональным исполнителям, стремящимся разнообразить свой репертуар движений, выпускались специальные сборники, представлявшие собой простое перечисление шагов, объединенных в гальярдные вариации разного уровня сложности.

¹¹³ *Compasso Lutio. Ballo della Gagliarda. Fiorenza, 1560.*

¹¹⁴ Перечисляя самых именитых хореографов своего времени, Чезаре Негри писал: «Лютио Компассо Романо высоко ценился в деле исполнения гальярды. Он описал различные гальярдные вариации, имел школу в Риме и [заслужил] грандиозный успех в Неаполе» (Negri 1602: I.3).

Компассо не содержала ни развернутой теоретической части, ни описаний танцев, и представляла собой простое перечисление хореографических связок, однако стоит отметить сам факт публикации этого узкоспециального текста. Сочинение, ориентированное на широкую публику танцоров-любителей, заинтересованных в самостоятельной работе, свидетельствует о формировании соответствующей целевой аудитории уже в середине XVI века.

Именно в этот период начали свою успешную карьеру Фабрицио Карозо и Чезаре Негри, авторы наиболее подробных учебников танца и основных источников информации об итальянской хореографической культуре второй половины XVI – начала XVII века.

2

Фабрицио Карозо да Сермонета родился в 1530-х годах и в течение всей жизни был связан с представителями знатной римской фамилии Каэтани, герцогами Рима и Сермонеты¹¹⁵. Подробности его биографии неизвестны; в своем первом сочинении – учебнике танцев «Il Ballarino» (*ит.* «Тан-

¹¹⁵ В архивах Сермонеты имя Фабрицио не упоминается, но содержится информация о многих других представителях семьи Карозо, среди которых – приор одного из религиозных братств города, адвокат, городской секретарь, каноник. Подробнее см.: *Rapon P. Fabrizio Caroso e il ducato di Sermoneta nel XVI secolo // La danza italiana tra cinque e seicento. Studi per Fabrizio Caroso da Sermoneta / A cura di Piero Gargiulio. Roma: Bardi editore, 1997. P. 5–18.*

дор»)¹¹⁶, опубликованном в Венеции в 1581 году, Карозо упомянул, что вот уже в течение двадцати семи лет посвящает себя искусству танца. Имена персон, которым Карозо посвятил большинство описанных им танцев, свидетельствуют о том, что к числу учеников мастера относились представители самых знаменитых семей Италии. Статус Карозо косвенно подтверждается и упоминанием его имени в сочинениях других авторов. Второй трактат хореографа, «Nobiltà di dame» (ит. «Благородство дам»)¹¹⁷, появился на свет в Венеции почти через двадцать лет после первого, в 1600 году, и представлял собой «измененное и дополненное» сочинение, лишь частично основанное на публикации 1581 года. В 1605 году он был переиздан под тем же названием без изменений¹¹⁸, а в 1630 году, уже после смерти автора, с некоторыми изменениями в порядке следования частей, но с сохранением текста увидел свет в Риме под названием «Raccolta di varij balli fatti in occorrenze di nozze e festini da nobili cavalieri

¹¹⁶ *Caroso Fabritio. Il Ballarino. Venezia: Francesco Ziletti, 1581.* В первой части учебника приведены 54 правила исполнения танцевальных шагов, два замечания о правилах ношения костюма для кавалеров и одна заметка с описанием правил поведения для дам. Вторую часть сочинения составляют 80 описаний танцев с музыкой в лютневой табулатуре.

¹¹⁷ *Caroso Fabritio. Nobiltà di Dame. Venezia: Il Mushio, 1600.* Первая часть сочинения содержит 68 правил исполнения танцевальных шагов и 24 заметки касательно поведения дам и кавалеров во время танца и в обстоятельствах торжественного приема. Вторая часть включает в себя описание 49 танцев с музыкой в лютневой табулатуре.

¹¹⁸ *Caroso Fabritio. Nobiltà di Dame. Venezia: Il Mushio, 1605.*

e dame di diuerse nationi nuouamente ritrouati» (*um.* «Сборник разных вновь обнаруженных танцев, предназначенных к исполнению благородными кавалерами и дамами разных наций на свадьбах и праздниках»)¹¹⁹. Авторские интонации в раннем тексте Карозо почти не слышны. Этот учебник можно назвать сборником хореографических композиций: на восемь десятков сухих описаний танцев приходится всего три рассуждения о правилах поведения и краткое вводное слово от автора. «Благородство дам» содержит меньшее количество описаний, но гораздо больше подробных и развернутых рассуждений мастера о правилах этикета, о достоинствах танца, о принципах идеальной хореографии.

Чезаре Негри родился в Милане в конце 1540-х годов и получил образование под руководством Помпео Диобонно. Своего наставника он характеризовал как одного из лучших в своей профессии, «от природы одаренного прекрасным и пропорциональным телом и настолько совершенного [в танце], что с общего согласия среди мастеров нашего искусства заслуживал бы быть коронованным» (Negri 1602: I.3). Когда Диобонно в 1554 году навсегда покинул Италию ради карьеры при французском дворе, Негри взял на себя руководство школой учителя и в течение следующих пятидесяти лет с успехом занимался исполнением и преподава-

¹¹⁹ *Caroso Fabritio*. Raccolta di varij balli fatti in occorrenze di nozze e festini da nobili cavalieri e dame di diuerse nationi nuouamente ritrouati. Roma: Guglielmo Facciotti, 1630.

нием танцев, постановкой отдельных танцевальных номеров и даже многочасовых танцевальных маскарадов как по заказу покровителей, так и за свой счет. Среди своих учеников Негри перечисляет не только представителей миланского дворянства, но и высокопоставленных гостей города. Хотя сам он нигде не упоминает о путешествиях, не связанных с необходимостью развлекать танцами того или иного покровителя, пока тот находится в дороге, можно предположить, что миланский танцмейстер провел не один год при французском дворе с профессиональными и дипломатическими целями¹²⁰.

Трактат «Le Gratie d'Amore» (*um.* «Благодати любви»)¹²¹ увидел свет в Милане в 1602 году. Как и второй учебник Карозо, труд Негри подводил итог творческой деятельности автора. В 1604 году он был переиздан с измененной структурой и тем же содержанием под названием «Nuove Inventioni di Balli» (*um.* «Новые танцевальные изобретения»)¹²². В ос-

¹²⁰ Подробнее см.: McGinnis K. T. Your Most Humble Subject, Cesare Negri Milanese // *Dance, spectacle, and the body politick, 1250–1750* / Ed. Jennifer Nevile. Bloomington: Indiana University Press, 2008. P. 211–228.

¹²¹ *Negri Cesare. Le Gratie d'Amore. Milano: Pacifico Pontio, Giovanni Battista Piccaglia, 1602.* Негри разделил свое сочинение на три части: первую биографическую, вторую, в которой он перечислил несколько правил поведения, а также множество гальярдных вариаций в порядке усложнения и привел несколько упражнений для развития ловкости и силы танцора, и, наконец, третью, в которой описал правила исполнения 25 шагов и 43 танцев.

¹²² *Negri Cesare. Nuove Inventioni di Balli. Milano: Girolamo Bordonì, 1604.*

новном повторяя структуру текстов Карозо¹²³, сочинение его миланского коллеги отличалось некоторыми нововведениями, которые будут рассмотрены ниже.

К числу названных источников можно добавить еще два, объем и качество которых, впрочем, сильно уступают текстам Карозо и Негри. Автор обоих – Ливио Лупи да Караваджо, о деятельности которого не известно ничего, кроме сведений, упомянутых им самим. Первый из трактатов был опубликован в Палермо в 1600 году под названием «Mutanze di Gagliarda, Tordiglione, Passo e Mezzo, Canari, e Passeggi» (*um.* «Вариации гальярды, тордильона, пассомеццо, канарио, а также пасседжи»)¹²⁴ и содержал краткое введение и вариации, перечисленные в названии. Второе сочинение, «Libro di Gagliarda, Tordiglione, Passo e Mezzo, Canari Canari, e Passeggi. Di nuovo corretti e con l'Aggiunta» (*um.*

¹²³ Негри прямо признается в знакомстве с текстом Карозо, но не упускает случая подчеркнуть свой собственный вклад: «Меня не отвратит от моего замысла тот факт, что многие уже о том [искусстве танца] писали. Среди них – Мессер Фабрицио Карозо да Сермонета, никакая похвала которому не будет достаточна <...>. Верно, что я не могу ничего добавить к описанному им, но мой труд покажет, что с его времен искусство танца было несколько дополнено изобретенными мной прыжками, каприолями, шагами, вариациями и баллетто» (Negri 1602: 2). Построенное сравнение текста первого учебника Карозо и сочинения Негри показывает, что Негри либо списывал технические формулировки у Карозо, либо оба автора пользовались одним и тем же неизвестным на данный момент источником (подробнее см.: Lindahl G. Copying between Negri and Caroso. <http://www.pbm.com/~lindahl/articles/copying.html> (дата обращения 20.06.2019)).

¹²⁴ Lupi Livio. Mutanze di Gagliarda, Tordiglione, Passo e Mezzo, Canari, e Passeggi. Palermo: Francesco Carrara, 1600.

«Книга гальярды, тордильона, пассомеццо, канарио, а также пасседжи. С исправлениями и дополнением») ¹²⁵, появилось на свет в том же городе семью годами позже. Авторское введение к нему гораздо более информативно, а текст дополнен описаниями нескольких самых сложных движений и двух специально сочиненных композиций с музыкальной нотацией к ним.

3

Вводная часть сочинения, адресованная предполагаемой аудитории читателей – традиционный элемент печатного ренессансного текста. В нем авторы поясняли, почему избранная ими тема достойна внимания, какие соображения вынудили их взяться за перо и кому может быть полезно их сочинение. Одинаково красноречиво здесь и следование определенным литературным канонам, и их нарушение. Хотя формирование подобного канона для учебника танцев ко второй половине XVI века и вызывает сомнение, нельзя не заметить изменение авторских интонаций во вступительных текстах к учебникам Карозо, Негри и Лупи.

Некоторые формулировки позволяют предположить, что социальный статус преподавателя танцев вырос даже за те несколько десятилетий, которые разделяли публикации пер-

¹²⁵ *Lupi Livio*. Libro di Gagliarda, Tordiglione, Passo e Mezzo, Canari, e Passeggi. Di nuovo corretti e con l'Aggiunta. Palermo: Giacomo e Francesco Maringo, 1607.

вого учебника Карозо и его второго сочинения. В 1581 году, посвящая учебник вниманию флорентийской герцогини Бьянки Капелло, супруги Франческо I Медичи, Карозо едва выходит за пределы традиционной риторики. Ее основные компоненты были разработаны еще в русле средневековых дискуссий о достоинствах танца. Они же приводились в защиту избранного предмета авторами первых хореографических рукописей кватроченто. Римский танцмейстер упоминает, что «это виртуозное занятие <...> подходит благородным персонам знатного происхождения, поддерживая в них здоровье и помогая сохранять крепость тела» (Caroso 1581, *Alla Serenissima signora...*), ссылается на «танцы, которые исполнялись в древности во славу Марса» вместе с «плясками Дианы с ее Нимфами, а иногда и с Грациями» (Caroso 1581, там же) и заключает, что танец, объединяя достоинства музыки и поэзии, способствует развитию «грации, красоты движений и благопристойного поведения перед лицом взирающих» (Caroso 1581, *Ai lettori*). Это не личная позиция мастера – Карозо высказывается от лица профессии. Профессия защищает его амбиции, профессия оправдывает его революционное начинание и служит оправданием для публикации текста, подробно излагающего технические нюансы новой светской дисциплины.

Nobiltà di Dame
DEL S.^R FABRITIO CAROSO
DA SERMONETA,
Libro, altra volta, chiamato
IL BALLARINO.

*Nuouamente dal proprio Autore corretto,
ampliato di nuou Balli, di belle Regole,
& alla perfetta T^{he}orica ridotto:*

Con le Creanze necessarie à Cavalieri, e Dame.

*Aggiontesi il Basso, & il Soprano della Musica:
& con l'Intanulatura del Linto à ciascuno Ballo.*

Ornato di vaghe & bellissime Figure in Rame.

ALLI SER.^{MI} SIG.^{RI}
DVCA, ET DVCHessa
di Parma, e di Piacenza, &c.

Con licenza de' Superiori, & Privilegi.

In VENETIA, Presso il Mufchio, M DC.
Ad instantia dell' Autore.

Ил. 1. Титульный лист учебника танцев Фабрицио Карозо «Nobiltà di dame». 1600

Как автор «Nobiltà di Dame» Карозо выступает в новом качестве – в роли уважаемого, известного и авторитетного преподавателя танцев. Он – автор собственной хореографической теории, вхожий в лучшие дома Рима. Он посвящает самый сложный и изысканный танец из всех описанных, как и всю книгу целиком, герцогу и герцогине Пармы и Пьяченцы. Введение к сочинению, в основной части копирующее более ранний текст, завершается рассуждением опытного и уверенного в себе мастера:

Ныне, занимаясь этой профессией в течение уже пятидесяти лет и полагая, что любому, желающему освоить [это искусство] это будет угодно, я опишу истинные правила танцевания, и предложу разные танцы <...> и так уподоблюсь медведице, которая, породив кусок плоти <...> вылизывая его языком и высушивая своей шерстью, превращает то, что было несовершенно и уродливо, в совершенное [создание]. Так я повторяю ее <...> исправляя первый труд, который я представил свету много лет назад, в соответствии с правилами симметрии и совершенной теории (Caroso 1600: 2).

Карозо действительно изменил хореографию многих танцев, которые описывал в своем первом сочинении. В 1581 году, документируя не только свои, но и чужие танцы, мастер

скрупулезно указывал имена авторов, если знал их, или подписывал танцы «Balletto d'Incerto» (*um.* «Баллетто неизвестного автора»), если не знал. Все перенесенные им в учебник 1600 года «анонимные» баллетто отредактированы в соответствии с принципами его собственной теории и подписаны именем самого Карозо.

Изменилось и оформление книг. Титульный лист «Il Ballarino» содержал подробное название сочинения, посвящение, выходные данные и замысловатую эмблему издателя. Портрет автора в возрасте 46 лет открывал основную часть трактата и располагался уже после всех вводных текстов, двух сонетов в честь Бьянки Капелло и пяти сонетов в честь Карозо¹²⁶. Титульный лист «Nobiltà di Dame» устроен иначе, это настоящий монумент достоинствам автора, хотя и выполненный в несколько наивном стиле (ил. 1). Обрамление заголовка имеет вид архитектурного портала, украшенного изображениями четырех музыкантов. Портрет автора в возрасте 74 лет, помещенный в изысканную раму, располагается по центру листа внизу, слева от него, в соответствии с рассуждениями автора, эмблема с изображением медведицы, вылизывающей бесформенный «кусочек плоти», и девизом «Dall' imperfetto all' perfetto» (*um.* «От несовершенного к совершенному»), справа – песочные часы и циркуль с де-

¹²⁶ Стоит, впрочем, заметить, что портрет Карозо, как и все гравюры, иллюстрирующие учебник, был выполнен знаменитым венецианским художником и гравером Джакомо Франко и украшен гербом – вероятно, личным гербом танцмейстера.

визом «Tempo e misura» (*ит.* «Время и мера»). Украшает это грандиозное сооружение щит с изображением сложного герба герцогов Пармы и Пьяченцы, а два трубящих ангела с девизом «Fama volat» (*лат.* «Слава летит») венчают герб короной. Даже Чезаре Негри, не скупившийся на похвалы самому себе, не удостоился такого внимания. Его портрет в возрасте 66 лет, украшенный девизами «Fama» (*лат., ит.* «Слава»), «Diligentia» (*лат.* «Прилежание»), «Honor» (*лат., ит.* «Честь») и «Virtu» (*ит.* «Добродетель»), располагается лишь на второй странице сочинения, после титула (ил. 2).

Ил. 2. Портрет автора из учебника танцев Чезаре Негри
«*Le Gratie d'Amore*». 1602

Представляя свой учебник вниманию благородной публики, Негри пишет: «Многие часы потратив на размышления о том, сколь мимолетно наше земное бытие, я решил последовать путем тех, кто <...> внушил сам себе действовать таким образом, чтобы слава об их достижениях не погибла вместе со смертным телом, так что они, хоть и мертвые, будут жить в памяти людской» (Negri 1602: 2). Этой цели отвечает вся первая часть трактата: перечень самых известных хореографов, список мероприятий, в которых участвовал Негри, и перечисление знаменитых событий, давших повод к выступлениям, а также – отдельно – список лучших танцоров из числа миланских кавалеров и дам, включая представителей самых знатных фамилий. Этот список на пятнадцати страницах, структурированный в порядке правления испанских губернаторов города, охватывает период с конца 1550-х до 1590-х годов.

Миланский хореограф не сомневался в статусе своей профессии и не ставил себе целью его защиту. Он адресовал свое сочинение ученикам, последователям и просто заинтересованным читателям: «Этот мой труд будет полезен всем, кто искушен в изучении разных предметов, даже если они не стремятся познать нашу профессию» (Там же). «*Le Gratie d'Amore*» – первая профессиональная автобиография танц-

мейстера.

Ливио Лупи вовсе не касался традиционной апологии танца, но зато заявил, что своим сочинением отвечает на просьбы благородных жителей Палермо иметь письменное подкрепление своим занятиям. Судя по формулировкам, он не сомневался в том, что его сочинение будет востребовано и принесет практическую пользу:

По запросу некоторых моих учеников прошлых лет, движимых страстью овладеть благородным искусством танца, я был вынужден опубликовать некоторые движения гальярды для их удобства, а также для того, чтобы они могли тренироваться самостоятельно. В этом счастливейшем городе Палермо, где в настоящий момент я нахожусь, вышло в свет несколько книг. Многие из них были очень любопытны, но не все [читатели] смогли освоить науку танца. Поэтому я решил воспользоваться возможностью повторно опубликовать практические советы, добавив в новую редакцию триста движений и шагов, сделав описания подробными и понятными даже начинающему танцору. Надеюсь, что все мои усилия были потрачены не впустую, и желающие научиться танцевать смогут с удовольствием прочесть эту книгу (Lupi 1607: 7).

Даже если мастер несколько преувеличил востребованность своих сочинений, готовность во всеуслышание заявить о ней подтверждает уверенность Лупи в своем положении. Социальные границы аудитории, для которой работали

танцмейстеры, определить непросто. Среди перечисленных Негри лучших танцоров Милана – кавалеры и дамы семей Висконти, Борджиа, Сфорца, Гонзага, Мендоза, Колонна. Почти каждый из танцев, описанный в рассматриваемых нами сочинениях, был посвящен авторами той или иной знатной даме. В соответствии с традициями того времени личное знакомство сочинителя с упоминаемыми в посвящениях персонами не подразумевалось, хотя во многих случаях его можно предположить. Среди них – Орсини, Медичи, д’Эстэ. Однако в тех же списках и посвящениях упоминаются малоизвестные и вовсе не известные фамилии (список танцоров у Негри завершается перечислением умелых в танцах «достойных горожанок» (Negri 1602: I.30)). Статус выбранной для посвящения фигуры чаще всего никак не коррелирует с качеством хореографического текста, и их сочетание выглядит более или менее случайным. Можно предположить, что в эпоху позднего чинквиченто вкусы первых семей Италии и репертуар обычных для них танцев не сильно отличались от хореографических привычек мелкого дворянства. В таком случае подтверждением разницы в социальном положении действительно оставались бы только качество исполнения и сложность известных танцору вариаций, что вполне совпадает с идеологией светского танца в том виде, в котором она была сформулирована в XV веке.

В описаниях танцев также отсутствуют упоминания о какой-либо социальной стратификации. Среди рассуждений

Карозо о правилах поведения на публичных торжествах присутствуют замечания о том, «в какой манере даме следует приветствовать принцессу и прочих дам на балу» (Caroso 1600: 76), «что следует делать, посещая свадьбу, и как себя вести во время визита к невесте» (Ibid.: 80), каким должно быть «поведение невесты, которая удостоилась визита принцессы на свою свадьбу» (Ibid.: 81) и что делать, если «принцесса желает удалиться до того, как праздник закончился» (Ibid.). Во всех перечисленных случаях социальные ритуалы подразумевали разное отношение присутствующих друг к другу в зависимости от их положения и роли.

В то же время, излагая свою точку зрения на то, как следует приглашать даму, как достойно отвечать на приглашение кавалера и как вести себя во время танца, ни один из авторов не упоминает, что приглашение определяется социальным статусом танцоров, влияющим на их поведение по отношению друг к другу. Если выбор партнера и регламентировался действием каких-то дополнительных факторов, они лежали за пределом профессиональных интересов танцмейстеров. Последнее, впрочем, маловероятно: преподаватели танца одновременно обучали подопечных светским манерам и этикету и были хорошо осведомлены в столь значимых областях. Наставники лишь призывали своих учеников не оказывать явного предпочтения самым красивым дамам, унижая тем всех остальных¹²⁷. Остается предположить, что условия тан-

¹²⁷ Дамам же в отсутствие приглашений надлежало «избегать вида унылого

цевального вечера располагали к неформальным отношениям. О том же говорит и обращенная к читателю просьба Карозо не уподобляться тем, кто следует «распространенному ныне обыкновению, состоящему в том, что прибывший на праздник первым занимает свое место, а другой помещает свой стул <...> прямо перед ним <...> и так один за другим поступают все, невзирая на то, размещаются ли они перед кардиналами, синьорами или посланниками <...> и все это не иначе как ради того, чтобы получить приглашение на танец от дам» (Ibid.: 71).

Отдельного упоминания заслуживают немногочисленные описания танцев в исполнении детей. Так, Негри пишет, что одна из его учениц, девятилетняя дочь синьора Ринальдо Теттоне, по желанию герцога Мантуанского, посещавшего Милан в июле 1592 года, танцевала вместе с ним в течение часа «гальярду, паванилью, канарио и другие танцы перед его Светлейшим Высочеством в покоях графа Пьеро Висконти» (Negri 1602: I.12). Наряду со свидетельствами из других источников этот пример показывает, что в соответствии с традициями предыдущего столетия к урокам танцев приступали в раннем возрасте, и «детский» репертуар ничем не отличался от «взрослого». При этом до достижения определенного возраста наследники знатных фамилий выступа-

и меланхоличного, скрывая свои чувства, стараясь выглядеть настолько веселыми, насколько это возможно, и беседовать с доннами, сидящими по соседству» (Caroso 1600: 85).

ли преимущественно в узком семейном кругу или в присутствии избранных гостей. Мальчики обычно отличались в сольных партиях, а девочкам в парных танцах ассистировали их учителя.

4

Специалисты по истории ранних танцев прослеживают влияние испанской и французской хореографической культуры уже в некоторых композициях из рукописей кватро-ченто. Однако сами авторы записей это влияние не подчеркивали и никак не комментировали. Впрочем, и оригинальные черты итальянской хореографии не были предметом рефлексии. Сосредоточенность первых хореографов на качествах танца *per se* полностью заслоняла для них вопросы отражения национального характера.

В 1581 году Карозо также не уделяет этой теме никакого внимания. Это можно объяснить и сухим формальным характером изложения, и все еще недостаточным уровнем развития хореографической теории. При этом включение в число описываемых композиций таких танцев, как *Gagliarda di Spagna* или *Spagnoletta*, свидетельствует о том, что влияние соседей можно было по крайней мере отметить.

Негри – первый танцмейстер, который, пусть и между делом, но все же явно выделил итальянскую хореографическую традицию. Описывая поклон, он заметил: «Этот реве-

ранс многие танцоры исполняют на свой лад, однако, чтобы не быть слишком многословным, скажу лишь, что этот [описанный мной] способ используется чаще всего и признан в Италии более других» (Negri 1602: III.104).

Издания рубежа XVI и XVII веков содержат описания движений, названия которых адресуют читателя к испанской и французской манере: *spezzato alterato alla Francese, doppio grave alla Spagnola* и *doppio grave alla Francese* у Карозо, *Riverenza alla Francese* у Лупи. Факт действительного заимствования этих па доказать невозможно, но они все же отсылали к теме национальных контрастов по крайней мере тех исполнителей, которые были знакомы с терминологией. Это свидетельствует о новом уровне самоопределения итальянской хореографии.

Описывая в 1600 году одно из самых важных движений танца, глубокий поклон, Карозо писал: «Не исполняй данный реверанс, развернувшись лицом к зрителям и приветствуя их или любую другую персону вне танца, как это было принято ранее, поскольку таким образом ты выразишь неуважение даме, с которой ты танцуешь, и к тому же это еврейское обыкновение» (Caroso 1600: 14). Карозо первым четко артикулировал противопоставление рекомендуемого поведения танцевальным привычкам итальянских евреев. Это тем более важно, что в XV веке многие преподаватели танца в Италии как раз евреями и были¹²⁸. Можно предполо-

¹²⁸ Подробнее см.: *Sparti B. Jewish dancing-masters and «Jewish dance» in*

жить, что именно еврейская диаспора стояла у истоков развития этой профессии в тот период, когда танец стремился стряхнуть с себя оковы дурной «ремесленной» репутации. Даже во времена самого Карозо многие евреи продолжали семейное дело, успешно конкурируя с коллегами-христианами¹²⁹.

5

В соответствии со сложившейся традицией хореографические публикации XVI века были адресованы преимущественно читателю-мужчине, хотя Карозо и Негри прикладывали усилия к тому, чтобы одинаково доступно и исчерпывающе описать и мужские и женские партии¹³⁰.

Сравнительный анализ партий кавалера и дамы в танцах

Renaissance Italy (Guglielmo Ebreo and beyond) // The most ancient of minorities: the Jews of Italy / Ed. Stanislao G. Pugliese. London: Greenwood Press, 2002. P. 77–99.

¹²⁹ Например, еврей Леоне (Леви) Толоса много лет работал при дворе феррарских д'Эстэ и как хореограф участвовал в постановке знаменитых «баллетто герцогини» Маргериты д'Эстэ. Сын Леоне, Мойша, унаследовал должность отца при дворе Чезаре д'Эстэ в 1598 году. Танцмейстер Даниель Леви, который в 1565 году испрашивал разрешения императора Фердинанда II на переезд из Феррары в Инсбрук в поисках работы, почти наверняка приходился Леоне братом (*Bosi K. Leone Tolosa and «Martel d'Amore: a balletto della duchessa» discovered // Recercare. 2005. Vol. 17. P. 37).*

¹³⁰ В этом они отличались от представителей школы кватроченто. Хотя на практике основной аудиторией танцмейстеров XV века были женщины, в описаниях парных танцев авторы рукописей фокусировались на партии кавалера и нередко упоминали движения дамы лишь бегло и поверхностно.

чинквиченто показывает, что ведущая роль в танце отводилась кавалеру. Все авторы сочиняли для мужчин в рамках одного и того же баллетто более сложные, изысканные и замысловатые вариации, чем для женщин. Даже в тех случаях, когда даме предлагалось повторить соло кавалера, хореографы не упускали возможности заметить, что, если донна не хочет или не знает тех движений, которые были описаны для ее партнера, она может заменить их на определенную последовательность простых и медленных шагов. Кавалерам подобная возможность не предоставлялась.

Наиболее ярко гендерный дисбаланс в отношении танцмейстеров к исполнительским компетенциям подопечных проявлялся в описании гальярдных вариаций. В своем первом учебнике на десять гальярдных вариаций, подходящих для кавалеров, Карозо приводит лишь одну последовательность для дам. Негри посвящает гальярде всю вторую часть своего трактата, и почти профессиональная сложность большинства из описанных им связок, подразумевающих туры и антраша в воздухе, даже не требует уточнения, кому именно адресован этот материал. Контраст между величественной статикой дамы и демонстративными па кавалера – характерная особенность танцевальных сцен в изобразительном искусстве конца XVI века (ил. 3).

*Ил. 3. Музыка и танец (фрагмент). Питер ван дер Борхт.
Ок. 1545–1608*

Однако было бы неверно утверждать, что сольные партии исполнителей подчеркивали гендерный контраст абсолютно во всех танцах нового итальянского стиля. В тех из них, которые не подразумевали активных движений и высоких прыжков (канарио, паванилья, пассомеццо), как и в некоторых авторских баллетто, лишь специалист смог бы уловить разницу между мужскими и женскими вариациями. Эти различия вводились танцмейстерами скорее для удовлетворения требованиям разнообразия, чем для того, чтобы подчеркнуть доминирующую роль одного из танцоров.

Немалую роль в формировании пассивного хореографического амплуа итальянских дам играл их сложный и богатый костюм. Стиснутые корсетом и вынужденные из-за тяжелых юбок со шлейфом осваивать сложные приемы манев-

рирования даже при ходьбе, итальянки не могли рассчитывать на ту свободу движений, которой располагали их кавалеры. Хуже того, в отличие от мужчин, которые могли себе позволить подходящие для танцев удобные мягкие туфли, дамы и на балах, и в придворных спектаклях продолжали носить высокие пьянелле – обитые кожей или тканью сандалии из пробки или дерева.

Ил. 4. Невеста и преподаватель танцев. Гравюра из книги Джакомо Франко *«Habiti delle Donne Venetiane»*. Ок. 1591–1610

Одна из гравюр того же Джакомо Франко, который оформлял учебник Карозо, изображает венецианскую невесту в сопровождении ее преподавателя танцев (ил. 4). Необычная разница в их росте объясняется тем, что в любой из дней, относящихся к сложному свадебному церемониалу, девушка появлялась на публике только в полном парадном костюме. Для венецианки это неизбежно подразумевало ношение выдающихся пьянелле, самых высоких во всей Италии. Неудивительно, что, выходя к гостям и демонстрируя им свое искусство танца, бедная невеста не могла обойтись без помощи танцмейстера, который не столько аккомпанировал ученице, сколько помогал ей сохранить равновесие.

Карозо специально описывает технику шага, которую должны были использовать дамы, чтобы из-за пьянелле не издавать громких звуков при движении:

Итак, для того чтобы ходить правильно и правильно носить пьянелле <...> следует поднять носок той ноги, которая шагает первой. После чего, поднимая ногу, [даме] следует выпрямить колено этой ноги, вытягивая ее и сохраняя грацию и вертикальное положение тела. Кроме того что это не позволит одной из пьянелле упасть с ноги, поступая таким образом, [дама] избежит шарканья и не произведет иного неприятного шума.

Затем она должна опустить ногу и другой ногой повторить те же движения. <...> Шагая подобным образом, дама в пьянелле высотой более чем в полторы ладони произведет такое впечатление, как будто ее туфли не выше трех пальцев, и сможет во время танца исполнять фьоретти и вариации гальярды (Caroso 1600: 75–76).

Заметим, что, по мнению безжалостного мастера, пьянелле высотой «более чем полторы ширины ладони» сами по себе исполнению гальярды ничуть не препятствовали. Негри, в свою очередь, не упускал случая заметить, что дамам негоже греметь своими туфлями во время танца и они должны уделять этому особенное внимание. Учитывая, что большинство танцевальных движений чинквиченто подразумевало небольшие прыжки или движение с полупальцев на полную стопу, остается только удивляться тому мастерству, которого итальянки все-таки достигали невзирая на все сложности.

Даже вынужденно ограничивая дам доступным им репертуаром движений, танцмейстеры отдавали дань их мастерству. Как уже упоминалось выше, именно дамам были посвящены почти все авторские композиции. В списке лучших танцоров Милана, перечисляя отдельно кавалеров и дам, Негри привел приблизительно одинаковое количество имен в каждой из категорий. Некоторые исполнительницы простого происхождения, не стесненные тяжелым платьем и требованиями этикета, осваивали и сложные акробатические па.

В честь одной из них, Дзиральды из Падуи, восхищенный поклонник сочинил целый трактат¹³¹.

6

Усилия первых хореографов не пропали даром: уже ко второй половине XVI века никому из их последователей не приходилось оправдываться в том, что темой для их сочинения выбран предмет, имеющий неоднозначную репутацию и сомнительную эстетическую ценность. Распространению моды на танцы могла послужить и характерная для итальянского Возрождения любовь к театрализованным праздникам и красочным интермедиям, украшающим придворные приемы. Танцевальные «выходы» в исполнении младших членов дворянских семей часто становились яркими эпизодами и без того пышных торжеств, а танец все больше сближался с другими видами аристократических забав.

В течение описанного периода техника танца и структура хореографических композиций постоянно усложнялись. Взаимодействие между партнерами в танце и сами движения не выходили за рамки приличий и не нарушали строгий придворный этикет. Благодаря этому танец получил негласную индульгенцию, освобождающую его от обвинений в пособничестве пустому либо греховному времяпрепровождению.

¹³¹ *Morello Giacomo*. Le lalde e le sbampauorie della unica e virtuliosa Ziralda ballerina e salarina scaltrietta Pavana. Venezia: Alessi, 1553.

К началу XVI века танец уже имел официальный «пропуск» ко всем итальянским дворам, по крайней мере в тех случаях, когда наделенные правом решающего голоса члены правящей фамилии не имели против него личных предубеждений. Как составная часть сложной системы отношений и ритуалов, определяющих взаимодействие представителей высшего общества Италии, танец оказался пронизан и окружен сложной сетью этикетных включений, сближающих его с другими видами нормативного поведения.

При этом освоение хореографических премудростей требовало времени и сил. Демонстрируя совершенные навыки танца, исполнитель тем самым подчеркивал уровень своего физического и интеллектуального развития – качества, которые помогали ему запоминать и правильно воспроизводить самые сложные композиции. Так танец наряду с костюмом стал одним из невербальных инструментов конструирования образа «достойного дворянина».

Первые подробные учебники танцев конца XVI – начала XVII века остаются сложными и неоднозначными источниками. Немногочисленность сочинений, большой географический разброс мест их публикации и взаимное влияние авторов друг на друга не позволяют переходить к глобальным обобщениям, опираясь лишь на этот материал.

Рассуждая о тенденциях, отмечающих изменения в содержании, нельзя не принимать во внимание и влияние личности авторов: различия в их образовании, социальном поло-

жении и профессиональном статусе. Фабрицио Карозо получил основательное гуманистическое воспитание и мог похвастаться успешной карьерой преподавателя самых знатных семей. Личные качества, развитые в общении с благородными учениками, позволили Карозо перейти от простой передачи полученных им самим навыков к развитию самостоятельной точки зрения на хореографическую эстетику. Чезаре Негри был профессиональным танцором и постановщиком. Наверняка превосходя своего римского коллегу по уровню исполнительского мастерства, обучая гораздо более сложным вариациям и разработав ряд уникальных упражнений для развития силы, ловкости и чувства равновесия у своих учеников, Негри уделял гораздо меньшее внимание отвлеченным рассуждениям о качествах танца. Его сочинение содержит многочисленные заимствования и пестрит мелкими оговорками и ошибками. О Ливио Лупи известно немного, но качество двух его авторских композиций говорит о том, что в отличие от Карозо и Негри его следовало бы отнести к числу хореографов второго ряда.

И все же, подкрепляя эти источники дополнительными материалами, можно с уверенностью утверждать, что они описывают относительно гомогенную, устойчивую и распространенную на большей части территории современной Италии хореографическую традицию в том виде, в котором она развивалась в течение нескольких десятилетий. Внимательный анализ документов, относящихся к рубежу XVI

и XVII веков, не только раскрывает тайны мастерства первых танцоров-любителей, но и позволяет прояснить природу тех таинственных сил, под действием которых непобедимые рыцари Средневековья сменили доспехи на танцевальные туфли и в изящном па перенесли на барочную придворную сцену.

Литература

Ambrosio Giovanni. De pratica seu arte tripudii. Paris, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Italien 476.

Bosi K. Leone Tolosa and «Martel d'Amore: a balletto della duchessa» discovered // *Recercare*. 2005. Vol. 17. P. 5–70.

Caroso Fabritio. Il Ballarino. Venezia: Francesco Ziletti, 1581.

Caroso Fabritio. Nobiltà di Dame. Venezia: Il Mushio, 1600.

Caroso Fabritio. Nobiltà di Dame. Venezia: Il Mushio, 1605.

Caroso Fabritio. Raccolta di varij balli fatti in occorrenze di nozze e festini da nobili cavalieri e dame di diuerse nationi nuouamente ritrouati. Roma: Guglielmo Facciotti, 1630.

Castiglione Baldassare. Il Cortegiano. Vinegia, 1552.

Compasso Lutio. Ballo della Gagliarda. Fiorenza, 1560.

Cornazano Antonio. Comica libro dell'arte del danzare intitulado e oposto par Antonio Cornazano alla illusta madama Hippolyta duchessa di Calabria. Vatican, Biblioteca Apostolica

Vaticana. Cappon. 203.

Domenico da Piacenza, *De la arte di ballare et danzare*. Paris, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Italien 972.

Guglielmo Ebreo. *De pratica seu arte tripudii*. Paris, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Italien 973.

Lindahl G. Copying between Negri and Caroso. <http://www.pbm.com/~lindahl/articles/copying.html> (дата обращения 20.06.2019).

Lupi Livio. *Libro di Gagliarda, Tordiglione, Passo e Mezzo, Canari Canari, e Passeggi. Di nuovo corretti e con l'Aggiunta*. Palermo: Giacomo e Francesco Maringo, 1607.

Lupi Livio. *Mutanze di Gagliarda, Tordiglione, Passo e Mezzo, Canari, e Passeggi*. Palermo: Francesco Carrara, 1600.

McGinnis K. T. *Your Most Humble Subject, Cesare Negri Milanese // Dance, spectacle, and the body politick, 1250–1750* / Ed. Jennifer Nevile. Bloomington: Indiana University Press, 2008. P. 211–228.

Morello Giacomo. *Le lalde e le sbampuorie della unica e virtuliosa Ziralda ballerina e salarina scaltrietta Pavana*. Venezia: Alessi, 1553.

Negri Cesare. *Le Gratie d'Amore*. Milano: Pacifico Pontio, Giovanni Battista Piccaglia, 1602.

Negri Cesare. *Nuove Inventioni di Balli*. Milano: Girolamo Bordini, 1604.

Nevile J. The Eloquent Body. Dance and Humanist Culture in Fifteenth-Century Italy. Bloomington: Indiana University Press, 2004.

Rapon P. Fabrizio Caroso e il ducato di Sermoneta nel XVI secolo // La danza italiana tra cinque e seicento. Studi per Fabrizio Caroso da Sermoneta / A cura di Piero Gargiulio. Roma: Bardi editore, 1997. P. 5–18.

Sparti B. Jewish dancing-masters and «Jewish dance» in Renaissance Italy (Guglielmo Ebreo and beyond) // The most ancient of minorities: the Jews of Italy / Ed. Stanislaw G. Pugliese. London: Greenwood Press, 2002. P. 77–99.

Sparti Barbara, Guglielmo Ebreo of Pesaro. De Pratica Seu Arte Tripudii. On the Practice or Art of Dancing. Oxford: Clarendon Press, 2003. 288 p.

ФРАНЦУЗСКИЕ АНА XVII–XIX ВЕКОВ КАК (ПСЕВДО)ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: СЛУЧАЙ *PETERIANA*

Андрей Голубков

Истоки жанра *ана* восходят к поздней гуманистической культуре; первые тексты такого типа были созданы в конце XVI века. Среди лейденских учеников филолога Жозефа Жюста Скалигера были выходцы из Женевы братья Жан и Николя де Вассан, которые в течение 1594–1605 годов встречались со своим учителем практически ежедневно, не только слушая научные размышления последнего, но и разделяя с ним часы трапезы и отдыха. Жан сразу после разговора записывал в тетради то, что услышал от Скалигера, – рассуждения о научных теориях, об ученых, различные шутки, множество занятных историй и анекдотов. Позднее рукопись братьев де Вассан, перебравшихся во Францию, попала к королевским историографам братьям Дююи, где получила название *Scaligerana* и стала одним из самых почитаемых манускриптов, который давал возможность познакомиться с суждениями Скалигера, не вошедшими в его изданные сочинения, а также узнать ученого как человека

с его слабостями и привычками. Текст братьев де Вассан хранился в библиотеке Дюпюи, проекты публикации стали появляться около 1660-х годов. Исаак Воссюс опубликовал в 1666 году списанную с версии Дайле копию в Гааге под названием *Scaligeriana* (sic!); в дальнейшем последовали исправленные издания.

После публикации *Scaligeriana* получила быстрый и значительный успех, многие последующие *ana* ссылаются на нее как на идеальный образец. Формат *ana*¹³² как фиксации сокровенного знания, идущего из личного разговора с великим человеком, будет воплощен в большинстве текстов этого рода, появившихся до конца XVII века – *Thuana*, *Perroniana*, *Menagiana*, *Valesiana* и др. Все они посвящены частным беседам и предлагают проникнуться живым словом великого человека: разговор представлен как своего рода путь к истинному, «тайному» для большинства, знанию; при этом тексты носят ученый характер, содержат прояснения этимологий и «темных мест», рассуждения о сложнейших вопросах Священного Писания и античных источников. Например, *Valesiana*, которая фиксирует реплики Адриана Валуа¹³³, предстает для читателя настоящим источником аргументов, которые можно затем использовать для умелого мяг-

¹³² Ранним французским *ana* посвящено капитальное исследование Ф. Вильд: *Wild F. Naissance du genre des ana: 1574–1712*. Paris, 2001.

¹³³ Адриан Валуа (1607–1692), королевский историограф, получил наибольшую известность исследованиями, касающимися галльского периода французской истории.

кого доминирования в разговорах. Научное знание оказывается способом создания светской репутации, демонстрации приобщенности к тайне, скрытой для большинства ничем не подтвержденными ошибочными представлениями:

Наше французское слово *Viandes* происходит от латинского *Viventia*, которое имело то же значение...¹³⁴

За исключением малого количества мест в Новом Завете, мы обладаем только побасенками по поводу жизни святой Марии Магдалины. Ее жизнь после Воскрешения нашего Господа, место ее кончины, так же как и место смерти Лазаря и Марты, нам неизвестны...¹³⁵

Жизнеописание Мученицы Девы Святой Екатерины полностью выдуманно от начала до конца. В то же время мученица с таким именем существовала, но, вне всяких сомнений, нам неизвестно, ни в какое время она жила, ни в какой стране¹³⁶.

Тацит замечает, что супруга Нерона Пoppея скрывала часть своего лица для того, как он говорит, чтобы заставить всех больше воображать ее красоту: *Velata oris parte, ne satiareet aspectum*¹³⁷.

Возникнув изначально в гуманистических кругах как почтительное «подношение» усопшему ученому, в XVIII сто-

¹³⁴ Valesiana. Paris, 1693. P. 7.

¹³⁵ Valesiana. Paris, 1693. P. 45.

¹³⁶ Valesiana. Paris, 1693. P. 48.

¹³⁷ Valesiana. Paris, 1693. P. 98.

лети *ana* под влиянием светско-галантной традиции претерпевают серьезные изменения, чаще всего они эволюционируют к сборнику острот и анекдотов (частных курьезов), которыми завсегдатаи салонов могли блеснуть при удобном случае. Изменение прагматической направленности жанра повлекло за собой глубинные преобразования на уровне стиля и содержания: *ana* последовательно лишались серьезного содержания и сближались по своему устройству с современным сборником анекдотов. Значительный объем схожих по своему устройству памятников позволяет предположить, что *ana* действительно пользовались значительной популярностью в описываемый период и стали удачно найденным «издательским жанром», оказываясь чаще всего компиляциями, а то и откровенным плагиатом.

В течение XVIII–XIX веков было издано несколько десятков *ana*¹³⁸, посвященных видным историческим персонажам (Бурбонам вообще, а также Людовику XVI и Генриху IV, отдельно г-же де Ментенон, Фридриху Прусскому, российскому императору Александру I, Б. Франклину)¹³⁹, писа-

¹³⁸ См. библиографию: Aude A. F. Bibliographie critique et raisonnée des *ana*. Paris, 1910.

¹³⁹ Например: *Maintenoniana ou choix d'anecdotes intéressantes, de portraits, de pensées ingénieuses, de bons mots, de maximes morales, politiques, etc., tirés des lettres de Mme de Maintenon, avec de notes historiques, critiques etc.* Ouvrage de Bosselman de Bellémont. 2 vol. Amsterdam, 1773; *Frankliniana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, réflexions, maximes et observations de Benjamin Franklin*. Paris, s. d.; *Fredericana, recueil d'anecdotes, bons mots de Frédéric II, roi de Prusse*. Paris: Delarue, s. d.; *Fredericana, ou recueil d'anecdotes, bons mots et traits*

телям и литераторам, в том числе энциклопедистам (маркизе де Севинье, П. Скаррону, Ж. де Лафонтену, г-же де Сталь и др.)¹⁴⁰, этническим группам (англичанам, парижанам,

piquants de Frédéric II, roi de Prusse. Paris: Lemarchand, an IX; Henriana ou recueil d'anecdotes les plus intéressantes, traits sublimes, réparties ingénieuses et bons mots d'Henri IV. Paris: Roux, an IX; Ludoviciana, ou recueil d'anecdotes, traits historiques et réponses de Louis XVI. Paris: Pillot, 1801; Bourbonniana, ou recueil d'anecdotes et de traits sublimes des principaux membres de l'illustres familles des Bourbons, depuis Saint Louis, roi de France. Lille: Blocquel, 1814; Napoléoniana, ou recueil d'anecdotes, saillies, bons mots, réparties etc., pour servir à l'histoire de la vie de Bonaparte. Paris: Moronval, 1814; Bonapartiana. Napoléon Bonaparte, sa vie civile et militaire réduite aux seuls faits, suivie d'anecdotes. Paris, 1815; Alexandrana, ou les bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier pendant son séjour à Paris. Paris, 1815; Alexandrana, ou les bons mots et paroles remarquables d'Alexandre Ier et de Pierre le Grand, empereur de la Russie. Lille: Castiau, 1818.

¹⁴⁰ Например: *Voltariana, ou éloges amphigouriques de F. M. Arouet de Voltaire, gentilhomme ordinaire. 2 vol. Paris, 1748–1749; Voltairiana ou recueil des bons mots, plaisanteries, pensées ingénieuses et saillies spirituelles de Voltaire, suivi des anecdotes peu connus, relatives à ce philosophe et poète célèbre. Paris: Pillot, an IX; D'Alembertiana. Recueil d'anecdotes, pensées, bons mots, réflexions et sentences de d'Alembert. Paris: Delarue, s. d.; D'Alembertiana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, plaisanterie, maximes, réflexions, sentences et pensées de d'Alembert, suivi de notes et d'éclaircissement relatifs à ce philosophe. Par Cousin d'Avalon. Paris: Davi et Locard, 1813; Diderotiana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, plaisanteries de Denis Diderot. Paris: chez l'éditeur, 1810; Rousseana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, maximes, pensées et réflexions de J. J. Rousseau, enrichi de notes et de quelques pièces inédites de ce célèbre philosophe. Paris: chez l'auteur, 1810; Rousseana, 2e édition. Paris: Lebel et Guitel, 1811; Grimmiana, ou recueil des anecdotes, bons mots, plaisanteries de Grimm, par Cousin d'Avalon. Paris, 1813; Sevigniana, ou recueil de pensées ingénieuses, d'anecdotes littéraires, historiques et morales tirées des lettres de Madame de Sévigné avec des remarques pour l'intelligence du texte. Paris, 1745; Chamfortiana, ou recueil choisi d'anecdotes piquantes et de traits d'esprit de Chamfort, précédé d'une notice sur sa vie et ses ouvrages. Paris: chez les marchands de*

нам, обитателям Нормандии, Гаскони и др.)¹⁴¹, а также качествам и физиологическим особенностям человека, добродетелям и порокам. Именно последний тип оказывается необыкновенно важным для нашего сюжета, в него мы включаем *Harpagoniana*¹⁴² (содержащую истории о проявлениях скупости), *Médeciniana*¹⁴³ (фиксирующую истории о врачах), *Gastronomiana*¹⁴⁴ (повествующую о гастрономических при-

nouveautés, an IX; Scarroniana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, réponses bouffons, gaités et farces de Paul Scarron. Paris: Hedde le Jeune, an IX; Molierana, ou recueil d'aventures, anecdotes, bons mots et traits plaisants de Poquelin de Molière. Paris: Marchand, an IX; Fontainiana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, naïvetés, traits ingénus de Jean de La Fontaine. Paris: Pillot, 1801; Staeliana, ou recueil des anecdotes, bons mots, maximes, pensées et réflexions de Mme la baronne de Stael Holstein. Paris: Librairie politique, 1820.

¹⁴¹ Gascogniana, ou recueil des hauts faits et jeux d'esprit des enfants de la Garonne. Paris: Marchand, IX; Gascogniana, ou recueil des bons mots des habitants des bords de la Garonne et de tous les Gascons du monde. Bordeaux: chez M. de Crac, 1809; Anglaisiana, ou les Anglais, les Ecossais et les Irlandais à Londres et à Paris. Ouvrages curieux et amusant par les Anecdotes, les bons mots, les plaisanteries, les gaités, les originalités, les facéties, les naïvetés, les jeux de mots et calembours des habitants des trois royaumes. Paris: Corbet, 1815; Normandiana ou anecdotes, traits caractéristiques, bons mots des habitants de la Normandie. Paris, 1817; Parisiana, ou recueil d'anecdotes, bons mots, plaisanteries, quodlibets et badauderies des Parisiens, entremêlé de quelques notions sur la capitale. Paris: Tiger, 1820.

¹⁴² Harpagoniana ou recueil d'aventures, d'anecdotes et de traits plaisants, sérieux et comiques sur les avarés, entremêlés de pensées sur l'avarice, tirées des meilleurs auteurs, avec des remarques et des notes. Paris: Pigeoreau, 1801.

¹⁴³ Médeciniana ou recueil d'anecdotes medeci-chirurgico-pharmacopoles. Lille, 1812.

¹⁴⁴ Gastronomiana, ou recueil curieux et amusant d'anecdotes, bons mots, plaisanteries, maximes et réflexions gastronomiques, précédé d'une dissertation

вычках людей), *Merdiana*¹⁴⁵ (насыщенную скатологическими историями) и др., сюда же мы относим и текст *Peteriana*¹⁴⁶, который посвящен теме пускания ветров. Данный текст, заметим, в своем названии содержит уточнение: он является наставлением в *искусстве пукать*.

Проекты такого наставления мы встречаем уже в XVI веке в романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Напомним, что оба главных героя книги – отец и сын – и без печатного руководства прекрасно пускали ветры. Так, маленький Гаргантюа, слушая, как нянюшки стучали ножами по стаканам и кружкам, «дрожал от радости и сам начинал рассказывать люльку, мерно покачивая головой, тренькая пальцами, а задницей выводя рулады [баритонируя задницей]»¹⁴⁷. Пантагрюэль, напомним, следует примеру Панурга, причем именно из-за его метеоризма рождается множество людей: «С этими словами он [Панург] встал, пукнул, подпрыгнул,

historique sur la science de la gueule. Paris: Favre, s. d.

¹⁴⁵ *Merdiana*, ou manuel des chieurs, suite de l'almanach des gourmands. Recueil propre à certains usages. Paris, an XI.

¹⁴⁶ *Peteriana*, ou manuel théorique et pratique de l'art de péter, vesser et roter à l'usage des personnes constipées, graves, mélancoliques et tristes. Paris: chez les libraries en bonne odeur, s. d.

¹⁴⁷ *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Художественная литература, 1973. С. 48. Цитируется в переводе Н. Любимова.

присвистнул, а затем весело и громко крикнул: „Да здравствует Пантагрюэль!“ Пантагрюэль последовал примеру Панурга, но от звука, который он издал, земля задрожала на девять миль в окружности, и вместе с испорченным воздухом из него вышло более пятидесяти трех тысяч маленьких человечков – карликов и уродцев, а из выпущенных им газов народилось столько же маленьких горбатеньких женщин, каких вы можете встретить всюду: ростом они бывают не выше коровьего хвоста, а в ширину не больше лимузинской репы»¹⁴⁸.

В тексте романа Рабле можно без особых затруднений найти многочисленные примеры пускания ветров героями, однако во всех этих случаях они делают это, следуя природе, не приспособливая свое естество к правилам хорошего тона – вежеству. О том же, что пукание может и должно быть искусством и, более того, само способно стать частью *социального* времяпрепровождения, мы узнаём из пособия, упомянутого в (вымышленном?) каталоге библиотеки аббатства Сен-Виктор, где наряду с книгой «Испускание ветров буллистами, копиистами, скрипторами, аббревиаторами, референдариями и датариями в описании Региса» наличествует и труд «*Ars honeste petandi in societate, per M. Ortuinum*», то есть «Искусство благопристойно пукать в обществе, магистра Ортуина»¹⁴⁹. П. Лакруа и К. Ла Шарите обоснован-

¹⁴⁸ Рабле Ф. Цит. изд. С. 251.

¹⁴⁹ Рабле Ф. Цит. изд. С. 181.

но идентифицируют данного «г-на Ортуина» с кёльнским теологом Ортуином Грациусом (Ortuin Gratus, 1481–1542), отличавшимся откровенными антигуманистическими взглядами¹⁵⁰.

Обратим внимание на то, что в 1530 году вышла «Книжица о приличии детских нравов» («De civilitate morum puerilium») Эразма Роттердамского, который писал о вреде невыпущенных ветров и при этом давал рекомендации отпустить их пристойно: «Есть такие люди, которые наказывают, чтобы отрок, делая себе насилие, задерживал в себе порывающиеся из желудка пары. Однако сего похвалить не можно, когда он, стараясь показаться учтивым, подвергает себя болезни. Если можно выйти, то пусть наедине то сделает, если иначе, то, по древнейшей пословице, пусть извинится кашлем»¹⁵¹. Вспомним, что, в свою очередь, за два года до эразмовой книги в Венеции вышла окончательная редакция «Придворного» Б. Кастильоне (1528), которая однозначно предписывала самоограничение для комфортного существования в обществе, однако материи ветров совершенно не касалась. Книга *Ars petandi* в тексте Рабле, очевидно, и могла бы предстать попыткой социализировать и, если

¹⁵⁰ Lacroix P. Catalogue de la bibliothèque de l'abbaye de Saint-Victor au seizième siècle. Paris: J. Techener, 1862; La Charité Cl. Rabelais et l'art de péter honnêtement en société // Contre-jour, cahiers littéraires. 2008. № 16. P. 114.

¹⁵¹ Цитируется в русском переводе 1788 года по кн.: Меньшиков В. М. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса. М.: Народное образование, 1995. С. 79.

можно так сказать, приручить естественную человеческую потребность, не изгнав ее, но сделав допустимой в обществе взрослых людей, образующих компанию и предающихся интеллектуальному досугу. Логика рассуждения здесь может быть следующей: как можно избавиться от вульгарного пуканья и начать производить пук учтивый. Брутальный «выстрел» оказывается сродни крику животного, тогда как замысловатая выстроенная композиция с учетом гамм и созвучий схожа с текстом, виртуозно написанным в соответствии с грамматическими и риторическими нормами.

Эти темы и стратегии в пародийном ключе были явлены в эпоху Просвещения, ярким свидетельством чему оказывается шуточный трактат Пьера-Тома-Никола Юрто (1719–1791) «Искусство пукать» («L' art de péter»), созданный в 1751 году и долгое время распространявшийся в рукописном виде¹⁵². Этот текст был в итоге издан под названием *Peteriana* в XIX веке (точно после *Merdiana*, так как она упомянута на титуле) с добавлением раздела «От автора» и незначительным изменением композиции. Текст, развивающий тезисы «пукать – это искусство» и «можно пукать по правилам и со вкусом», предстает софистической игрой, в результате которой высмеиваются основы жанра трактата о вежестве как такового, однако сам пародийный характер

¹⁵² См. его анонимное издание: *L' art de péter, Essai théori-physique et méthodique à l' usage des personnes constipées, des personnes graves et austères, des dames mélancoliques et de tous ceux qui restent esclaves du préjugé. En Westphalie, chez Florent-Q, 1776.*

не отменяет воспитательного эффекта, который призван если не приручить один из базовых рефлексов, то поставить его под контроль; и здесь мы можем говорить о его парадоксальном сходстве с «Похвалой глупости» Эразма, уже упоминаемого нами выше.

Исключительно любопытна судьба *Peteriana* во французской культуре XX века: известный художник и писатель Сальвадор Дали практически полностью имплантировал текст в свой «Дневник одного гения» («Journal d' un genie», изд. в 1964), не указав источника – так же как издатель *Peteriana* при издании не упомянул Юрто. Именно в таком виде – как часть дневника Дали – наш текст был представлен русскому читателю. Настало время восстановить справедливость и предложить его подлинную версию с комментариями.

Перевод выполнен по изданию: *Peteriana, ou manuel théorique et pratique de l'art de péter, vesser et roter à l'usage des personnes constipées, graves, mélancoliques et tristes*. Paris: chez les libraries en bonne odeur, s. d.; свепен с текстом Юрто: *L'art de péter, Essai théori-physique et méthodique à l'usage des personnes constipées, des personnes graves et austères, des dames mélancoliques et de tous ceux qui restent esclaves du préjugé*. En Westphalie: chez Florent-Q, 1776. Ряд стихотворных цитат нами взят из перевода «Дневника одного гения» на русский язык, выполненного О. В. Захаровой (эти случаи оговорены в примечаниях). Мы благодарим А. В. Протопо-

пову за помощь в сверке латинских выражений.

Peteriana,

*или Теоретическое и практическое
наставление в искусстве пукать, бздюхать
и рыгать, предназначенное к использованию
лицамиотягченными, страдающими
запорами, меланхоликами и унылыми*

От автора

Стыдно, читатель, от того, что все то время, как вы *пукате*¹⁵³, с самого первого раза вы не осознаете того, как вы это делаете, и того, как следует это делать.

Бытует общее мнение, что пуки различаются только лишь от мелкого до большого и что, по сути, они все относятся к одному и тому же виду: это страшное заблуждение.

¹⁵³ Курсив здесь и далее в тексте – авторский.

Этой материей, о которой я вам буду сегодня рассказывать, подвергая самому точному анализу, пренебрегают с давних пор и по сей день; не то чтобы касаться ее полагали недостойным, но в силу того, что ее не рассматривали с точки зрения определенной методологии и новых открытий. Какое заблуждение.

Пукать — это искусство и, как следствие, очень полезная для жизни вещь, как утверждают *Лукиан*¹⁵⁴, *Гермоген*¹⁵⁵, *Квинтилиан*¹⁵⁶ и др. В самом деле, умение *пукнуть* кстати — более значимо, нежели обычно полагали.

Пук, задержанный внутри
Так, что больно, хоть ори,
Может чрево разорвать
И причиной смерти стать.
Если ж на краю могилы
Пукнуть вовремя и мило,
Можно жизнь себе спасти
И здоровье обрести¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Имеется в виду древнегреческий писатель Лукиан Самосатский (II век н. э.), известный своими сатирическими сочинениями.

¹⁵⁵ Представляется, что здесь ошибка и имеется в виду Гиппократ, древнегреческий врач (IV–III века до н. э.), чьи труды, в том числе книга «О ветрах», имели огромное значение для медицины.

¹⁵⁶ Марк Фабий Квинтилиан (I век н. э.) — известный римский оратор и теоретик красноречия.

¹⁵⁷ Стихотворение приписывалось Квинтилиану. Цитируется в переводе О. В. Захаровой.

Наконец, можно пукать по правилам и со вкусом, как я намерен дать вам прочувствовать в течение всего этого повествования.

Без колебаний я делюсь с публикой моими исследованиями и моими открытиями относительно искусства, о котором нельзя найти ничего мало-мальски удовлетворительного в самых обширных словарях: и в самом деле, и речи даже там не идет (просто невероятно) о номенклатуре этого искусства, чьи принципы яставляю сегодня на суд любопытствующих.

Peteriana,

или Искусство пука

Глава I

Пуки как таковые. Определение пука в общем

Пук, который греки именуют *porde*; латиняне – *crepitus*

ventris; на древнесаксонском означается как *purten* или *furten*; на верхненемецком *fartzen*; а на английском *fart*, состоит из ветров, которые выходят либо шумно, либо глухо и совсем бесшумно.

Тем не менее есть довольно ограниченные и даже довольно безрассудные авторы, что поддерживают со всей абсурдностью, высокомерием и упрямством, несмотря на труд Калепино¹⁵⁸ и все прочие словари, уже созданные или которые будут созданы, идею о том, что слово *пук*, взятое в чистом, а именно в его естественном, природном виде, должно пониматься только как ветер, пущенный с шумом; и они обосновывают эту идею стихом Горация, чего вовсе не достаточно, чтобы передать полностью всё значение пука:

Nam, displossa sonat quantu, Vesica pepedi (Sat. 8)¹⁵⁹.

Что означает: я *пукнул* с таким шумом, который мог бы издать хорошо надутый мочевой пузырь.

Однако кто же не понимает, что в этом стихе Гораций использовал слово *pedere* – пукать, в самом общем смысле? И не стоило бы ему указать на то, что слово *pedere* означает явственный звук и потому речь идет лишь о таком пуке, что выходит с шумом?

¹⁵⁸ Амброзио Калепино (1435/1436–1511), монах, лексикограф, составитель многоязычного словаря, получившего огромную популярность, неоднократно переиздававшегося и дополнявшегося.

¹⁵⁹ Гораций, Сатиры, 1, 8. Гораций рассказывает о боге Приапе, который охранял сады Мецената и, заметив двух ведьм, отпугнул их: «Сзади я вдруг раскололся и треснул, Точно как лопнул пузырь». Цитируется в переводе М. Дмитриева.

Сент-Эвремон¹⁶⁰, этот милый философ, отличал идею *пук* от того, что понимается обычно: по его мнению, это вздох; и он однажды сказал своей любовнице, в присутствии которой он *пукнул*:

Видя немилость твою,
В сердце копится грусть,
Вздохи теснят грудь.
Так странно ль, что вздох один,
Не смея сорваться с уст,
Другой нашел себе путь?¹⁶¹

Пук, таким образом, в общем, есть ветер, заключенный в животе, причиной которого, как это утверждают медики, является *чрезмерная остывшая слизь, которую слабый жар смягчил и отделил, не растворив целиком*; или получившийся, по мнению крестьян и простого народа, в результате использования некоторых ингредиентов, образующих ветры, или съестных продуктов той же природы. Можно также определить его как *сжатый воздух, который в поисках выхода проходит через внутренние органы тела и выходит наконец с поспешностью, когда находит то отверстие, которое благовоспитанность не позволяет назвать прямо*.

Мы не собираемся ничего здесь скрывать; это действие

¹⁶⁰ Шарль Марготель де Сент-Эвремон (1610–1703) – известный французский литератор, философ-либертен.

¹⁶¹ Цитируется в переводе О. В. Захаровой.

происходит через *заднепроходное отверстие* либо с шумом, либо без такового; и то природа выпускает его без какого-либо усилия, то для его извлечения приходится прибегать к определенному искусству, которое с помощью самой природы позволяет ему выйти легко и иногда даже не без некоторого наслаждения. Именно это вылилось в поговорку: чтобы прожить долго и сохранять здоровье, следует выпускать ветер из зада.

Но вернемся же к нашему определению и постараемся доказать, что оно соответствует самым разумным основаниям философии, поскольку содержит в себе род, материю и отличие, *quid nempé conflât genere materiâ et differentiâ*, 1. Оно включает все причины и виды; мы их рассмотрим по порядку; 2. Коль скоро оно постоянно по родовому признаку, то нет сомнения в том, что оно является таковым и в силу своих отдаленных причин, лежащих в основе ветров – их порождает слизь и плохо переваренная пища. Обсудим же это основательно, прежде чем совать свой нос в эти вещи.

Мы говорим, таким образом, что материя *пука* остывшая и слегка размягченная.

Так же никогда не бывает дождей ни в самых жарких странах, ни в самых холодных, ибо в первых видах климата большая жара поглощает все виды испарений, а в других избыточный холод препятствует испарениям; напротив, дожди часто идут в средних и умеренных (видах климата) (как это

заметили Боден, *meth. hist.*¹⁶², Скалигер¹⁶³ и Кардан¹⁶⁴); то же самое происходит в том случае, когда жара чрезмерна, она не только перемалывает и смягчает продукты, но также растворяет и впитывает все испарения, чего не сумел бы сделать холод, и именно это препятствует образованию каких бы то ни было паров. Совершенно противоположное происходит, когда температура мягкая и умеренная. Ее мягкость препятствует правильному перевариванию пищи и только слегка ее смягчает, слизь желудка и кишечника может вызвать большое количество ветров, которые становятся более энергичными в зависимости от способности пищи к их образованию, будучи подвергнуты ферментации при невысокой температуре, они производят очень густые и клубящиеся пары. Это четко ощущается путем сравнения весны и осени с летом и зимой, а также при дистилляции на слабом огне.

¹⁶² Имеется в виду теоретический трактат «Метод легкого изучения истории» (1566; в рус. пер. 2018 – «Метод легкого чтения историй») французского историка Жана Бодена (1529/1530–1596).

¹⁶³ Речь идет о Жозефе Жюсте Скалигере (1540–1609), французском гуманисте, филологе и историке.

¹⁶⁴ Имеется в виду Джероламо Кардано (Кардан) (1501–1576), итальянский врач, математик, получивший широкую известность как инженер (его именем назван карданов вал).

Глава II

О различиях пуга, а именно различия пуга и отрыжки, и полное доказательство определения пуга

Мы уже сказали выше, что *пук* выходит через заднепроходное отверстие. Именно в этом его отличие от *отрыжки* или от *испанского рыгания*. Последнее, хотя и формируется из той же материи, но в желудке и выходит наружу через верх по причине близости к отверстию выхода или в силу твердости и переполненности живота, или каких иных препятствий, которые не позволяют ему пройти нижние пути. В соответствии с нашими обычаями *отрыжка с пуком* идут парой, хотя, по мнению некоторых, она отмечена большей отвратительностью, чем сам пук: видели же при дворе *Людовика Великого*¹⁶⁵ одного посла, посреди великолепия и величия, представленных его восхищенному взору этим августейшим монархом, рыгнувшего самым подлым образом и уверявшего, что в его стране отрыжка является неотъемлемым знаком благородной степенности, царившей там? Не должно делать

¹⁶⁵ Людовик Великий – французский король (с 1643 года) Людовик XIV (1638–1715).

неблагоприятные заключения как против одного, так и против другого; ветер выходит как через верх, так и через низ, здесь паритет и не должно оставаться никакого сомнения в этом вопросе. В самом деле, мы читаем в труде Фюретьера, *том 2 его Всеобщего Словаря*¹⁶⁶, что в графстве *Суффолк* один вассал должен был свершить пред королем один прыжок, одну отрыжку и один пук на каждое Рождество.

Однако не следует ставить *отрыжку* ни в один класс с колитными ветрами, ни в класс бурчания и урчания в животе, которые также являются ветрами того же вида и которые, бурча в кишечнике, не спешат тем не менее вырваться наружу и являются как бы прологом к комедии или предвестниками приближающейся бури. Девицы и женщины, затягивающиеся узко, чтобы подчеркнуть талию, особенно этому подвержены. У них, по мнению *Фернеля*¹⁶⁷, кишечник, именуемый медиками *соенип*, столь переполнен газами и столь сжат, что ветры, содержащиеся в нем, производят в полости живота битвы, такие же как некогда производили ветры, запертые Эолом в пещерах гор Эолии¹⁶⁸: таким образом, что

¹⁶⁶ Имеется в виду «Всеобщий словарь» (изд. в 1690) французского лексикографа и писателя А. Фюретьера (1619–1688).

¹⁶⁷ Фернель Жан Франсуа (1497–1558), французский астроном и врач, личный медик Генриха II и Екатерины Медичи. Имеется в виду капитальное сочинение Фернеля «*Universa medicina*», получившее огромную популярность в XVI–XVII веках.

¹⁶⁸ Эол – герой древнегреческой мифологии, властитель ветров, жил, по преданиям, на плавучем острове Эолия.

можно было бы с их помощью предпринять долгое путешествие по морю или по меньшей мере заставить возвращаться крылья ветряных мельниц.

Здесь нам только лишь остается для полного доказательства нашего определения поговорить о конечной причине пука, который является то здоровьем тела, желаемым в силу природы, то наслаждением или удовольствием, предоставляемым искусством: но мы повременим говорить об этом, когда будем рассматривать последствия. Смотрите главу, в которой об этом говорится. Однако мы отмечаем, что совсем не допускаем и даже отрицаем всякие цели, противоречащие хорошему вкусу и здоровью, поскольку подобные злоупотребления, говоря вежливо и достойно, не могут найти место в числе целей разумных и доставляющих удовольствие.

Глава III

Разделение пука

Объяснив природу и причину *пука*, мы должны приступить к его обоснованному разделению на виды и к исследованию его различных типов с целью дальнейшего определения относительно чувств, связанных с ними.

Проблема

Естественно, появляется такой вопрос.

Как же найти, скажут здесь, обоснованное разделение пук-ка? Так говорит неверующий. Требуется ли его измерять в локтях, в футах, в пинтах, в бушелях? Поскольку *quae sunt eadem uni tertio, sunt eadem inter se*¹⁶⁹. И вот решение, которое дано одним великолепным химиком, нет ничего проще и натуральнее.

Введите ваш нос, говорил он, в заднепроходное отверстие; и пусть носовая перегородка разделяет его и ваши ноздри образуют две чаши весов, коими будет теперь служить ваш нос в целом. Если вы почувствуете некую тяжесть при измерении выходящего *пука*, то это будет знаком, что его следует измерять по весу; если же он твердый, то в локтях или в футах; если же он жидкий, то в пинтах; ну а если он комковатый, то в бушелях¹⁷⁰ и т. д., но если вы его найдете слишком маленьким для проведения опыта, та поступайте так, как это делают благородные стеклодувы; дуйте в форму столько, сколько вам заблагорассудится, я хочу сказать, до тех пор, пока не будет достигнут достаточный объем.

Но давайте поговорим серьезно.

Педанты от грамматики разделяют буквы на гласные и со-

¹⁶⁹ Вещи, совпадающие на треть, суть одно и то же (*лат.*).

¹⁷⁰ Бушель – мера объема, применяемая преимущественно в Англии.

гласные; эти господа обычно хоть касаются материи: но мы, которые взялись за труд дать ее почувствовать и попробовать ее такой, какова она есть на самом деле, мы разделяем пуки на *вокальные* и на *немые* или *бесшумные*, собственно говоря.

Вокальные пуки именуются, естественно, *петардами*, словом, происходящим от глагола *пукать*, они относятся к различным видам звуков, производимых так, как если бы низ живота был бы наполнен петардами. Можно посмотреть труды *Willichius Jadochus* ¹⁷¹ относительно петард.

Итак, *петарда* — это шумный взрыв, порожденный сухими парами.

Она бывает *большой* или *маленькой*, в зависимости от разнообразия ее причин или ее обстоятельств.

Большая *петарда* является *полновокальной* или собственно *вокальной*; а маленькая называется *полувокальной*.

О полновокальном или большом пуке

Большой пук-петарда или *полновокальный полный пук* производится с большим шумом не только по причине обширного и вместительного размера отверстия, которое его производит, к примеру, такого как у крестьян, но еще по причине огромного множества ветров, возникших в силу потребления значительного количества съестного, образующе-

¹⁷¹ Имеется в виду труд «De Crepitu ventris problemata» (1552) известного немецкого писателя, медика Йодокуса Виллиция (1501–1552).

го газы, или в силу невысокого естественного тепла в животе и кишечнике. Можно сравнить этого феникса пуков с выстрелом из пушки, взрывом лопнувших больших мочевых пузырей и свистом педалей и т. д. Раскаты грома, которые описал Аристофан¹⁷², дают лишь слабое представление об этом пуке; он не столь ощутим, как гром пушек и как залп, свершенный, дабы обрушить стены, или чтобы снести целый батальон, или чтобы поприветствовать владыку, прибывающего в город и т. д.

Возражение

Противники пука

Но вовсе не звук *пука* нас шокирует, говорят они: и если бы дело было только в полном гармонии *экспромте*, во все не оскорбляющем нас, то он мог бы нам понравиться; но вот за ним всегда следует некий неприятный запах, составляющий его сущность, который досаждаёт нашему обоня-

¹⁷² Аристофан (V–IV века до н. э.), древнегреческий комедиограф. Имеется в виду фрагмент из комедии «Облака», где Стрепсиад беседует с Сократом: Аполлон мне свидетель, ужасный отвар. Все внутри баламутится сразу, И гудит, словно гром, и ужасно урчит, и шумит, и свистит, и клокочет. Для начала легонько, вот этак: бурр-бурр, а потом уж погромче: бурр-бурр-бурр. Тут нельзя удержаться, до ветра бегу, а в утробе как гром: бурр-бурр-бурр-бурр. (пер. А. Пиотровского).

нию: вот в чем его вина. Коль скоро слышен этот звук, тут же начинают распространяться смрадные корпускулы, которые нарушают безмятежность наших лиц: иногда они ведут себя довольно предательски и наносят нам удары, не позволяя нам их предвидеть, он нас атакует втихомолку; но чаще всего сначала производится некий приглушенный звук, а за ним следуют самые постыдные его спутники, которые никогда не позволяют сомневаться, что ты попал в дурную компанию.

Ответ

Полагать *пук* столь преступным и виновным в таком количестве непристойностей – это значит плохо его знать. *Истинный пук* или *чистый пук* вовсе не имеет запаха или по крайней мере запах столь слабый, что не в состоянии преодолеть пространство, находящееся между отверстием выхода и носом присутствующих. Латинское слово *crepitus*, которое обозначает *пук*, означает только лишь звук без запаха; но его обычно путают с двумя другими зловредными ветрами, из которых один удручает наше обоняние и именуется в простонародье *бздюхом* или, если угодно, *немым* или *женским пуком*; и второй, который представляет куда более мерзкое явление, именуемое *густым пуком* или *пуком каменщика*. Вот ложный принцип, которым руководствуются враги пуга; но их легко опровергнуть, показав им, что *истинный пук* в самом деле отличается от двух других монстров, о которых

мы только что дали общее представление.

Всякий звук, что произведен в нашем теле и, будучи сжатым, вышел из него, называется *ветром*; и отсюда – *чистый пук*, *бздюх* и *пук каменщика* схожи в своем роде между собой: однако большее или меньшее время пребывания в теле, большая или меньшая легкость, с которой они находят выход оттуда, вот в этом и заключается разница между ними, это и делает их абсолютно различными. После зарождения в теле *чистый пук* беспрепятственно проходит сквозь внутренние органы, которые находятся на его пути, и выходит наружу с более или менее сильным шумом. После многочисленных попыток выйти наружу по причине одних и тех же препятствий, *густой пук* или *пук каменщика* находит свой путь, проходит часто через то же пространство, разогревается и собирает по дороге различные части жировой субстанции: таким образом, будучи отягощенным своим собственным весом, он находит прибежище в нижней местности; и поскольку он окружен слишком жидкой материей, которая только и ждет малейшего движения, чтобы произвести извержение, он выходит наконец без особого шума и увлекает за собой всю добычу, которой он нагружен. Бздюх, также испытывающий затруднения на своем пути, проходит тот же самый путь, что и *пук каменщика*: он также нагревается, насыщается жирными субстанциями, пытается найти выход через Нижние земли¹⁷³, с той лишь разницей, что, находя за-

¹⁷³ В оригинале – Pays-Bas, то есть Нидерланды, «Нижние провинции».

сушливый и сухой край, он выскакивает без какого-либо шума и несет с собой при выходе то, что являет самое неприятное для нашего обоняния.

Однако, ответив на возражения противников *пука*, давайте же вернемся к нашему определению. Итак, эти *пуки* похожи на выстрелы из пушек и т. д. или на раскаты грома у Аристофана, как вам заблагорассудится. Как бы то ни было, они бывают *простыми* или *сложными*.

Простой пук состоит из одного большого выстрела, единичного и мгновенного. Приап сравнивает их, как мы уже это видели, с лопнувшими бурдюками.

Displosa sonat quantum vesica ¹⁷⁴.

Они образуются, когда материя состоит из однородных частей, когда она обильна, когда отверстие, через которое она выходит, довольно широкое или довольно растянутое, или, наконец, когда сила, которая их проталкивает, мощная и действует только с одного маха.

Сложные пуки выходят многочисленными ударами, взрыв за взрывом: будучи схожими с постоянными ветрами, которые следуют один за другим, они похожи на выстрелы пятнадцати или двадцати ружей, выпущенные подряд и вкруговую. Их называют *дифтонгами*, и бытует мнение, что человек с крепким строением способен выпустить их до двадцати штук с одного маха.

¹⁷⁴ См. примеч. 2 на стр. 119.

Глава IV

Анализ дифтонгового пука

Пук считается *дифтонговым*, когда отверстие довольно широкое, материя обильна, части ее неодинаковы, смешиваются жидкости горячие и разреженные, холодные и густые; или же когда материя, ища различные пристанища, вынуждена приливать к различным частям кишечника.

Тогда она уже не может размещаться единым целым, ни содержаться в кишечных ячейках, ни выйти наружу при малейшем усилии. Она вынуждена покидать свое вместилище с красноречием при равных интервалах до тех пор, пока ничего не останется, а именно до последнего выдоха. Вот почему звук слышится с неравным интервалом и почему, стоит только приложить малейшее усилие, слышна более или менее продолжительная канонада, в которой, если подумать, артикулируются дифтонговые слоги, такие как *па па пакс, па па па пакс, па па па па пакс*, и т. д. Аристофан *in nubib.*¹⁷⁵, поскольку тогда заднепроходное отверстие до конца не закрывается и материя одерживает победу над природой. Нет ничего прекраснее, чем механизм *дифтонговых пук*ов, и един-

¹⁷⁵ См. примеч. 1 на стр. 125.

ственное, чему мы обязаны этим, так это заднепроходному отверстию.

Сначала 1. Следует предположить, что оно довольно большое само по себе и окружено очень эластичным *сфинктером*.

2. Необходимо достаточное количество материи, чтобы сначала произвести *простой пук*.

3. После первого выстрела необходимо, чтобы заднепроходное отверстие закрылось против своей воли, но, однако, не до конца, чтобы материя, которая должна быть сильнее, чем природа, не могла никак вынудить его раскрыться и доставить ощущение возбуждения.

4. Пусть оно немного закроется и затем вновь откроется, и так поочередно, и пусть выдержит сражение с природой, которая всегда имеет склонность выталкивать наружу материю и ее растворять.

5. Наконец, пусть оно задержит, если случай этого требует, остаток ветров, чтобы выпустить их в более подходящий момент. Здесь можно привести эпиграмму *Марциала*, *Кн. 12*, в которой говорится: *et pedit deciesque viciesque*¹⁷⁶ и т. д. Но мы об этом поговорим в другом месте.

Несомненно, именно об этих *дифтонговых пуках* говорит Гораций, рассказывая историю про Приапа. Он повествует,

¹⁷⁶ Фрагмент из эпиграммы латинского поэта Марка Валерия Марциала (ок. 40 – ок. 104): «И раз десять и двадцать там он пукнет» (пер. Ф. А. Петровского). См. о ней на стр. 147.

что однажды этот невоспитанный Бог выпустил один столь ужасный пук, что до жути напугал скопище колдуний, творивших волшебство по соседству. В самом деле, если бы этот пук был бы только *простым*, то, вполне вероятно, ведьмы не были бы вовсе напуганы и не оставили бы своего магического дела и своих змей, чтобы удрать из города со всех ног, но очень вероятно, что Приап начал с простого пука, сопровождавшегося громким звуком, таким, который получается при хорошо напряженном обыкновенном пуке; но за этим шумом последовал тотчас *дифтонговый пук* и шум другого пука, еще более сильный, до ужаса напугавший чародеек, уже испуганных к тому моменту, вот почему они вынуждены были удрать. Гораций ничего более не поясняет, но очевидно, что он не захотел ничего об этом говорить из опасения прослыть многословным: он замолчал только лишь потому, что знал о том, сколь все осведомлены в этом вопросе. Нам же это небольшое замечание показалось необходимым и подходящим для объяснения пассажа, который может показаться темным и трудным только для тех, кто совсем несведущ в физике: мы ничего не добавим более.

Глава V

Несчастья и горести, причиненные дифтонговыми пуками. История пука, который обратил дьявола в бегство и оставил его в дураках. Дома, избавленные от демонов посредством дифтонговых пуков. Причины и аксиомы

Если *дифтонговый пук* ужаснее, чем грозы, и точно, что вызванный им раскат поражает бесконечное количество людей, делая одних глухими и заставляя одуреть других, то, вне всякого сомнения, *дифтонговый пук*, даже если он и не поражает молнией, способен не только стать причиной несчастных случаев, связанных с громом и молнией, но еще и убить на месте слабых людей, которые имеют склонность к трусости и предрассудкам. Мы выносим данное суждение по причине элементов, его составляющих, и чрезвычайного сжатия воздуха, который, освободившись, столь сильно сотрясают столбы воздуха внешнего, что в силах разрушить, разорвать и в одно мгновение вырвать самые деликатные волокна мозга, затем придать голове стремительное вращение и заставить ее крутиться на плечах подобно флюгеру, а это

может сломать на седьмом позвонке вместилище спинного мозга и тем самым привести к смерти.

Все эти случаи имеют место в силу использования в пищу репы, чеснока, гороха, бобов, тыквы и, в общем, всего того, что способствует образованию ветров, чьи пагубные свойства известны: они образуют чистый звук, последовательный и краткий с небольшими интервалами, который и слышен во время пуга. Увы! Сколь много цыплят убиты в яйце, сколь много цыплят исторгнуты или задушены во чреве своих матерей по причине этого взрыва! Даже дьявол вынужден был от него спастись бегством, и не единожды.

Среди многих историй, которые мы читаем по этому поводу, я расскажу вам одну, чья достоверность не вызывает сомнений.

Однажды дьявол в течение долгого времени мучил одного человека, с тем чтобы тот предался ему. Поскольку этот человек не мог более сопротивляться преследованиям нечистого духа, он согласился при соблюдении трех условий, что он изложил тотчас же. 1. Он потребовал у дьявола много золота и серебра и сразу же получил. 2. Он потребовал, чтобы тот сделал его невидимым; дьявол его сейчас же научил, как это делать, и, не оставляя его, дал возможность испытать умение. Наконец, человек попал в затруднительное положение относительно третьего желания, которое дьявол не сумел бы исполнить, а поскольку его разум не мог ничего предложить полезного, то его объял ужас, чрезмерность которо-

го оказалась как раз кстати и спасла-таки от когтей. Рассказывают, что в этот критический момент у него случился дифтонговый пук, чей грохот был похож на залп из мушкетов. И тогда, остроумно воспользовавшись случаем, он говорит дьяволу: *я хочу, чтобы ты нанизал все эти пуки на нить, и тогда я твой*. Дьявол попытался выполнить сказанное, но, хотя он и приставил угольное ушко с одной стороны и вовсю тянул с другой, он так и не смог выполнить дело до конца. Впрочем, будучи напуганным шумом самого пука, удвоенного эхом по окрестностям, оконфуженный и взбешенный тем, что его оставили в дураках, тот удрал, оставив после себя по округе адскую вонь, и таким образом избавил этого несчастного от неминуемой опасности, его поджидавшей.

Не менее достоверно, что по всей вселенной, во всех королевствах, республиках, городах, деревнях, хижинах, во всех семействах и замках в сельской местности, там, где есть служанки, старухи и пастухи, в книгах и старинных преданиях обнаруживается множество историй о домах, спасенных от дьявола с помощью пуков, и, несомненно, *пуков дифтонговых*. В самом деле, это наилучшее из известных нам средств для изгнания дьявола, и *Искусство пукать*¹⁷⁷, которое мы представляем сегодня, заводя себе новых друзей, конечно же, призовет на нас благословение людей, которые от сего страдают. Мы убеждены, что *искусство следует об-*

¹⁷⁷ Заметим, что здесь и ниже указывается лишь название книги Юрто; обозначение *Peteriana* не используется.

манывать искусством, хитрость хитростью, что клином выбивают другой клин, что яркий свет затеняет тусклый и что звуки, запахи и др. поглощают более слабые звуки и запахи, стало быть, ангел преисподней будет ослеплен тем факелом, который мы вкладываем в руки несчастных, которых он будет соблазнять; и кто бы ни держал его в руке, тот не будет более ничего бояться.

Дифтонговый пук – это небольшой карманный раскат грома, который всегда под рукой, его достоинство и его целебное свойство оказывается активным и ретроактивным; он бесценен и признан таковым с самой древней древности, откуда римская пословица, говорящая, что *хороший пук стоит таланта*.

Обычно дифтонговый пук лишен дурного запаха, если только он не порожден в силу какого-нибудь гнилостного брожения в кишечнике или если он слишком долго пребывал внутри и под мертвым телом, в котором уже начались процессы гниения, или по меньшей мере если пища, которую употребили, не была испорчена. Чтобы здраво рассудить об этом, я обращаюсь к самому тонкому обонянию, моего здесь явно было бы недостаточно, а читатель, может быть, и вовсе не так простужен, как я.

Глава VI

О полувокальном или малом пуке

Малый или *полувокальный пук* выходит с меньшим грохотом, чем пук большой, либо в силу того, что отверстие или выходная щель канала, через который тот выходит, слишком узкие (прямо как у девушек), либо по причине малого количества ветров, заключенных в кишке.

Этот пук бывает *светлым, средним и придыхательным*.

О светлом пuke

Этот пук будет *полувокальным* или *малым пуком*, состоящим из сухой и очень легкой материи, который, выходя мягко через очень узкий канал выхода, дует как бы через соломинку. Его в простонародье называют *пуком девушек*, он во все не досаждаёт чувствительным носам и не является таким гадким, как *бздюх* и *пук каменищика*.

О придыхательном пuke

Придыхательный пук, или *полувокальный*, состоит из

влажной и темной материи. Чтобы дать представление о нем и его вкусе, я не смог бы придумать ничего лучше, чем сравнить его с гусиным пуком, и не важно, широк или узок калибр отверстия, которое его производит; он столь слаб, что чувствуется, это просто недоносок. Это обычный пук *булочниц*.

О среднем пуке

Последний находится где-то прямо посередине между *чистым* пуком и *пуком* *придыхательным*, поскольку однородная материя, из которой он состоит, — кстати, очень посредственного качества — небольшая по количеству и хорошо переваренная. Он выходит без малейшего усилия через отверстие, которое ни слишком сжато, ни слишком открыто. Это пук тех, кто скучает в девичестве, а также жен бургомистров.

Причина пуков, о которых сказано выше

Имеются три основные *причины* разнообразия в этих трех типах пуков, как у всех других, а именно: *материя ветра, природа канала и сила субъекта*.

1. Чем суше материя ветра, тем чище его звук, чем она влажнее, тем он более невразумителен, чем она ровнее и однороднее, тем он проще, и чем она разнороднее, тем он бо-

лее многозвучен.

2. По отношению к природе канала, чем он уже, тем пронзительнее звук, чем он шире, тем звук будет ниже. Результат зависит от того, тонок или широк кишечник, чья пустота или наполненность сильно влияют на звук: поскольку известно, что пустое звучнее, чем наполненное.

Наконец, третья причина разницы в звуке заключается в мощи и силах субъекта, поскольку чем мощнее природа толкает, тем громче звук пука и тем он насыщеннее.

Таким образом, ясно, что разница причин порождает разницу в звуке. В этом легко убедиться на примере флейт, труб и флажолетов. Флейта с толстыми и широкими перегородками дает невразумительный звук; а тонкая и узкая флейта дает звук чистый; и, наконец, флейта, чьи перегородки не толстые и не тонкие, дает средний звук. Конституция производителя является еще одной причиной, доказывающей истинность этого высказывания. Например, пусть некто, имеющий хорошее дыхание, приставит трубу к устам, тогда он непременно даст очень сильный звук, и обратное произойдет, если у него дыхание слабое и короткое. Итак, скажем, что духовые инструменты очень полезное изобретение для оценки пука, что с их помощью выдвигаются очень достоверные предположения, если таковые имеются, относительно различий звучания пуков. О восхитительные флейты, нежные флажолеты, торжественные охотничьи рожки и др.! Вы созданы, чтобы о вас говорили в искусстве пука, если вас приставить

неправильно; и вы умеете сделать довод достоверным просто с помощью пронзительного или торжественного звука, когда ловкие уста заставляют вас звенеть: итак, дуйте же с ловкостью, музыканты!

Глава VII

Музыкальный вопрос. Простой дуэт. Прекрасное изобретение, чтобы глухому послушать концерт

Тут один немецкий ученый предложил довольно трудный для решения вопрос, а именно, может ли в пуке быть некая музыкальность?

*Distinguo*¹⁷⁸; в дифтонговых пуках есть некая музыкальность, *concedo*¹⁷⁹; в прочих видах пука *nego*¹⁸⁰.

Музыка, появившаяся в результате *дифтонговых пук*ов, вовсе не та, что получается голосом или путем извлечения чего-либо звонкого из скрипки, гитары, клавесина и др. Она зависит только лишь от механизма сфинктера заднепроходного отверстия, который, сжимаясь и разжимаясь более или

¹⁷⁸ Разделяю (лат.).

¹⁷⁹ Допускаю (лат.).

¹⁸⁰ Отрицаю (лат.).

менее, образует звук – то торжественный, то пронзительный. Однако музыка, о которой идет речь, относится к жанру той, что оперирует дыханием, и, как мы это уже говорили выше, она является аналогом звуков флейты, трубы, флажолетов и др. Одни *дифтонговые пуки* только и способны создавать музыку по своей природе, как это можно увидеть в *главе III*, о разделении пука; таким образом, в пуках имеется некая музыкальность. И следующий пример еще лучше осветит этот вопрос.

Два мальчика, мои школьные приятели, были наделены каждый неким талантом, которым они забавлялись, а заодно забавляли и меня. Один умел рыгать, когда заблагорассудится на разные лады, а другой умел пукать таким же изящным образом. Последний же, чтобы добавить в этот процесс элегантности и утонченности, пользовался корзинкой для сжевания сыра, на которую он приспособил листок бумаги, затем он садился на нее сверху голым задом и потом, теребя свои ягодицы, выдавал довольно органичные звуки, подобные тем, что производят флейты разных видов. Признаюсь, что музыка была не очень гармоничной, а модуляции столь неловкими, что было даже трудно вообразить правила пения в подобном концерте и наладить как следует звучание басов и верхов, теноров и баритональных басов, верхних регистров и басса профундо. Но осмелюсь предположить, что ловкий учитель музыки сумел бы выстроить из этого оригинальную систему, достойную быть переданной потомству и вписанной

в искусство диатонической композиции, построенной по-пи-фагорейски, чьи *хроматические* гаммы можно обнаружить, только хорошенько сжав зубы. Здесь можно было бы точно добиться успеха, не отходя ни на шаг от принципов и понятий, которые мы изложили выше. Конституция и тип питания людей послужат светочем и компасом в этом предприятии.

Вы желаете получить высокие ноты? Обращайтесь к телу, наполненному слабыми парами и с узким заднепроходным отверстием. Желаете получить ноты вдвое ниже? Заставьте играть живот, наполненный густыми газами и с широким каналом. Мешок с сухими ветрами выдаст только чистые звуки, тогда как мешок с влажными ветрами произведет только звуки невразумительные. Одним словом, низ живота является полифтонговым органом, выдающим многочисленные звуки, из которого можно без особого смущения взять, прямо как в лавке, по меньшей мере дюжину модификаций или модуляций звуков. Из них выбирают только те, которые способствуют украшению, такие как *миксолидийский*, *гипомиксолидийский*, *дорийский* или *гиподорийский*¹⁸¹, поскольку используя их неразборчиво и налегая на полувокальные, можно до такой степени снизить громкость звучания, что их и вовсе уже не будет слышно; или же может случиться так, что несколько высоких или низких звуков зазвучу-

¹⁸¹ Речь идет о древнегреческих натуральных (диатонических) музыкальных ладах.

чат в унисон, из-за чего вся музыка станет невыразительной и неприятной, что терпимо разве что в гвалте или в большом хоре. Есть одна философская аксиома, которая предостерегает от этой неприятности, – избыток чувствительности разрушает чувство: *a sensibili in supremo gradu destruitur sensibile*. Таким образом, следует придерживаться умеренности, и тогда точно добьешься успеха; в противном случае мы внушали бы чувство ужаса, имитируя грохот водопадов Шаффхаузена¹⁸², испанских гор, Ниагары или же Монморанси в Канаде¹⁸³: они оглушают мужчин и вызывают преждевременные роды у женщин еще до наступления беременности.

Однако тот звук не должен быть столь слабым, это утомляет слушателя, заставляя его чрезмерно напрягаться, прислушиваясь, чтобы услышать. Во всем следует держаться середины.

Est modus in rebus, sunt certi denique fines, quos ultra citraque nequit consistere rectum ¹⁸⁴.

Тщательно следуя этому совету Горация, всегда можно преуспеть и снискать аплодисменты.

Прежде чем завершить эту главу, я не могу не воспользоваться случаем и не выступить как добропорядочный граж-

¹⁸² Имеется в виду водопад близ швейцарского города Шаффхаузен.

¹⁸³ Имеется в виду водопад Монморанси в Квебеке.

¹⁸⁴ Цитируется фрагмент из сатиры Горация «О жадности»: «Мера должна быть во всем, и всему наконец есть пределы, Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!» (пер. М. Дмитриева).

данин, пытающийся исправить по мере своих возможностей причуды природы, то есть увечья друзей, в отношении которых она проявила некоторую суровость. Я не смог бы, говорю прямо, уклониться от описания некоего средства, с помощью которого можно будет позволить глухому наслаждаться музыкой.

Пусть же он возьмет курительную трубку и вставит ее головку в *заднепроходное отверстие* участника концерта, и пусть он держит мундштук трубки между зубами, путем контингенции он сможет ухватить все интервалы звучания во всей их протяженности и мягкости. Мы имеем тому множество примеров в *Кардане*¹⁸⁵ и *Джамбаттиста дела Порта*¹⁸⁶. И если кто-нибудь еще, но не глухой, не важно какого достоинства или какого положения, захочет получить удовольствие и приобщиться к вкусу, то он сможет, подобно тому глухому, сильно втянуть свой ветер, и тогда он получит все те же ощущения и ощутит всю сладостность, которые можно вообразить.

¹⁸⁵ См. примеч. 3 на стр. 121.

¹⁸⁶ Джамбаттиста дела Порта (1535–1615), итальянский (неаполитанский) врач, алхимик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.